

Герман Романов СПАСТИ КАППЕЛЯ!

Под
бело-зеленым
знаменем

Новый фантастический боевик от автора бестселлеров «„Попаданец“ на троне» и «Спасти Колчака»!

Пришельцы из будущего в пекле 1920 года! Военно-историческая фантастика высшей пробы!

Оказавшись в теле колчаковского офицера, наш современник перевел стрелку времени, и бронепоезд русской истории свернул с «запасного пути» на Транссибирскую магистраль, подарив белым шанс на победу в Гражданской войне. Теперь все в руках генерала Каппеля: если его армия устоит, а сам он не погибнет от пневмонии — не будет ни трагедии Великого Сибирского Ледяного похода, ни агонии Белого дела, ни падения России. Но прорвать фронт истории можно лишь отчаянной «психической атакой» (сами каппелевцы называли их иначе — «беспатронными»): под бело-зеленым знаменем, не кланяясь пулям, без единого выстрела — в штыки!

- [Герман Романов](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Эпилог](#)
-

Герман Романов

**СПАСТИ КАППЕЛЯ! ПОД БЕЛО-ЗЕЛЕНЫМ
ЗНАМЕНЕМ**

(31 декабря 1919 года)

— Ох, и поддал ты парку, Сеня! Ох, как хорошо, полтора месяца не мылся! Жалко, что банька тесновата. Ноги на полке не вытянешь!

Бородатый мужчина лет пятидесяти зачерпнул деревянным ковшом из кадки холодной воды и вылил на покрасневшие от горячего пара плечи. Его можно было принять за обычного сельского мужика, но манеры явно говорили, что тот весьма образованный человек. И если хорошо присмотреться, то сразу можно скинуть и добрый десяток лет — борода сильно старит любого человека.

— Лучше на полке не вытянуть ноги, чем на ней их протянуть, Мики. — Моложавый мужчина лет тридцати пяти — тридцати шести, с небольшими светлыми усиками, забрал у бородача ковш, черпнул ладонью и смочил ледяной водой лицо. Клубы пара жгли тело, но это приносило неслыханное удовольствие.

— Ложись, мон шер колонель, сейчас я тебя веником отхожу по первое число. — Бородач осторожно, чтоб не обжечься, достал из кадушки запаренный березовый веник. Плавнo взмахнул им, стряхивая с листьев горячие капли. И принялся хлестать по спине офицера, что удобно улегся на полке, — ему-то она как раз пришлось впору, ведь ниже бородача на голову.

— Ты это... Полегче, государь... Насмерть запорешь...

— Я щас деда Миша, какой я тебе царь! Переворачивайся на спину, барин, надо по фасаду пройтись. Вот так, Семен Федотович!

— Вот внуков заведешь, тогда и дедом станешь... Ой... Ты еще сына заведи... Жениться тебе придется, государь... Да не хлещи ты так больно!

— Скажешь тоже — жениться... Я пятый десяток давно разменял.

— Давно? В прошлом году, насколько помню. Ты в самом соку, Ми...

Офицер не договорил — по его ногам стали хлестать веником нещадно, потом бережно прошлись по груди, на которой проглядывались два шрама и застарелая строчка шва. И очень ласково веник затронул живот, низ которого, прямо под пупком, был покрыт багровыми рубцами и пятнами.

— Ничего не пойму, — тихо произнес мужчина, — почему шрамы от картечи все время розовые, ведь полтора года уже прошло. И совсем не изменились. Как тогда затянулись, при вспышке, так такими и остались...

— Я сам не пойму, Михаил Александрович. Будто током пронзило, яркий свет до сих пор перед глазами стоит.

— И помолодел ты за этот год изрядно, Сеня. Лет десять скинул...

— Так я и этого, и того времени человек. Одна моя половина тогда исчезла, но другая-то здесь осталась. До сих пор непонятно. Вот и подумываю с того дня, что не зря так сложилось. Мне в сорок третьем такой же год пошел — ровесник века я. Сейчас, в девятнадцатом, вроде молодость снова пришла.

— Среднее арифметическое?! — задумчиво протянул Михаил Александрович. Посмотрел еще раз на багровые, но полностью зажившие рубцы и задумчиво протянул сквозь зубы, стараясь не глотнуть горячего воздуха.

— И такое возможно. На свете много есть интересного...

— Друг Горацио, — добавил Семен Федотович и, кряхтя, поднялся с лавки. — А теперь ты ложись, Михаил Александрович, послужи царю-батюшке. Разделаю тебя сейчас, как бог черепаху, в камбалу расплющу...

«Расплющить» не удалось, но отхлестал полковник Фомин последнего российского императора на совесть, не пожалев сил и двух березовых веников. Потом они тщательно обмылись, мысленно благодаря судьбу. Ведь за шесть недель похода каким-то чудом вшей не подцепили, а вместе с ними и тифа, что целыми батальонами буквально выкашивал отступающую вдоль линии Транссиба колчаковскую армию...

Хорошо помывшись, всласть, они выбрались в маленький предбанник, забрав с собой керосиновую лампу, еле светившую тусклым язычком пламени. Вытерлись хозяйскими рушниками насухо, взяли с лавки по паре чистого белья и неспешно облачились в него.

— Последняя, — вздохнув, сказал Михаил Александрович и усмехнулся. — Раньше я даже не замечал этого и не думал, что белье играет важную роль.

— Предпоследняя, — поправил Семен Федотович, — так что можно еще неделю походить. Хозяйку для стирки я снарядил, до утра за печкой просохнет. Так что три пары у нас будут.

— Живем! Как много теперь чистые подштанники значат!

— Еще бы! Ну, надо идти, государь, а то штабным тоже помыться хочется. Они, бедные, по трое забиваться будут, утром нам опять версты мерить.

Тихо переговариваясь, они быстро облачились в потрепанные английские френчи с синими погонами. Фомин носил свои штаб-офицерские, в два просвета, пустые, без звездочек. А вот великий князь поскромнее, где на просвет было меньше, зато четыре звездочки пирамидкой выстроились.

Накинув на плечи шинели и нахлобучив папахи, Михаил Александрович и Семен Федотович вышли из бани и побежали к дому. Миновав сени, они сразу окунулись в непередаваемую вонь немых вечность тел, грязных портянок, пороховой копоти и давящего чувства безысходной усталости.

В неширокой зале — центральной комнате с большой русской печью посередине — вповалку спали уставшие от продолжительного марша офицеры и солдаты, уткнувшись носами в полушубки. У всех на плечах были такие же синие погоны с белыми литерами «Иж» и «Втк».

От печи шли две двери — в правой комнатухе, запечной, или кутьи, как ее называли в Сибири, расположились хозяева. Большая семья — «сам», здоровенный мужик с седоватой бородой с лопату, его жена с большими натруженными ладонями и пронзительно-синими, вечно виноватыми глазами плюс целый выводок детей и внучат от двадцати до грудничков.

Как эта орава в кутье разместилась — уму не понять. Но вели себя хозяева тихо — ни шороха, ни звука, даже детки молчали, напуганные прибытием вооруженных до зубов служивых. В небольшой светлице, с левой стороны печи, расположился на ночлег штаб. Комнатка была полностью заставлена тремя кроватями, шкафом, сундуком и маленьким столом из струганых досок. Сейчас она пустовала — никто сюда не заходил.

И не могло быть иначе — так всегда размещался штаб знаменитой Ижевско-Воткинской дивизии. Командир генерал-майор Молчанов Викторин Михайлович отсутствовал, привычно проверяя обустройство своих частей на ночлег. Вместе с ним ночевали только они двое — начальник штаба полковник Фомин и его первый помощник великий князь Михаил Александрович, что был известен в дивизии под псевдонимом «штабс-капитан Михайлов».

Дивизия была больше по названию, а по численности равнялась бригаде — пять дней назад понесшие большие потери полки по настоянию Фомина свернули в батальоны, а последние в роты. Но и в таком урезанном ИВД была сильнее трех любых дивизий отступавшей

колчаковской армии, вместе взятых. Только штыков в ней имелось пять тысяч — и каких штыков!

Ижевские и воткинские рабочие знали, за что воевали. Красная пропаганда, напроць разлагавшая сибирские дивизии, сформированные из насильно мобилизованных крестьян, на них совершенно не действовала. А обещаниям советской власти, которая год назад безжалостно подавила ею же и вызванное восстание, они наотрез отказывались верить. Полтора года воевали ижевцы и воткинцы почти без перерывов — не зная усталости, без дезертиров и трусов, выполняя самые трудные задачи. Но держались особняком. Даже погоны были отличными от других — синими. Этот цвет для них символизировал железо и сталь оставленных под напором красных родных заводов.

Михаил Александрович и Фомин сжились с рабочими за это время, даже породнились. Ходили в атаки, отбивали яростные штурмы красных на окруженные заводы, разделили горечь прошлогоднего декабрьского отступления, когда голод с холодом выкашивал работный люд с женами и детьми во сто крат страшнее, чем красные пули и снаряды.

«Внутри» тайна императора продержалась недолго, но что самое удивительное — рабочие сохраняли ее «снаружи», насколько это было возможно в условиях войны. Попытки царевубийства, предпринятые красной разведкой, были пресечены ими на корню. Связанные общими узами ижевцы и воткинцы с подозрением относились к добровольцам, желающим вступить в дивизию. Это переносилось и на офицеров, ведь своих, доморощенных, было не просто мало, а катастрофически не хватало.

Но только немногие из них смогли завоевать полное доверие рабочих — за ними теперь шли безоглядно. Это и генерал Молчанов, полковники Юрьев и Фомин, подполковники фон Вах, Федичкин, и Ефимов. И все — более старших офицеров в дивизии не имелось. Потому и свернули ее в бригаду — начсостава едва хватило на укомплектование батальонов, зато по немыслимым сейчас полным довоенным штатам в тысячу штыков.

Но Ижевско-Воткинская дивизия была исключением из правила, в других же частях офицеров и солдат имелось чуть ли не поровну — дезертирство, сдача в плен малодушных является приметой любой гражданской войны. Оставались только самые стойкие духом, те, что осознанно пошли воевать против большевиков. Вот только драться всерьез никто из них, за исключением волжан, уральцев и уфимцев, сейчас не мог — тиф косил солдат страшнее пулеметов. Части были перегружены транспортом с больными и семьями, превратившись в огромные неуправляемые обозы. Как тут воевать?! Но не только это давило на армию — угнетающими были известия, что в Красноярске и Иркутске произошли эсеровские восстания, и теперь нужно было не отступать, а пробиваться с боем на восток, до спасительного Забайкалья, где утвердились части атамана Семенова и японцы...

Фомин вздохнул — ему удалось настоять на заблаговременной эвакуации семей ижевцев и воткинцев. Теперь хоть и имелся немаленький обоз, но бригада могла воевать. Только права поговорка — один в поле не воин. Задержать наступающих по пятам красных не удавалось, а положить дивизию, спасая других, значило лишиться последней боеспособной силы. И главное — ведь тогда может погибнуть спасенный в Перми от казни год назад последний русский император, и все их смерти пойдут коту под хвост.

Именно Михаил Александрович был последней надеждой, символом грядущего возрождения России. И понимал это не только Семен Федотович, но и сами рабочие. В последнее время ижевцы усилили негласную охрану императора, за ним постоянно приглядывали со всех сторон десятки настороженных глаз, одновременно стараясь оставаться незамеченными.

А о его участии в боях теперь и речи быть не могло — Фомин не сомневался, что даже

реши сам Михаил Александрович снова идти в цепи, ему просто не дадут.

Такой же строгий пригляд полковник стал чувствовать за собой — видно, тут уже «Михайлов» распорядился, да еще генерал Молчанов категорически приказал в драку не лезть, а оберегать императора. Круг замкнулся, и вырваться на поле боя стало невозможным для него делом. Лишь Шмайсер был счастливец, хоть вместо своего егерского батальона командовал сводной ротой. Правда, очень мощной по составу, чуть ли не в три сотни штыков — не каждый полк белой армии сейчас имел такую силу...

— Михаил Александрыч! Семен Федотыч! Извольте сидать. Варено из печи прямо, — произнес Кулаков, бессменный денщик с прошлого года. Щуплый мужичок лет сорока, бывший оружейник, не годный к строю, внес в еле освещенную одной свечой комнатенку исходящий паром чугунок.

— Есть так есть, — скаламбурил, но охотно согласился император и уселся за стол. Напротив присел и Фомин — переспорить Кулакова с его уговорами было бессмысленным делом, лучше сразу покориться. А то как квочка кудахтать будет. И «царь-батюшка» каждым вторым словом начинает употреблять, а этого Михаил Александрович терпеть не мог.

Чугунок вареной картошки с мясом раздражил бы аппетит и у сытого, чего ж говорить о людях, каждый день пребывающих на морозе. Рядом высилась на блюде горка хлеба, и памятником стояла штофная бутыль, на четверть заполненная мутной жидкостью со специфичным, любой русский мужик враз опознает, запахом — самогонкой хозяйского приготовления.

— Великий Суворов говаривал, что после бани хоть порты продай, но водки выпей, — невесело произнес император и разлил самогон по двум стаканам. Жидкость заполнила емкости на треть — вполне достаточная доза для лечения усталости и нервозности последних дней.

— Хорошо пошла, прям соколом, — император выдохнул воздух, помотал головой, чуть скривился от сивушного омерзения. Дружно взяв ложки, они принялись хлебать варено из чугунка, какие тут тарелки и придворный политес с манерами. У Фомина его отродясь не было, а Михаил Александрович за последнее время напрочь утратил прошлые привычки, превратившись в «деда Мишу». Или «тятю» и «батюшку», как его завсегда, но за глаза именовали знающие тайну рабочие, а ведали про нее всей дивизией.

Фомин улыбнулся — так называют любимых начальников, кои отца заменяют, но нет гаже для командира прозвища, чем «папик» или «папашка». Такому не верят, презируют, что и подчеркивает прозвище.

— Чему улыбаешься, Сеня?

— Да так, вспомнил кое-что, Мики...

Мики! Царь сам попросил его называть наедине своим детским прозвищем, а на «ты» всегда, при любых людях. Вроде награды раньше — перед королем шляпы не снимать, на «ты» обращаться. Михаилом Александровичем или господином капитаном, в зависимости от ситуации, называли все ижевцы и воткинцы, а солдаты и «тыкали» любимому «тятеньке».

Монархические симпатии, несмотря на восторженно принятую три года назад революцию, были видны невооруженным глазом. Те же рабочие высоко ценили золотые с позументами «царские кафтаны», которые в прежнее время даровались императором самым лучшим оружейникам. И в крестьянских домах, особенно в старожильческих, на стенках висели портреты царствующей семьи, как и здесь в комнате. Причем рядом с покойными Николаем и его сыном Алексеем располагался портрет Михаила Александровича — в эполетах, парадном мундире, лоб с залысиной, без усов и бороды.

А сейчас не признать Мики — борода лопатой, вместо худобы выросли мышцы, взгляд человека, много раз ходившего в штыковую, а не штабного генерала, разглядывающего бой

исключительно по карте. Возмужал за эти полтора года Михаил, посмотрел, к чему привела безответственная политика брата. И язва у него зарубцевалась на народной пище, даже воспоминаний не оставила. Это не трюфеля поганые под шампанское закусывать, а русскую водочку под мяско, да с огурчиком соленным! Не бланмаже дрянное...

Кремень стал Михаил Александрович, полностью стряхнул с себя, как грязную шелуху, придворное воспитание. И личное отринул — в октябре ему попала красная газетенка — а там, в длинном списке расстрелянных, была княгиня Брасова, его жена. Наталья Шереметьевская, по первому мужу Вулферт. А о смерти единственного сына Георгия Михайловича от странной болезни император прочитал в английской газете. Фомин удивился выдержке друга — Мики только заскрипел зубами да почернел лицом.

Фомин всем нутром чувствовал, что есть какая-то страшная тайна в семейной жизни императора, причем очень и очень постыдная, такой не только не расскажешь другу, а самому себе признаться страшно.

В бане Семен Федотович первый раз заикнулся о женитьбе, сведя разговор к шутке, и остался доволен. Пусть его идею не приняли, но ведь и не отвергли с порога, а значит, Михаилу Александровичу необходимо время на обдумывание. Да оно и понятно — нужно исправлять ситуацию в России, потом о семье думать, о наследнике царского престола, того самого, которого под задницей пока еще и нет...

— Ты на что надеешься, Семен? — тихо спросил царь, когда они после ужина закурили папиросы. И с нажимом заговорил:

— Это же катастрофа, Сеня. Армия деморализована, отступает в беспорядке, а в Красноярске и в Иркутске восстания. Все происходит так, как ты и рассказывал. Белое дело обречено изначально...

— Не совсем так. Есть шансы...

— Какие шансы? — чуть повысил голос император и скептически пожал плечами.

— Но ведь Миллер на Колу смог эвакуироваться и даже там укрепился. А сейчас мы отступаем в более нормальной ситуации, чем было. По крайней мере, наша дивизия. Так что...

— Ты меня не ободряй, я не паникую. Так что говори честно, не темни! Ты мне друг, зачем лгать?! — отрезал Михаил Александрович и требовательно посмотрел на Фомина. Тот закричал, тряхнул головой и посмотрел прямо в глаза, голос стал четким и холодным, как у немилосердного судьи, читающего смертный приговор висельнику.

— Революция похожа на приливную волну, а наши старания лишь пара дополнительных лопат гравия на песчаную дамбу. Размоет и унесет, не остановится. Я предупреждал адмирала Колчака несколько раз, а что толку? Старые генералы не понимают сути гражданской войны, все их планы хуже песчаных замков. А молодые не имеют опыта и знаний, ни дара предвидеть, даже те, кому дали возможность оказаться наверху.

— Не всем же знать будущее, это только тебе известно да Шмайсеру моментами, ибо он только читал о гражданской войне, но ее не видел.

— Да, это так. Я просил Колчака не начинать сентябрьскую операцию на Тоболе, доказывал, что она обескровит остатки армий. Он же, как азартный игрок, поставил на карту все, полностью оголив тылы. И вышло то, что и было, наступили на грабли второй раз. Дорогу заняли чехи, золотой запас уже в их руках, армия отступает в беспорядке, разгулявшиеся партизаны господствуют от Енисея до Байкала. Ты прав — это *катастрофа*!

Собеседники мрачно переглянулись и закурили по еще одной папиросе, хотя табак был на вес золота и его приходилось беречь. Фомин заговорил снова, безжалостно цедя слова.

— Наше влияние, все мои действия лишь сдвинули на пару дней те или иные события, но отменить их итог оказалось не под силу. Видно, есть какие-то законы, по которым движется

история, и они неумолимы. Теперь остается только Забайкалье — может, там нам удастся закрепиться.

— Ты имеешь в виду ДВР, о которой мне рассказывал?

— Да, это наш последний шанс. Приморье в истории само пожелало императора, но было поздно. У нас есть полтора года — красных нельзя пускать в Забайкалье!

— Что ты хочешь сделать?

— У нас надежная дивизия — ее хватит для штурма Иркутска.

— А чехи?

— Мы их должны взять за горло, чтоб они не вмешались. И отнять золото, без него не удержимся.

— И как это сделать?

— Часть сил, с батальон, отправим на Култук по тракту. Там разоружаем охрану и минировем один туннель. И если чехи дернутся — рвем его к чертовой матери. А сами уничтожаем все суда в Лиственничном, переходим через Байкал и занимаем оборону по побережью. Не думаю, что до этого дойдет, — чехи не самоубийцы пешком топать, ведь награбленное не увезешь.

— Так, — задумчиво протянул император и почесал пальцем переносицу. — Так вот почему ты на санях полсотни пудов тола везти приказал. Рванет так же, как в Ачинске...

— Так точно! Надеюсь, что этот аргумент подействует на чехов. И опять же! Взрыв в Ачинске произошел на день позже, но произошел ведь! Изменение не существенное, но оно есть. Так и в Иркутске может чуть иначе пойдет, ведь тогда в прошлом, вернее будущем, не решились на его штурм...

— Дойти до него нужно вначале, нам пока топать и топать. — Император прилег на кровать. — Туши свет, Сеня, надо поспать. Полночь скоро, а мы перед рассветом выступаем...

Назарово

(1 января 1920 года)

— Вставай же, Семен! Но только тихо-тихо. Есть очень важные новости. — Голос Шмайсера достучался до разума Фомина, а крепкая рука немца растормошила размякшего во сне офицера.

— Что случилось...

Договорить Фомин не успел — жесткая ладонь прикрыла ему рот. А немец склонился и стал шептать на ухо.

— Есть телеграф из Красноярска. Передано, что восстание Политцентра в Иркутске жестоко подавлено прибывшими из Забайкалья бронепоездами и войсками полковника Арчегова. Досталось и чехам — их корпус подписал соглашение с Сибирским правительством Вологодского...

— Что?!!!

— Не ори! Людям еще спать и спать! — прошипел Шмайсер.

— Этого быть не может! Чистейшей воды дезинформация! — Фомин машинально глянул на часы — половина четвертого, он спал ровно четыре часа.

— Я тоже так думал, но проверить надо?! Вот и поляки из Ачинска умотали, так что буксы на вагонах горели. Записи свои подзабыли. Хоть на польском, но читаемо, благо переводчики

есть.

— Как ты их раздобыл?

— А мои егеря на что? Взвод конных на станцию и в город днем отправил, информацию собрать, а они у меня толковые и способные. Сам выпестовал! — с откровенной гордостью прошептал Шмайсер.

— Царя разбудишь! — прошипел Фомин и задумался — новости шокировали. А Шмайсер принялся шептать прямо в ухо:

— А знаешь, друже, как эта Сибирская армия еще именуется?

— Нет. А как?

— Императорской. И вернулись там к чинопроизводству до марта семнадцатого. Вот так-то! Наш «фон» Бимман со мной согласен — он тут по своей линии всех подряд шерстит.

— Ни хрена себе, попил водички, — потрясенно сказал Фомин. Он окончательно проснулся и знал, что уже не уснет. Новости ошарашили кипятком. Капитан к фантазиям не склонен — он уже год негласно занимал должность начальника разведки дивизии и ни в чем подобном уличен не был. И главное, что Бимман, то есть полковник Георгий Николаевич Юрьев, тоже чистокровный немец, взявший фамилию жены в пятнадцатом году на волне германофобии, от которой Петербург Петроградом стал, с ним был в том согласен.

Это сразу заставляло задуматься — бывший помощник полицмейстера, а сейчас начальник Шмайсера по разведке, контрразведке и прочим «грязным» делам был расчетлив и к «пустышкам» совершенно равнодушен. Даже в отступлении, где бы ижевцы не проходили, он занимался вербовкой агентуры, оставляя ее на будущее.

— Надо Мики разбудить...

— Да не спит он, — чуть слышно хихикнул Шмайсер, — сразу проснулся и теперь подслушивает нас.

— Я не подслушиваю, а осведомляюсь, — тихо произнес Михаил Александрович и присел на кровати. Спросил нарочито равнодушно:

— Так что нам делать, барон?

— Первым делом надо разбудить денщика, принести горячей воды и наточить бритву...

— Это зачем? — дружно выдохнули «Михайлов» и Фомин, воззрившись на немца так, словно тот спятил.

— Побрить тебя, ваше величество. Пора настала в царственный вид приводить, мундир сменить, а золотые погоны генерал-лейтенанта я тебе давно раздобыл, даже две пары. И униформу соответствующую, не босяком же русскому царю ходить.

— С чего ты решил? Ты же раньше настрого запрещал мне бриться!

— Сменилась ситуация, появились новые для нас вводные. В Красноярск вошли минусинские партизаны, коих поднимают на восстание этими листовками. Прочти, государь, очень интересно, прямо захватывающе.

Михаил Александрович взял в руки листок бумаги, который ему сунул Шмайсер, зажег свечку и принялся читать, беззвучно шевеля губами. Потихоньку его лицо вытянулось в гримасе бескрайнего удивления.

— Как это понимать прикажете? «За царя и советскую власть»?! Меня признали Троцкий и Ленин, и лишь Колчак упрямится?! Что это за чушь?!

— За этой, как ты сказал, чушью стоят двадцать тысяч штыков — сила нехилая, а по местным меркам мощь неимоверная. Пора большевикам своей демагогии отведать, пусть она как бумеранг к ним вернется.

— Ты хочешь...

Фомин недоговорил, задохнулся словами. Ну и Шмайсер, ну и сукин сын. Предложение

был восхитительным, но в нем имелся только один недостаток. Один, но решающий.

— А если это не более чем слухи? И в Иркутске господствует Политцентр, а не это новоявленное Сибирское правительство? — Михаил Александрович тоже уяснил, где слабое звено.

— Тогда будем прорываться с боем. А красных «тепло» встретят одураченные ими крестьяне.

— Нужно тебе срочно легализоваться, Мики. Сейчас каждый час дорог! — На помощь Шмайсеру пришел Фомин. — Под твое начало все встанут с охотой, у отчаявшихся людей сразу появится надежда. Грех не воспользоваться моментом, а это хороший шанс. И Ачинск братъ — он ключ ко всему.

— Надо собрать на площади всю бригаду, все другие части, всех селян. Ты им скажешь, что, видя людские беды и все такое, решил взять на себя власть и даруешь народу все...

— Как все?!

— Все, что захотят, то и даруешь. Пусть налоги не платят, обещай все. Но только пусть за тебя встанут. И про Сибирскую армию скажешь, что идет на помощь. И то, что Ленин и его шайка обманывают...

— Про большевиков сказать можно, но такое обещать я не смогу, это же ложь, как эта листовка.

— Мики, не будь чистоплюем! — Фомин напал на императора с другого бока. — Нужно спасать людей, спасти хотя бы Сибирь! Ты же слово дал, что наши смерти не забудешь?!

— Ты же не лгать будешь, а вещать. Но про сроки говорить зачем? Нам, главное, удержаться. Если Арчegov не придет, пойдем до Байкала. Если же идет примем бой здесь, захватим Красноярск В городе огромные склады и артиллерия. И спасем всех беженцев — пути на Красноярск забиты эшелонами, а там женщины и дети. А для начала попробуем Назарово поднять — село богатое, народ здесь зажиточно живет. Затем на Ачинск двинемся — нельзя его красным оставлять — иначе третья армия в окружении погибнет.

— В селе солдат и обозников из разных дивизий тысячи три народа. Половина на ногах крепко держится, можно в строй ставить. Еще Барнаульский стрелковый полк полковника Камбалина подходит, — шепот Шмайсера был преисполнен надежды и лихой веселости.

— Сотни три штыков наберется? — сразу спросил Фомин, цеплявшийся за любое пополнение.

— Полторы тысячи человек, из них чуть больше тысячи штыков. Хороших солдат. Они с Алтая отходят. Нужно срочно брать полк под свое начало. Решайся же, государь?! Наша дивизия за тебя насмерть встанет!

— Хорошо. Но смотрите, друзья, под монастырь не подведите! — после долгой мучительной паузы отозвался император. Затем вытащил свой чемодан, открыл его, порылся и извлек две пары золотых погон и сверкающий золотистый сверток адъютантских шнуров.

— Мне их покойная жена сделала, еще в Брасово, — император тяжело вздохнул, словно вытаскивая из себя слова. — Я их сберег. И для вас хранил! Не примете — смертельно оскорбите. Возьмите.

— Это же штаб-офицерские, а я капитан, — растерянно вымолвил немец, держа в руке погоны.

— Флигель-адъютант, на них мой вензель, жена вышивала. Ты чего молчишь, Семен Федотович?

— Так трудновато себя генерал-майором ощущать, ваше величество! Но плох тот полковник, что не мечтает стать генералом.

— Это выше, намного выше обычного генерал-майора. Это погоны генерал-адъютанта,

вензеля мои, аксельбанты соответствующие. Ну, господа?

— Благодарю, ваше величество. Отслужу. — Глаза циника Шмайсера чуть подернулись влагой. Он начал прикреплять новые погоны к старой шинели. Этой же операцией занялся и Фомин. Вот только радости он не чувствовал от свалившегося на плечи генеральства. Зато пятая точка прямо отчаянно вопила, что спал он четыре часа в последний раз, и больше такого не предвидится.

Шмайсер вышел за дверь, и через пару минут вернулся с заспанным денщиком. Тот моментально проснулся, когда узнал, для чего его привели. И сразу засуетился с нескрываемой радостью — споро натащил горячей воды, наточил бритву и принялся с мастерством опытного цирюльника приводить императора в соответствующий вид.

Свежеиспеченный флигель-адъютант принес какой-то баул, извлек новую генеральскую шинель на красной подкладке и великолепную каракулевую папаху. Затем достал из резко похудевшего мешка новенькое обмундирование, причем довоенное, из отличного сукна.

И, насвистывая под нос, стал прилаживать на китель и шинель золотые генеральские погоны с тремя звездочками. Фомин радостно выдохнул — все немец предвидел, как и то, что императору ходить в затрапезном виде, даже две пары погон где-то упер. Ибо покупать такие вещи Шмайсер стал бы только под страхом смерти...

— Господа офицеры! — Отчаянная команда кого-то из опомнившихся штабных хлестанула кнутом. Все с оторопелым видом посмотрели на Семена Федотовича, вернее, на его широкие плечи, в золотом сиянии генеральских погон с императорскими вензелями.

Но тут в освещенную залу вошел совершенно преобразившийся император, побритый, в генеральском мундире. Все разом впали в столбняк, даже всегда решительный генерал Молчанов. Некоторые усиленно заморгали, кое-кто потер глаза, словно хотели отогнать видение.

— Генерального штаба подполковник Ефимов! Приказываю немедленно вступить в должность начальника штаба Ижевско-Воткинской дивизии.

— Есть, ваше императорское величество! — Невысокий худощавый офицер с русой бородкой щелкнул каблуками.

— А вам принять второй батальон от полковника Ефимова. — Император повернулся к высокому крепкому капитану.

— Есть, ваше императорское величество!

— Викторин Михайлович! Прошу вас немедленно построить дивизию и все подразделения, что стоят в Назарове. Прикажите собрать местных селян — мне нужно поговорить с людьми.

— Есть, ваше императорское величество!

Фомин заметил, как радостно блеснули глаза молодого генерала. Видно было, что Молчанов испытывал чудовищное облегчение, ведь многомесячный затянувшийся маскарад был в тягость не только всем ижевцам и воткинцам, но и ему тоже. Но маска окончательно сброшена — и лица собравшихся офицеров и солдат озарились надеждой...

Глава первая

Но бывает день один...

(2 января 1920 года)

Кемчуг

— Пся крив! Эти гусситы обрекают нашу дивизию на истребление, пан Казимир. — Офицер в мундире польской армии, в наброшенной на плечи шинели, медленно прошелся по салону вагона, в ярости похлопывая перчатками по ладони левой руки.

— Я их понимаю. — Сидящий за столом Казимир Юрьевич Румша, бывший полковник русской императорской армии, ныне ставший командующим пятой польской дивизии, которую именовали Сибирской, чуть улыбнулся краями губ. Вот только радости совсем не было в этой ухмылке полковника, одна злоба на вчерашнего союзника.

— Я их прекрасно понимаю, — повторил Румша. — Польша лишится нашей дивизии, зато пшекленты гусситы получают три своих. Прекрасный аргумент для решения проблемы Тешинского княжества. Курва маць!

Поляки были сильно недовольны созданием Чехословакии, ведь в Версале в ее пользу, не думая долго, обкорнали соседей. От побежденной Германии отрезали Судеты, в которых на одного чеха приходилось по пять немцев, а от новообразованной Речи Посполитой нагло оторвали Тешин, где проживавшие испокон веков поляки доминировали над «братьями» чехами.

— Дальше Иланской наши эшелоны сейчас не пройдут, там создана порядочная пробка из их поездов. — Полковник Валериан Чума, командующий всеми польскими частями в Сибири, остановился и уселся за стол.

— Они отказались пропустить даже семь эшелонов с семьями, ранеными и больными. А генерал Жанен приказывает нам ждать, пока с полковником Арчegovым не будет заключено соглашение о пропуске всех чешских составов за Байкал.

— Это как бальзам на душу, — Румша хихикнул, — надеюсь, что ушлый казак ограбит их эшелоны основательно. Пусть чехи от жадности удавятся.

— Чему радуешься?! — грубовато резанул Чума. — Распотрошив двести чешских поездов, он примется за наши пятьдесят, если мы все же доберемся до Байкала. И нам придется отдать добро, лишь бы выбраться из этой Сибири, где сопли в носу замерзают.

— А может, и не придется, — задумчиво протянул Румша. — Может быть, мы все сохраним и в накладе не останемся. Да еще колчаковского золотишка вытянем из Сибирского правительства.

— Как?! — Чума оторопело посмотрел на собеседника. — Что ты имеешь в виду, пан Казимир?!

— Плюнуть на чехов и Жанена и попытаться договориться с русскими напрямую. Я еще не уверен, но в штурмовом батальоне все жолнежи клянутся, что в Ачинск сегодня ночью вошла Ижевская дивизия и отбила наступающий авангард красных. Это позволило нашим бронепоездам и батальону уйти на станцию Чернореченскую, где расположился штаб генерала Каппеля. Теперь части третьей белой «армии» — Румша иронично надавил на последнее слово — смогут вырваться из ловушки!

— Допустим, — отозвался Чума, — но впереди Красноярск. А мы с эсерами уже заключили

перемирие за пропуск наших эшелонов. Взять его штурмом колчаковцы вряд ли смогут — ты сам видишь, какой бардак у них творится. Нет, они обречены.

— Не спеши их хоронить, Валериан.

— Что ты имеешь в виду?

— Знаешь, кто командует белыми в Ачинске?

— Нет! Я только приехал из Красноярска и еще не в курсе.

— Сам император Михаил Александрович! Вот так-то!

— Ох ты, — Чума даже привстал с кресла. — А не новый ли Лжедмитрий он, часом? Кто знает...

— Нет, это исключено. Два офицера его уверенно опознали. Кроме того, у местных селян на стенках имеются портреты царской семьи. Вон там, на столике, один лежит, я специально взял.

— Пся крев, — снова выругался Чума, но в голосе послышалось облегчение. — Это был заговор, и мы его проморгали. И чехи... Ведь войска Арчегова именуются Сибирской императорской армией — а это неспроста.

— И рвутся сюда, — подытожил Румша, — чехи очищают для их прохода один путь. Потому и движение на восток застопорилось...

— Пан полковник. — Дверь в салон отворили, и на пороге вырос поручик. — Срочные депеши из Иркутска. Только что расшифровали.

— От Сыровы?

— Нет, пан полковник. Хотя переданы чешским шифром. Вам от полковника Арчегова. Так же, как и генералу Каппелю. Третья депеша для передачи русскому царю Михаилу от премьер-министра Сибирского правительства Вологодского.

— Давайте сюда! — Валериан Чума протянул руку и жадно впился глазами. Не столько прочитал, а буквально проглотил текст и тут же протянул листы Румше. Тот читал медленнее, но по мере прочтения лицо полковника непроизвольно вытягивалось от удивления.

— Что нам теперь делать? — задумчиво спросил Чума, но в голосе офицера явственно слышалось нескрываемое облегчение.

— Принимать предложение Арчегова. Это единственный выход, другого просто нет. И поможет нам матка Бозка Ченстоховска...

Красноярск

— Господин генерал, красный начдив Лапин на проводе, — капитан Полонский, адъютант генерала Бронислава Зиневича, сильно потрянул своего начальника за плечо. Тот открыл глаза — но смысл сказанного не сразу добрался до разума. Но когда все же достиг его, генерал тут же сорвался с места, как ошпаренный кипятком таракан.

Полонский брезгливо сжал губы — за последние дни генерал полностью утратил уважение всех офицеров, став безвольной марионеткой Евгения Колосова, главы новоявленной эсеровской власти в Красноярске.

Истеричный и желчный эсер умел говорить хорошо подвешенным языком и хуже того — убеждать. На своем любимом коньке — настоящем рассвете Сибирской государственности, если «общественностью» будет установлена «демократическая» власть, он вовлек генерала в восстание против Колчака. Еще бы — убрать «контрреволюционного правителя», взять власть в свои руки и убедить красных, что «розовый» Красноярск станет для них союзником, и потому нет нужды на него наступать.

Разагитировав разложившиеся сибирские части, эсеры вовлекли их в переворот. Вот только через три дня вся затея стала трещать по швам. Солдаты им не захотели подчиняться, а когда Зиневич стал убеждать, как «сын рабочего и крестьянина», его просто послали на извечные три русские буквы, силой выпроводив из казарм.

Полонский усмехнулся — надо же, выискался сынок двух папашек. Теперь гонористый поляк относился к патрону со скрываемой брезгливостью, как один шляхтич может презирать другого, замазанного грязью и дерьмом. События последних дней его еще больше убедили в том, что он сделал большую ошибку, поставив не на ту «лошадь». Тем более что вчера в Красноярске стало известно, как полковник Арчegov распотрошил Иркутский Политцентр, нанеся при этом поражение чехам.

Создание Сибирского правительства во главе с Вологодским окончательно добило химеру «розовой власти». Вот только договориться с Иркутском у Колосова не вышло — премьер-министр пригрозил отдать его под суд вместе с Зиневичем за содействие большевикам. А в присланной позднее телеграмме Арчегова эсерам и предателю генералу (уже за измену Сибири!) настоятельно предложили самим вернуть ситуацию к «статус-кво», чтоб уберечь жизни от знакомства с виселицей.

В последней отчаянной попытке хоть как-то сохранить уже не власть, а саму жизнь Колосов связался по телеграфу с командиром 30-й стрелковой дивизии красных, что подходила к Ачинску. И те вышли сейчас на связь — в соседней комнате застрекотал телеграфный аппарат, поползла бумажная лента. Разговор вел сам Колосов, а генерал только читал адресованные им комдивом Лапиным слова...

— Завтра мы возьмем Красноярск. Белые окружены. Ни на какие соглашения мы не пойдем, — голос Зиневича дрожал от нескрываемого страха. Еще бы — с востока грозят петлею, отступающие по Транссибу колчаковцы просто расстреляют как изменника, а партизаны Щетинкина, что подошли к городу с юга, грозят перебить всех «буржуев», а генерала сварить в котле.

И это была не пустая угроза — в Красноярске «общественность» тряслась от страха, когда до нее дошло сообщение, что в Кузнецке партизаны вырезали половину населения города.

— Передайте им наше пожелание, — послышался умоляющий голос генерала Зиневича.

— Что передать? — Голос Колосова дрожал не меньше. Эсеру тоже было страшно — последняя надежда обрушилась карточным домиком.

— Что мы согласны отдать им всю полноту власти, но только после подхода частей регулярной Красной армии. Ведь власть пока у нас...

Полонский улыбнулся — расчет верный. Вряд ли торжествующие красные поставят к стенке человека, что предал белую армию. Иуды всегда в цене, и большевики охотно таких миловали. До поры до времени...

Аппарат застрекотал, и надиктованное Колосовым сообщение ушло. А через минуту пришел ответ, выползающий белой лентой из аппарата. Лента в дрожащих руках генерала заходила ходуном, будто тот взял живую гадюку.

— Что они пишут?! — В голосе Колосова зазвенела истерика.

— Тут только... Тут только написано, — генерал справился с приступом паники и тихо сказал:

— Мавр сделал свое дело...

Через вагонное окошко по купейным дверям прыгали солнечные зайчики. Ясный зимний день быстро набирал свою силу, жить бы да жить и радоваться детскому смеху да кататься с ребятишками с крутой горки. Мечты, мечты — как они сладостны, без них люди в одночасье превращались в стариков с потухшими взорами.

Только за вагонными стенками стояла совсем иная жизнь, в которой детским мечтаниям не оставалось места. Черемховская станция была буквально забита воинскими эшелонами, состоящими из теплушек и платформ. Рядом грозно высились корпуса бронепоездов, угрожающе топорщивших орудийные стволы в цилиндрических башнях, с покрашенными поверх бело-зелеными нашлапками новоявленного Сибирского государства.

— Ваше превосходительство! С телеграфа доложили — от Иркутска отправился правительственный поезд. Сюда едут министры Михайлов и Яковлев, с ними и контр-адмирал Смирнов. На станцию Зима прибыли «Блестящий» и «Быстрый». Далее дорога плотно забита составами. Чехи только начали растаскивать эшелоны с нашего пути. Майор Белых докладывает, что наша ветка сейчас полностью свободна для прохода.

Молодцеватый подпоручик с забинтованной рукой на черной косынке и аксельбантом адъютанта на правом плече замер, восторженно глядя на молодого, чуть старшего в годах, крепкого и уверенного в себе полковника Арчегова, командующего Сибирской армией.

Потому и обращение было как к генералу, а интонацией офицер выделял — генералов и полковников у нас много, но командующий один. Да с такой заслуженной славой, что армия его на руках носить готова!

— Хорошо, поручик. Скажите полковнику Степанову — пусть поторопит в Головинской и Заларях приемку грузов от чехов. И немедленно отправляет второй батальон стражи для охраны этого перегона. И прошу не беспокоить нас с адмиралом в течение часа! Выполняйте!

Полковник медленно достал из кармана куртки портсигар, вынул папиросу. Чиркнул американской зажигалкой, закурил, глубоко затянулся. Выдохнул густой клубок дыма, неторопливо затянулся еще несколько раз и через минуту искоса глянул по сторонам.

Коридор был уже пуст на всю длину, двери в тамбура плотно закрыты. Исчез и адъютант Колчака лейтенант Трубчанинов, и начальник личной охраны адмирала Удинцев, до того маячившие у дверей первого купе. Полковник усмехнулся — десантники выполнили приказ взять все под охрану буквально, он их хорошо вымуштровал за эти горячие дни.

— Двух недель не прошло, как я здесь. Но как давно это было! И все поменялось, — тихо пробормотал под нос полковник Арчегов и еще раз усмехнулся в густые усы.

— Как интересно жить. Все страннее и страннее, сказала бы Алиса...

Тринадцать дней назад, но на три четверти века вперед, он, Константин Иванович Ермаков, отставной подполковник ВДВ, инвалид с напрочь подорванным здоровьем, трижды раненный, обгоревший и контуженый, еле таскал ноги по убогой квартирке, собираясь в дорогу.

Родное государство, олицетворением которого стал для него генерал с похабной кличкой «Пашка-Мерседес», выжало его как лимон и после полученных в чеченской войне ранений безглаголиво выбросило на нищенскую пенсию молча подыхать.

А в родном Иркутске его уже ждали стервятники, раскинув в стороны длинные крылья, — бывшая жена и пьяница шурин, ее младший брательник, что слюной изошлись, ожидая, когда он, наконец, даст «дуба» и очистит для них квартиру. Шурин, с надеждой организовать ему скорейший кирдык, устроил поездку на Кругобайкалку, где в одном из урочищ над Ермаковым покамланил старый шаман, по совместительству ремонтник.

— Спасибо тебе, Цыремпил, — сразу вспомнил добрым словом полковник бурята. Здоровье тот ему не вернул, но по невероятному мистическому стечению он, Константин Ермаков, вернее, его разум, память и душа, вещи насквозь не материальные, оказались в теле полного

тезки, только с фамилией Арчегов. Терского казака, командира дивизиона бронепоездов атамана Семенова, родившегося на семьдесят лет раньше его самого. К тому же новое крепкое тело кадрового офицера кавалериста было на десять лет моложе и без выматывающих душу и нервы болячек.

— Сбылась мечта идиота, от одной войны на другую, — тихо пробормотал под нос офицер и снова поглядел по сторонам. Посмотрел по привычке — сейчас ему следует быть настороже и не пропустить главного. А воспоминаниям предаваться не стоит, хотя память услужливо пролила бальзам на душу — приятно вспомнить, как были раздолбаны в пух и перья спесивые и вороватые потомки гуситов...

Тихий щелчок спускаемого курка нагана донесся через закрытую дверь подобно удару колокольного била. Полковник улыбнулся — адмирал не стал затягивать свое земное существование, расписался в собственном бессилии, поставив жирную точку.

Теперь медлить было нельзя — не дай Бог, у Колчака в кармане завалялся настоящий патрон, а не тот, вываренный в воде, что ловким фокусом подсунул ему Ермаков. А потому Константин Иванович живо повернулся и рывком открыл купейную дверь в сторону.

— Полковник, у вас не найдется другого патрона? Этот дал осечку. — Голос адмирала даже не дрожал, хотя лицо было бледным.

Наган мирно лежал на белой салфетке, что накрывала маленький вагонный столик. Рядом был раскрыт портсигар, в пепельнице аккуратно затушена папироса. И запечатанный конверт с четко прописанной на нем надписью — «Передать моей семье».

Китель Колчак уже застегнул на все пуговицы — бывший Верховный правитель России не хотел даже в такой момент дать малейший повод усомниться кому-либо в его решительности и собранности.

— Патроны ваши, Александр Васильевич, а не мои. Разрешите? — Не дожидаясь кивка адмирала, Ермаков присел на противоположный диванчик. Засунув пальцы в нагрудный карман, он вытащил патроны и высыпал их на стол. Взял в руки наган и сноровисто зарядил. Пристально посмотрел на адмирала, что невидящим взором уставился в оконное стекло.

— Александр Васильевич, я могу поговорить с вами откровенно? Это не займет много времени, но имеет огромную важность для будущего России, единой и неделимой...

Последние слова будто плетью ожгли адмирала — он резко повернулся к Арчегову, крылья носа гневно затрепетали.

— Вы говорите о единой и неделимой России?! Вы, полковник?! А не вы ли инициировали создание Сибирского правительства?! Не с вашим ли участием объявлено о независимости Сибири?!

Именно этой гневной вспышки и добивался Ермаков — минуту назад адмирал свел все счеты с жизнью, и сейчас было важно вытряхнуть из него это состояние. Что угодно — гнев, ярость, упреки, но только не этот потухший взор и смертельно уставший голос.

— Конечно, Морской корпус, где учились вы, господин адмирал, более привилегированное заведение, чем Елизаветградское кавалерийское училище, которое окончил я. Но, надеюсь, что и в морском деле есть такие понятия, как военная хитрость и выигрыш времени. Ведь есть?

— Что вы имеете в виду?! — Адмирал резанул взглядом, словно кортиком, его лицо на секунду напряглось, затвердели мышцы.

— Провозгласив свою приверженность принципу единой и неделимой России, белое движение подписало смертный приговор самой России. Не торопитесь, Александр Васильевич, сейчас я все обосную. Разговор у нас более чем серьезный, а потому я прошу вас о полной конфиденциальности.

— Хорошо, Константин Иванович. — Адмирал раскрыл кожаный портсигар, извлек

папиросу. Пододвинул к Арчегову пепельницу. — Курите, полковник, да и я с вами покурю.

— Благодарю, — Ермаков чинно закурил, выдохнул дым в сторону от адмирала. Устроился на диване, чуть поерзав, удобнее.

— Самые злейшие враги России — это ее союзники. Сейчас сбылась заветная мечта англичан, которые наконец-то добились развала нашей державы. Россия охвачена смутой, погрязла в междоусобице — пусть глупые русские мужики режут друг друга подольше, а джентльмены будут решать свои дела. Потому-то появилась на российских окраинах добрая полудюжина новых государств, которые находятся под защитой британской короны. Они не стали помогать белому движению. Я имею в виду серьезную помощь — ведь красные, по существу, сыграли на британские интересы. Согласны?

— Не могу возражать, — задумчиво протянул Колчак. — Они всячески тянули даже вопрос о признании нашего правительства де-факто. Что же говорить о признании де-юре...

— Остальные союзники не лучше, все они также пытаются удить рыбу в мутной воде. Япония пытается откусить от нас какой-нибудь кусок, вроде северной части Сахалина, Камчатки или КВЖД. Американцы, следуя принципу — враг моего врага, мой друг — исподтишка вооружают партизан. Да, адмирал, не удивляйтесь. Раз красные воюют с японцами, то в интересах САСШ всячески вредить последним. А это сильно цепляет рикошетом и нас. Французы же умеют считать деньги, а раз мы не в состоянии не только платить по старым долгам, а вообще платить, кредиты нам не предоставят. А за поставки требуют золото. Миром правит экономика.

Ермаков саркастически скривился, небрежно затушил окурок. И тут же закурил новую папиросу. Затянулся, выпустил из легких густой клубок дыма и тем же тоном продолжил говорить:

— Теперь красные. Они страшный противник, в этом мы все убедились. Беспринципные демагоги, обещают все и сразу, а когда нужно, то тут же отрекаются от своих слов. Лев Троцкий как-то сказал, надо уметь доставать принципы из кармана, и вовремя прятать в нужный момент. А потому наша принципиальность вчистую проиграла схватку с их беспринципностью. Победить большевиков можно только их же методами. Вопрос лишь в одном — в цене такой победы! Нужна ли она нам? И сами мы останемся ли после этого нравственными и нормальными людьми?

Ермаков сознательно затянул паузу, но адмирал на уловку не поддался и комментировать или критиковать не стал. Колчак молчал, задумчиво потер переносицу и закурил новую папиросу. Пауза затягивалась, и полковник решил закончить прелюдию и перейти к главному.

— «Единая и неделимая Россия» является страшным пугалом для всех наших союзников, в том числе и потенциальных. Все эти лимитрофы — Эстония там или Латвия — до ужаса боятся большевиков, с программой которых они ознакомились на собственной шкуре. Лишь посылка Англией флота предотвратила их советизацию. Упомяну также Польшу, столкновение которой с совдепией вопрос только времени. Паны выжидают краха белого движения, чтоб прибрать в свои руки Белоруссию и Украину. Надо сказать честно — они уже своего момента дождались...

— Вы хотите сказать, что мы... Мы, — Колчак вскинулся, чуть слышно заскрипел зубами от сдерживаемого гнева, — потерпели катастрофу?

— Полнейшую! Как шведы под Полтавой! — с безмятежным видом резанул Ермаков. — Юденич разбит и отвел войска в Эстонию. Деникин отступил уже к Ростову, может быть, ему удастся отстоять Крым. Миллер держит Колу, но это вряд ли надолго затянется. Про Сибирь я не говорю — вы сами видите, что здесь происходит...

— Знаю, — с горечью и язвительным гневом сказал Колчак. — Вы тут тоже приложили руку и решили пре... то есть сдать наши умирающие армии.

— Предать?! Вы же это слово хотели сказать, Александр Васильевич?!

— Предал бы Политцентр, это да. А вы... Вы просто решили выйти из игры. Но вы зря надеетесь, что большевики вас оставят в покое...

— Не надеюсь. Они никого в покое не оставят, пока весь мир не большевизируют. Или пока им осиновый кол в могилу не вобьют, что намного вернее. Но это так, поэтика. Мы же с вами люди военные, ваше превосходительство. А потому давайте говорить открыто и конкретно.

Ермаков решительно затушил папиросу, глянул адмиралу прямо в глаза. Колчак тоже собрался, щека дергалась тиком, и было видно, что адмирал с трудом сдерживает ярость.

— Объявив независимость Сибири, мы, — полковник выделил местоимение, — выигрываем время. Нужно создать за год более-менее приемлемые условия жизни, обеспечить населению спокойствие и порядок. Вы меня упрекнули за бойню, которую устроили мои солдаты в этом городе. Но это не так — военное положение позволило нам начать наводить порядок. Мятежные шахтеры едва составили половину убитых, другая половина состоит из преступного элемента, которым наводнены наши города и с которыми ваше правительство почти не боролось. И зря — криминал не менее опасная зараза, чем красные. Повсеместные грабежи и убийства подрывали у населения веру в вашу власть, господин адмирал, не менее чем военные неудачи вверенных вам войск. А то и более...

— Нельзя творить беззаконие, полковник. Ваши методы очень похожи на большевистский террор. Мне сказали, что только здесь ваши солдаты перебили несколько сотен человек. И еще в Иркутске...

— Вы не правы, адмирал. Это они развязали террор против обывателей, а мы ответили тем же. С моими солдатами задействованы бывшие чины полиции и жандармерии, которых мобилизовали поголовно. Смею вас заверить, что это настоящие профессионалы своего дела. А потому удалось в кратчайшие сроки ликвидировать сотни уголовников и каторжан, разгромить десятки притонов, хаз и малин. Перевешали множество скупщиков краденого, у них конфискованы ценности на огромные суммы. И вот результат: утром мне подали сводку по МВД, а я с ними обязательно знакомлюсь, стараюсь быть в курсе событий — в Иркутске вчера за сутки произошло только одно убийство и два грабежа. Всего! А в начале декабря за одну ночь фиксировали до сотни преступлений. Все виновные задержаны патрулями, их оказалось четыре человека, и они были расстреляны без промедления. Сейчас не время миндальничать, играть в правосудие, адвокатов и прочий гуманизм...

— Вам не откажешь в решительности, господин полковник...

— Иначе нельзя, власть должна быть сильной, либо она будет обречена. Но хватит об этом. Вернемся к тому, с чего начали. Декларировав независимость, мы уже сейчас получили поддержку Японии. Поставки оружия и снаряжения начнутся через месяц, кроме того, японцы помогут навести порядок на железной дороге, с доставкой медикаментов и многое другое. То, от чего вы раньше отказались, делая ставку на союзников. Подождите, господин адмирал, я не упрекаю вас, и тем более не осуждаю, я констатирую факт. Далее — вы видели, во что одеты мои солдаты? Американцы передали нам за последние дни более двух десятков вагонов с обмундированием и оружием. Сами предложили! Сейчас решается вопрос о закупке в САСШ военной техники — танков, боевых катеров, аэропланов и многого другого. Думаю, что через пару месяцев мы получим искомое.

— Вы уверены? — По лицу Колчака пробежала усмешка, и он почти незаметно фыркнул.

— Полностью, — Ермаков энергично кивнул. — Это год назад Сибирь в глазах союзников не имела значения, как Золушка, лишенная всех прав. А теперь ситуация изменилась — за богатой невестой ухаживают, ей стараются понравиться, ибо она другого жениха может выбрать. Япония и САСШ это сразу поняли, думаю, и любители пудинга с лягушатниками уже

сообработили.

— Для чего вы мне это рассказываете? Желаете, чтобы я одобрил ваши действия по расчленению России?

— Господа побойтесь, ваше превосходительство! И слово же вы нашли, прямо душегубом себя ощущаешь. Я к тому говорю, что нами сделано все возможное, и союзники уже всерьез решили, что Сибирь полностью отделилась от России. Но именно это и называется военной хитростью, в которую поверили все, и вы с ними, ваше превосходительство...

— Что?! Что вы сказали?! — Напускная броня ледяного спокойствия впервые дала брешь, изумление в голосе Колчака прорвалось явственно. Адмирал даже заморгал глазами, будто заново стал ребенком, которому показали интересную игрушку.

— Именно сейчас сложилась ситуация, когда у белого движения появились реальные шансы переиграть этих шулеров с их краплеными политическими колодами. Нас, я имею в виду Сибирское правительство, они, несомненно, полностью поддержат. Ведь добрая четверть, если не треть, территории Российской империи, с мизерным трехмиллионным населением, стала для них лакомым куском. Еще бы, такой вкусный пирог! Подавятся, как Бобик костью! Колонией мы не станем — слишком много жаждущих, локтями друг друга отпихивать будут.

Ермаков замолчал, закуривая очередную папиросу, бросив короткий взгляд на Колчака. Увиденное ему понравилось — адмирал крепко задумался, а это было хорошим признаком, ибо гнев — плохой советчик.

— И на большевиков нажмут, чтоб те на нас сильно не давили. Воевать с красными мы не в состоянии — слишком несопоставимы людские и материальные ресурсы. Сейчас не в состоянии, — увидев мгновенно пробежавшую по лицу Колчака тень, Ермаков добавил:

— Нам хотя бы год передышки. За это время покончим с партизанами, устроим тыл, перевооружим и подготовим кадровую армию. Тем более войска Каппеля сейчас почти небоеспособны — им нужен долгий отдых. Люди устали, вымотались, свирепствует тиф. Нужно обустроить всех эвакуированных — а их уже чуть ли не триста тысяч. Нет, сейчас мы не то что освободить от большевиков Сибирь, и тем более Россию, сейчас мы больше пары месяцев воевать не сможем, да и то, не столько атакуя, а отбиваясь.

— Чем обусловлен такой срок, и почему только в обороне? — глухо спросил адмирал таким тоном, что походило больше на утверждение, словно сам Колчак заранее знал ответ на свой вопрос.

— Запасов не хватит. В Иркутске эсеры в свое время придержали поставки на фронт вашим войскам, что, конечно, не могло не отразиться на ходе кампании. Но с другой стороны, их саботаж сейчас принес великое благо — мы сможем полностью снабдить до двадцати тысяч солдат. Склады по железной дороге от Иркутска до Нижнеудинска буквально забиты, и сейчас чехи передают их под нашу охрану.

По лицу Колчака снова пробежала тень — Ермаков понял, что его завуалированный упрек достиг цели — ведь в Омске отступающие войска Колчака оставили красным колоссальные запасы оружия и снаряжения. Радио из Москвы ежедневно перечисляло захваченные трофеи.

— Кроме того, чехи передают нам все вооружение, боеприпасы и снаряжение своего корпуса. Часть из них мы используем для собственных нужд...

— Почему только часть? Не хватает солдат?

— Не только! Мы уже готовим два корабля для отправки в Крым — они повезут через неделю это вооружение и прочее добро генералу Деникину.

— Так-так, — задумчиво протянул адмирал и бросил на Арчегова быстрый взгляд. Как показалось полковнику, в глазах Колчака сквозил теперь не гнев, а нечто похожее на уважение, и даже признательность. И Ермаков решил — теперь можно было задать главный вопрос, ради

которого он и устроил Колчаку такое жестокое испытание.

Ачинск

— Как же фы так проморгали их фыступление?! — с чувствительным прибалтийским акцентом в скрипучем голосе спросил молодой командир в длинной кавалерийской шинели. На рукаве были четко видны под нашитой звездой два красных ромба — знаки отличия начдива. Так сокращенно в Красной армии именовали начальников дивизий.

— Командир третьего батальона прошляпил. Перед рассветом начбриг Грязнов повел свои полки и кавдив Рокоссовского в преследование второй армии, оставив в городе и на станции третий батальон из 262-го полка. Утром внезапно атаковали белые, обложив наших. Из батальона спаслось с десятков красноармейцев, уж больно атака была внезапной, товарищ Лапин.

— А фы тумали, что они претупрежтать бутут?

— Виноват, товарищ Лапин!

Пожилой, лет сорока пяти дядька, с мозолистыми рабочими руками, тремя кубарями батальонного командира на обшлагах серой многострадальной, прожженной во многих местах шинели, потупил глаза перед своим молодым командиром.

Даже возмутительно молодым — но такова любая революция. Дерзким и агрессивным, стремящимся к кардинальным переменам, она всегда открывает дорогу. Латышу Альберту Лапиньшу, русифицировавшему свою фамилию в более удобную, было только двадцать лет.

В октябре семнадцатого он вступил в Красную гвардию, принял участие в московских боях. Через полтора года уже командовал полком, а после взятия Омска ему дали дивизию. И не зря — энергии молодежи не занимать, и 30-я дивизия неутомимо преследовала белых вдоль железной дороги, громя слабые арьергарды и захватывая набитые добром эшелоны.

Отступавшие колчаковцы почти не сопротивлялись, хоть и было их в несколько раз больше. Деморализованные целой чередой поражений, они не желали драться, лишь иногда затевали кратковременные перестрелки, отбиваясь от наседавших красных.

Только неделю назад произошел один настоящий бой — у станции Тайга авангард столкнулся с арьергардом польской дивизии, усиленным бронепоездами. Тогда пришлось туго, но поляки вскоре вышли из боя и, пользуясь железной дорогой, быстро оторвались в своих эшелонах...

— Цука, — выругался Лапин сквозь зубы — ведь сам же совершил жуткую ошибку. Переговорив на исходе ночи по телеграфу с Красноярском, «обрадовав» тамошних эсеров, что хуже любой контры, он уехал из взятого внезапным налетом Ачинска, чтобы поторопить отставшие 89-ю и 90-ю бригады. Грязнову приказал преследовать красных всей своей 88-й бригадой, оставив в городе один батальон. И надо же так понадеяться!

Белые последние дни только хаотично отступали, какие там контратаки, тем более ночные. Потому и посчитал начдив, что одного батальона в триста бойцов будет достаточно для охраны станции и города, а к полудню он сам подойдет с отставшими бригадами.

— Сколько их там? Кто? — сумрачно спросил Лапин.

— До тысячи штыков с пулеметами. Погоны синие, ижевцы или воткинцы, другие беляки таких не носят. Мой батальон нарвался на них у станции. Огонь был плотным, пришлось отступить.

В голосе комбата просквозило нечто похожее на уважение или тщательно скрываемую боязнь.

— Цука, — снова выругался Лапин. Как он рвался к городу, занял и профукал тут же. А ведь Ачинск ключ к победе — третья армия белых плетется южнее, отстав уже на переход от второй. Беляков сзади поджигает 35-я дивизия, в Мариинске и Томске сосредотачивается 27-я дивизия. На севере вытянулась лента брошенных колчаковцами эшелонов.

Выход для армии только на северо-востоке, через Ачинск, который он уже занял. Вернее, занимал. И все — попав в окружение, белые или сдались бы, или были уничтожены. Добить вторую армию, что бросила своих, а сама упрется в Красноярск, вопрос времени. Но, видно, кто-то из генералов сообразил и повернул ижевцев с дороги на город.

Целую бригаду бросили, не пожалели — ведь своих спасали. Лапин хорошо знал малочисленность белых формирований, и степень их деморализации. Ну что ж — тогда он разгромит сегодня их последнюю боеспособную часть, а дальше придется только добивать уцелевших.

— Бутем атаковать с хоту, — процедил сквозь зубы упрямый латыш. Двух полков 89-й бригады с одной батареей (третий выступил из Томска, смененный там полком из 27-й дивизии) достаточно для занятия города. А потому ждать подхода трех полков отставшей 90-й бригады и еще двух батарей артдивизиона неразумно. Сил больше чем достаточно...

Чернореченская

Через заледеневшее вагонное окно в купе проникал сумрачный вечерний свет. В салоне было тесно от собравшегося здесь генералитета и старших офицеров, остро пахло потом давно не мытых тел, порохом, табаком и витал явственно осязаемый запах полной безнадежности. Мрачная атмосфера еще больше сгустилась, когда со стула тяжело встал и заговорил невысокий генерал-лейтенант с уставшим лицом и черной бородкой.

— Красноярск не гибель, а одна из страниц борьбы. Скажу больше — это тяжелый экзамен, выдержат который только сильные и верные. Но они будут продолжать борьбу. Крепкие пойдут со мной, и я или спасусь, или погибну с ними. Но если это суждено, то я буду с войсками до конца, и своей смертью среди них докажу им свою преданность.

Словно электрический разряд попал в собравшихся, все разом вздрогнули и засопели. Заходящее солнце кровавыми отблесками производило на души генералов и офицеров тягостное и жуткое впечатление. Нервы напряглись как струны, все присутствующие даже дышать стали через раз.

— Сегодня будет написан приказ, в котором я скажу об обстановке, создавшейся благодаря измене. Этим приказом, кроме того, я разрешу всем колеблющимся и слабым оставить ряды армии и уйти в Красноярск, когда мы к нему подойдем.

Многие генералы с офицерами стали переглядываться, не в силах поверить. Ведь Каппель сказал беспрецедентное. Он призвал фактически распустить армию, оставив в ней добровольцев, тем самым вернуться в лето восемнадцатого года. Ведь многие солдаты удерживаются только чувством товарищества и шли вперед за более решительными. А теперь пойдет массовое дезертирство — ведь все присутствующие уже не помышляли о победе, а старались в отступлении спасти свои жизни.

— Тем, кто останется со мной, я в этом приказе скажу, что нас ожидает впереди только тяжелое и страшное, может быть гибель. Но если останется только горсть, я и ее поведу. Вы поняли — мы должны прорваться!

Все обреченно выдохнули — теперь не осталось даже маленькой надежды. Главнокомандующий сказал, по сути, одно слово — это *конец*!

— Я думаю, вы слишком сгустили краски, Владимир Оскарович! Не все так плохо, как кажется. Наоборот, мы в одном шаге от победы. — Насмешливый и уверенный голос пронзил всех электрическим зарядом.

В раскрытой двери вагона стоял генерал-лейтенант со странно знакомым всем присутствующим лицом. В это нельзя было поверить, но человек перед ними был живой, а не призрак или привидение. Не мистификация или плод воспаленного безумия. И он улыбался...

— Господа генералы!

Звонкая команда вывела присутствующих из состояния паралича — все повскакивали с мест, вытянувшись по уставу.

— Сидите, господа! Семен Федотович, и вы, Казимир Юрьевич, проходите. Я думаю, нам всем предстоит долгий разговор.

Только теперь собравшийся в вагоне генералитет поверил в невероятное — туманные слухи о спасении императора Михаила Александровича оказались правдой, пусть и невероятной, но большинство в нее верили. И теперь надежда получила самое наглядное подтверждение.

— Да сидите же, господа! В ногах правды нет!

Все стали медленно усаживаться на полки и стулья, не сводя глаз с живого императора. И на долю сопровождавшего Михаила Александровича начальника штаба Ижевско-Воткинской дивизии достались удивленные взгляды. Императорские вензеля на генеральских погонах вчерашнего полковника, ведь Семена Федотовича Фомина большинство присутствующих знали в лицо, уж больно яркой у того была репутация, говорили о многом.

— Начну с главного, господа. — Император присел на освобожденный генералом Каппелем стул, что стоял в торце длинного стола, снял с головы папаху, машинально пригладил волосы.

— Восстание «Политцентра» в Иркутске подавлено частями Сибирской императорской армии под командованием полковника Арчегова. Нанесено поражение и второй дивизии чехов, поддерживавшей мятежников. Захвачены большие трофеи и несколько десятков поездов. Литерные эшелоны с золотым запасом и адмирал Колчак освобождены из-под чешского ареста. С командованием союзных войск заключено соглашение, по которому все иностранные части выводятся из Сибири, они обязаны возвратить награбленное, вернуть вагонный парк и освободить железную дорогу.

Невероятное сообщение взорвало совещание генералитета второй армии. Все разом загудели, в глазах безысходность уступила место радостному блеску. Новости оказались просто спасительными!

— Три часа назад я получил телеграмму от премьер-министра Сибирского правительства Вологодского. — Михаил Александрович посмотрел на стоявшего у окна полковника Румшу. Этот взгляд был замечен всеми и правильно истолкован — телеграф давно находился в руках чехов и поляков.

— Правительство сочло мое отречение в марте семнадцатого года недействительным ввиду того, что Учредительное собрание не было созвано в полном составе, а имеющиеся депутаты не могут быть выразителями интересов всего русского народа. А потому я принимаю один из императорских титулов, «его величества» царя Сибирского, ведь на другой территории Российской империи правительство Вологодского не имеет влияния. Пока...

Заявление императора вначале ошарашило собрание, а затем взорвало его радостным гулом. И не могло быть иначе — сама система подготовки кадровых офицеров была построена на девизе — «за веру, царя и отечество». Потому почти все сидящие за столом были монархистами по определению, которым волей-неволей в революционном угаре и хаосе приходилось скрывать свои убеждения. И пусть пока будет царь Сибирский, но возвращение императорского титула уже вопрос только времени.

— А потому волею правительства и исходя из существующих законов я принимаю на себя всю полноту власти главнокомандующего!

Михаил Александрович обвел тяжелым взглядом генералитет, но несогласных среди них не имелось. Наоборот, все еще больше оживились, а генерал Каппель с нескрываемым облегчением вздохнул — чудовищная ноша ответственности свалилась с его плеч.

— Приказываю окончить отступление! Передовые части Сибирской армии начали выдвижение на Нижнеудинск. К Красноярску они придут через две, а то и три недели — железная дорога забита эшелонами и ее приходится освобождать. К нам подойдут восемь тысяч пехоты и сабель, с пятью бронепоездами, с достаточным количеством пулеметов и артиллерии, в том числе тяжелой. Авангардом командует генерал от кавалерии граф Келлер! Он помощник командующего армией полковника Арчегова.

Фомин спрятал улыбку — пожившие и хлебнувшие лиха генералы напоминали ему расшалившихся, довольных детишек. Наверное, так чувствует себя приговоренный к казни человек, когда его ставят у стенки, вскидываются винтовки, но звучит не залп, а озвучивают полное ему прощение, с последующим щедрым вознаграждением за пережитые страхи.

Имя графа Келлера, как он и рассчитывал, полностью расшевелило генералов. Еще бы — репутация старого кавалериста была такова, что под его начало многие встали бы с удовольствием. А граф прорвется к Красноярску вовремя, иначе просто не может быть, он человек, верный слову.

— Приказываю! Вторую армию свести во второй, третью армию в третий армейские корпуса. Прежние корпуса или дивизии, потерявшие личный состав, расформировать немедленно! Боеспособные дивизии свести в бригады по три батальона в 600–700 человек, не меньше. В каждом батальоне иметь три роты, а также команды конных разведчиков и пулеметную. Бригадам придать по кавалерийскому или казачьему полку, в три эскадрона или сотни, со штатными взводами конной разведки и пулеметным. В полку 400–500 человек. Не меньше! В бригадах доукомплектовать егерскую и саперную роты, технические службы с командой связи. Нужен хоть один артвзвод из двух орудий, с достаточным количеством снарядов. И это все — на три тысячи человек иметь только небольшой обоз и санитарную команду.

Михаил Александрович обвел взглядом генералов. Те всем своим видом и мимикой как бы говорили ему в один голос: «Куда вы прикажете деть тысячи саней с больными, ранеными, беженцами?!»

— Это только боевая часть бригады, — император улыбнулся, ему были понятны опасения генералов.

— В тыловую часть свести все обозы, распределить беженцев и больных. И сформировать запасной батальон с эскадроном для немедленного доукомплектования боевых частей. Немедленного! Излишки офицеров из расформированных дивизий свести в резервные роты. Их использование на усмотрение командира бригады. В тыловой части иметь не более 4 тысяч человек, из которых одна тысяча должна состоять из боеспособных солдат. Реорганизацию провести обстоятельно, даю вам этот день и следующие сутки на дневку — к утру четвертого выступаем. Командующим вторым корпусом назначаю прежнего командарма — генерал-лейтенанта Войцеховского. Третий армейский корпус примет генерал-лейтенант Каппель!

— Есть принять корпус, ваше величество!

Два молодых генерала, с большими белыми Георгиевскими крестами на шее, поднялись с мест и ответили почти одновременно. И тут же сели на свои стулья, повинувшись взгляду монарха. А Михаил Александрович посмотрел на Фомина, и тот тут же заговорил скрипучим голосом, обращаясь к генералам:

— Во второй корпус входят следующие стрелковые бригады — Камская генерала Пучкова и Уфимская генерала Петрова. Тобольскую группу свести во 2-ю Сибирскую бригаду. В резерве 3-я Сибирская бригада, реорганизованная из 3-й Сибирской Иркутской дивизии. И 1-я кавалерийская бригада, сведенная из остатков 1-й кавалерийской генерала Миловича и 2-й Уфимской конной князя Кантакузена дивизий.

Арьергардные части бывшей второй армии — ижевцы, воткинцы и уральцы, а также сибирские и оренбургские казаки составят первый армейский корпус, командовать которым назначен генерал Молчанов.

В третий корпус войдут Поволжская бригада из остатков Самарской и Казанской дивизий, во 2-ю Уральскую бригаду свести все уральские «дивизии» горных стрелков, и 1-я Сибирская бригада — основой которой будет Омская и 13-я Сибирская дивизии. Всего три бригады. Генералу Каппелю произвести реорганизацию на марше...

— Не хмуритесь, господа генералы! — Михаил Александрович остановил Фомина. — Пусть некоторые дивизии превратятся в один батальон, но от этого мы станем намного сильнее. Да и в прежнее время генералу не зазорно было гвардейским батальоном командовать! В тыловые части отведите самых немощных и уставших солдат, потерявших веру. Лишние обозы приказываю свести в отдельные транспорты. Все, господа! К делу, у нас мало времени! Прошу командующих корпусами остаться, остальные свободны!

Император встал со стула, одновременно с ним стал подниматься и воодушевленный генералитет. Но неожиданно для всех Михаил Александрович заговорил снова, строгим донельзя голосом, тщательно выделяя слова:

— Довести до каждого солдата — отступление закончено! Помощь близка! Действовать энергично и инициативно, безвольных или потерявших веру командиров отрешать от должности немедленно. За пьянство тем более! Жалованье всем офицерам и солдатам будет уплачено золотом, семьи обеспечены всем необходимым! Я это обещаю! Пусть все знают — наше дело правое, большевиков разобьем, победа будет за нами!

Черемхово

— Разрешите спросить вас, Александр Васильевич. О чем с вами говорил государь Михаил Александрович прошедшим летом? Если это не секрет и вы не дали слова хранить сказанное в тайне.

— Его величество предупреждал меня о возможности катастрофы, и почти точно обрисовал то, что случилось с нашей армией сейчас! — Адмирал за секунды почернел лицом, голос стал совсем глухим. Колчак повел плечами и криво улыбнулся.

— Мы встретились на вручении ижевцам Георгиевского знамени. Государь заговорил со мной, но я, к сожалению, не принял серьезно предупреждение. Отвод с фронта первой армии был запоздавшим решением, которое, я только сейчас стал это понимать, и усугубило ситуацию.

— Государь что-нибудь говорил? Или просил, Александр Васильевич? — с деланным спокойствием спросил Ермаков и замер в ожидании ответа.

— Он категорически отказался выезжать за пределы России, хотя я настаивал. Он так и остался с ижевцами. Впрочем, я понимаю его величество — с ними ему безопаснее. А просил...

Адмирал потянулся к портсигару и нарочито спокойно закурил. Хотя это Ермакову казалось, что Колчак раскуривает папиросу медленно, настолько полковник напрягся в ожидании ответа.

— Его величество попросил лишь эвакуировать в Иркутск семьи ижевцев, наиболее опытных оружейников и заводское оборудование. Сказал, что без этого выпуск нового оружия невозможен.

— Вы видели это оружие, Александр Васильевич?

— Да, и даже стрелял из него. Ручные пулеметы на сошках, чем-то похожие на английские «Льюисы», но компактнее и легче, без кожуха. И автоматический карабин под пистолетный патрон Маузера, они его во время восстания на заводе делали, полтора года назад. Автомат Шмайсера, так, если память не изменяет, звучит фамилия конструктора.

Колчак сделал паузу, а Ермаков в душе принял стойку охотничьей собаки, что, наконец, нашла вожака. Но свое растущее нетерпение полковник обуздал — он был уверен, что адмирал расскажет ему все.

— Я распорядился все вывезти, вот только возможностей для производства нового оружия не было. Да и патронов чудовищная нехватка. К тому же американцы обещали наладить поставку пулеметов Кольта.

— И обманули — прислали совершенно негодные «Сент-Этьены»...

— Да, это так, — с нескрываемой горечью отозвался Колчак на реплику Арчегова. — Но и наладить выпуск этого оружия, при нашей бедности технического оснащения — неразрешимая задача.

— Через две недели оружейники обещали изготовить первый образец данного автомата, а к концу месяца освоить мелкосерийное производство. В Иркутске простаивают обозные мастерские, вот мы их и задействовали. Патроны к ним поставят японцы.

После слов полковника Колчак вздрогнул и впервые отвел взгляд в сторону. Ермаков невольно пожалел собеседника — испытать такой стыд не каждому дано. Во время разговора заслуженному адмиралу, неоднократно показали многие промахи и просчеты, которые он допустил, будучи Верховным правителем России. Как котенка, натыкали мордой в лужицу собственной мочи — знай, как пакостить!

— Что вы можете сказать о Шмайсере, Александр Васильевич? — Своим вопросом Ермаков решил отвести Колчака от неприятных мыслей.

— Немецкий офицер, в войну находился в одной из африканских колоний. Михаил Александрович попросил зачислить его на нашу службу в чине капитана. Так же, как другого немецкого офицера, если не ошибаюсь, он принял русскую фамилию своей матери — Фомин, — воевавшего в той же Африке. Я подписал соответствующий приказ. И еще побеседовал с ними — этот полковник Фомин показал удивительный дар предвидения, многое сбылось...

Колчак замолчал, нервно закурил папиросу. Молчал и Ермаков, переваривая услышанную информацию, которая прекрасно дополнила рассказы наскоро опрошенных ижевцев на станции Иннокентьевской.

«Так вот какая у нас Кассандра выявилась. Странные у Михаила Александровича немцы в качестве флигель-адъютантов, с автоматами ППС и пехотными „дегтярями“. Они, вне всякого сомнения, спасли императора в Перми от казни. А оружие говорит об одном — эти немцы такие же „попаданцы“, как азм, грешный, только стволы как-то протасили. Поговорить нужно с ними серьезно», — надолго задумался Ермаков, смоля очередную папиросу, от которых во рту стояла горечь. Но сказал адмиралу полковник совсем иное:

— В нашей Сибирской армии вернулись к императорскому чинопроизводству, — Ермаков лукаво улыбнулся и многозначительно посмотрел на адмирала, поймав взгляд. Сейчас они смотрели глаза в глаза, и что-то дрогнуло в душе бывшего Верховного правителя.

— Вы хотите сказать, — начал было адмирал, но Ермаков перебил его, хотя понимал свою

бестактность. Но в данный момент именно она и была нужна, дабы показать искренность.

— Премьер-министр Вологодский сегодня утром отправил Михаилу Александровичу телеграмму с предложением, от которого государь, — полковник надавил на последнее слово, — не сможет отказаться!

— С каким предложением? — Адмирал не удержался от любопытства.

— Я не могу повторить дословно, ведь Вологодский юрист и тщательно подбирал формулировки. Но суть в следующем — Сибирское правительство считает отречение Михаила Александровича в марте 1917 года в пользу Учредительного собрания недействительным, так как последнее не удалось собрать в полном кворуме. Тем более что захват власти большевиками не позволит в ближайшие годы заново провести всероссийские выборы. Потому наше правительство признает его императорское высочество лишь местоблюстителем престола.

Вместе с тем правительство признает один из его императорских титулов, а именно — царя Сибирского. И вплоть до созыва Сибирского земского собора, а только он правомочен решать вопрос о монархии, Михаил Александрович может царствовать на освобожденной от большевиков территории Сибири и Дальнего Востока при подписании соглашения с правительством о разграничении полномочий.

— Вологодский это предложил?! — потрясенно воскликнул Колчак, удивление его было безмерным, ибо монархических симпатий у своего бывшего премьера он раньше не наблюдал, хоть и провели рука об руку целый год. А тут такая метаморфоза — и адмирал задумчиво покачал головой.

— Министры Сычев, Яковлев и я, как командующий армией, нашли доводы, чтобы убедить Петра Васильевича сделать такой шаг ради будущего нашей с вами России, — Ермаков внимательно посмотрел на адмирала.

— Александр Васильевич, мы решили не выпрашивать у союзников признания де-юре, а вернуть России прежний статус путем определенных маневров. Сибирское правительство рассчитывает, что если на какой-нибудь освобожденной от большевиков территории пройдет свободное народное волеизъявление, в котором прозвучит признание государем Михаила Александровича, то с нашей стороны последует немедленное признание императорского титула. Более того, этой российской государственности, пусть даже ограниченного масштаба, будет оказана любая помощь, вплоть до военной. И предложение воссоздать на федеративных или конфедеративных началах новую Российскую империю.

— Почему Вологодский не сообщил мне вчера вечером о телеграмме? — глухо сказал Колчак и расстегнул верхнюю пуговицу кителя, потер пальцами шею, словно воротник стал душить его.

— Он отправил ее позже вашего с ним разговора, и после того, как мы обсудили возможности выхода из создавшегося положения. Теперь все зависит от вас — приложите ли вы все свои силы к будущему свободной от большевизма России или нет.

— А как понимать это? — Колчак тронул рукой лежащий на столике перед ним заряженный наган.

— Я искренне прошу извинить меня за несдержанность, примите во внимание мою молодость. Как командующий армией, я обязан был вас выслушать и принять взвешенное решение, не поддаваясь эмоциям.

Колчак побледнел, и тут же на его щеках выступил багровый румянец. Такой удар стал для самолюбия нестерпим. По сути, извиняясь перед ним, Арчegov ткнул его носом еще раз — ведь вчера адмирал не стал слушать Вологодского, всего час назад на повышенных тонах говорил и с полковником. А ведь он считал себя Верховным правителем России, зрелым во всех смыслах человеком. И получить такую завуалированную выволочку от офицера, который ему по возрасту

годится в сыновья.

— Вчера я получил экстренную телеграмму из Читы от одного генерала. Вологодский назначает его моим заместителем, то есть первым помощником. Он будет командовать авангардом в наступлении на Красноярск.

Ермаков решительно сменил тему разговора, он догадался, какой жуткий стыд испытывает адмирал.

— Вот телеграмма. Прошу прочитать, Александр Васильевич.

Полковник достал из кармана куртки сложенный листок бумаги, развернул его и протянул Колчаку. Тот взял телеграмму, пробежался взглядом по отпечатанным строчкам, медленно, но вслух прочитал:

— «Командующему Сибирской Императорской армией полковнику Арчегову. Копия военному министру Сиб. правительства генерал-майору Сычеву Ваше превосходительство, в такой момент времени долг и присяга перед монархом и Россией велят мне находиться в рядах вверенных вам войск. Готов встать в строй даже прапорщиком. Генерал от кавалерии, граф Келлер».

Румянец на щеках адмирала сменился бледностью. Колчак задумался на минуту, потом его лицо внезапно ожесточилось. Он быстро застегнул ворот кителя и рывком встал с дивана, резко бросив руки по швам. Не ожидавший такой реакции адмирала, поспешно вскочил с места и Ермаков.

— Ваше превосходительство! — чуть глухим, но внятным голосом проговорил адмирал. — Готов немедленно встать в строй вашей армии мичманом. Или закончить...

Колчак не договорил, бросил выразительный взгляд на лежащий перед ним револьвер. Его лицо выражало жертвенное спокойствие, как бы говоря — моя жизнь принадлежит России, а смерти я не боюсь.

В горле у Ермакова запершило, он сглотнул, пытаясь преодолеть нахлынувшее волнение. В глазах предательски защипало. За секунду перед ним пронеслась вся его жизнь, та, прежняя. Полковник попытался вспомнить, был ли хоть один генерал, что прилюдно в декабре 1991 года отказался от сытой жизни, генеральского пайка и жалованья, оставшись до конца верным Советскому Союзу. Были ли офицеры советской армии, которая в одночасье превратилась в российскую, что с презрением отказались от новых чинов и должностей, сохраняя искреннюю верность советской власти?

Он пытался припомнить, а память услужливо показывала сытые и лощеные генеральские лица, что с жадностью принялись «прихватизировать» армейское имущество, их тупое самодовольство и вековое хамство. Холуйство внизу и чванство наверху, ставшее обыденным явлением очковтирательство и стукачество, жертвенность взводных и ротных на войне и безразличное равнодушие начальства к пролитой крови.

Это была не его армия, он понял это давно. Его армия здесь и только здесь, где полный генерал отказывается от всего, кроме чести, и работает сапожником. Эта его армия, где офицеры дружно встают в строй рядовыми и берут в руки винтовки, где нет стукачей и почти нет трусов. И даже кровавая междоусобица не смогла выбить из душ такие понятия, как честь, долг, верность! Может, дело в том, что эти понятия сохраняются лишь при служении монарху?! Ведь «демократическая» власть, что там, что здесь, только говорит об этих принципах.

Но показывает и прививает людям совершенно противоположное, без чего невозможно само ее существование — обещать, но не давать, оболванивать и обманывать свой народ, иначе не дадут хапать побольше, жить припеваючи. Ну а рядовые сограждане пусть сдохнут, лишь бы было тихо, и на кресло не капало...

— Ваше превосходительство может принести России великую пользу. А это, — Ермаков

показал на наган, — лишнее. Судьба уже сделала за вас выбор, а потому следует на нее положиться. Помните, как у Пруткова — каждый человек принесет пользу, токмо находясь на своем месте. Вы моряк, Александр Васильевич, более того, вы флотоводец. Политика не ваша стезя. Потому прошу вас заняться своим прямым делом. И присядьте, пожалуйста, а то как-то неудобно говорить о серьезных делах стоя.

— В какой должности вы меня видите, Константин Иванович?

— Вы примете командование над кораблями, отправляющимися в Крым. Это вспомогательный крейсер «Орел» и один или два военных транспорта. Я прошу вас отплыть как можно быстрее — ваш поезд будет немедленно отправлен во Владивосток особым литером, послезавтра. А теперь о главном...

Ермаков закурил папиросу и пристально посмотрел на адмирала, глаза в глаза. Колчак был собран, взгляд решительный и строгий.

— Завтра днем вы будете на совещании с правительством, но Вологодскому незачем знать о деталях нашего разговора. От должности Верховного правителя вы откажитесь в пользу Михаила Александровича. По прибытии в Крым обязательно переговорите с генералом Деникиным — пусть признают Михаила Александровича. Сейчас отправьте телеграмму в Мурманск генералу Миллеру о том же. Я со своей стороны продублирую за министерскими подписями Сычева и Яковлева, возможно и Вологодского. И как только в Заполярье и Крыму примут это решение, мы получим императора и де-юре. И плевать можем на союзников. Пер аспера ад астра...

— Через тернии к звездам, — адмирал перевел строчку отчеканенной Арчegovым латыни. — Я выполню все вами задуманное. И поймите меня правильно, Константин Иванович, но я в вас ошибался. Приношу свои извинения — ваша молодость сыграла со мной злую шутку, я не ожидал увидеть действительно государственную мудрость.

— Молодость, конечно, определенный недостаток. Который, к сожалению, быстро проходит, — полковник усмехнулся. Улыбнулся и Колчак — первый раз за этот день — тяжелый груз ответственности упал с его души.

— Оборону Порт-Артура хорошо помните, ваше превосходительство? — На неожиданный вопрос Арчегова адмирал только кивнул.

— Возглавьте Черноморский флот, Александр Васильевич. И сделайте все для обороны Крыма. Его нужно удержать любой ценой. Любой! Оборону там держат части генерала Слащева — талантливый военачальник, правда, со странностями. Перейдет к вам в подчинение с большой охотой — у вас авторитет весомее, чем у всех тамошних генералов, вместе взятых. Перекопайте перешеек на пять рядов, пустите в ход все флотское имущество. Ставьте заграждения из закопанных морских мин — флотские минеры большие умельцы. Снимайте броневые плиты со старых кораблей на укрепления, орудия, все, что только возможно.

Обеспечьте поддержку с мелководья, вооружите баржи пушками, как мы недавно проделали на Байкале. И простите меня — ученого учить только портить. Когда вы служить начали, я еще в пеленки писался. Прошу извинить за такое слово. К сожалению, мне надо идти, время уже поджигает! Но вечером обязательно приеду!

Ермаков встал, поднялся с дивана и Колчак — это был совершенно другой человек, чем несколько часов назад. В его глазах сейчас не было тоски, ее заменила вера. А это главное, что нужно человеку в жизни.

— Через три часа здесь будет контр-адмирал Смирнов. Он станет сопровождать вас до Приморья. Мои части вышли к Зиме, но там пробка из чешских эшелонов, их пустили вслед за вашими литерными поездами. Единственный путь заблокировали, пакостники. А потому мы немедленно займемся партизанами — совсем обнаглели, стервецы, заняли Балаганск. Думаю, за

десять дней управимся — они получают такой же урок от меня, как местные шахтеры. А там и дорога на Нижнеудинск откроется. Не говорю вам прощайте, адмирал. А только до свидания. Честь имею!

— Храни вас Господь! — совсем не по-военному напутствовал его Колчак Они посмотрели друг другу в глаза, импульсивно сделали по шагу навстречу и порывисто, но крепко обнялись...

Ачинск

Железнодорожная станция напоминала город мертвых. Чудовищный взрыв десятидневной давности полностью разрушил здание, далеко по сторонам разбросал искореженные вагоны и шпалы, причудливо изогнул рельсы. Никто не мог дать внятного объяснения, что привело к этому, — обычная халатность, случайность или преднамеренная диверсия. Правда, большинство очевидцев склонялись к последней, вина в содеянном партизан и эсеров.

Вначале рванули два вагона с порохом, затем взорвался вагон со снарядами, и, напоследок, добавив ужаса, полыхнула цистерна с бензином. Погибло до тысячи человек — неубранные и замерзшие трупы возвышались сложенными штабелями, вперемешку с оторванными руками и ногами. Их так и не похоронили — в условиях повального отступления этим никто не мог заняться, а горожане давно попрятались по домам, трясаясь от ужаса.

Зато для многочисленных шаек мародеров наступило раздолье, которое перед рассветом печально для них и закончилось. Ижевцы с такими не церемонились — с десятков трупов навечно застыли в скрюченных позах. И бой с красным батальоном не затянулся — две тысячи воткинских рабочих, воодушевленные призывом императора, взяли красных в окружение на станции и за час полностью уничтожили, не беря пленных...

— Передать по цепи! Без команды не стрелять, пусть подойдут поближе! — громко выкрикнул генерал Молчанов и прижал бинокль к глазам.

Красные цепи шли в правильном боевом порядке — полтора года войны многому научили краскомов. Один полк демонстративно атаковал станцию и город в лоб, а второй полк заблаговременно пошел в обход, чтобы выйти к железной дороге с другой стороны города. Викторин Михайлович улыбнулся, ведь обходящую колонну красных ожидал неприятный сюрприз...

— Ну, все, хватит ждать, они втянулись. Пора, — прошептал Шмайсер и ткнул под бок пулеметчика. Тот понял его правильно — длинная очередь ДП опустошила диск за секунды.

Склон сопки мгновенно опоясался густой россыпью пулеметных огоньков — по ничего не подозревающей колонне ударили с трех сторон три десятка станковых пулеметов — «максимов» и «кольтов». Одновременно открыли стрельбу из дюжины своих «льюисов» егеря, да плюс к ним три ДП и два десятка ППС, совершенно неуместных в двадцатом году. Впрочем, автоматы как раз были местного производства, изготовленные в Ижевске в октябре прошлого года.

Свинцовый шквал с двухсот шагов не просто страшен, он уничтожающе беспощаден. Смертельно раненные лошади бесновались, переворачивая сани, сминая мечущихся в панике красноармейцев. Сопротивление оказывали немногие, пытаясь отстреливаться. Большинство бойцов, понимая, что на открытой местности им не уцелеть под таким плотным убийственным огнем, бросились к возделенной железнодорожной насыпи, надеясь за ней укрыться и подготовиться к обороне.

Долгое преследование со слабым сопротивлением, богатыми трофеями и большим числом пленных не могло не привести красных к беспечности, победному настроению, откровенному

презрению противника. Это и сыграло свою зловещую роль — они прозевали засаду, не удосужились отправить на фланг боевое охранение. На что рассчитывали Молчанов со Шмайсером, оставляя открытой обходную дорогу.

Ачинский взрыв, застопоривший намертво длинную вереницу поездов, в одном сделал благое дело.

Успевшие проскочить город эшелоны ушли за станцию Чернореченскую, накапливаясь на перегоне Кемчуг — Красноярск. А потому железнодорожная линия сейчас стала непривычно пустынной. Лишь неподалеку из-за таежных дебрей поднимались в пронзительно-голубое зимнее небо густые паровозные дымы, быстро двигавшиеся к городу.

Из-за поворота на полном ходу выехал бронепоезд, над тендером которого колыхался бело-красный флаг. За ним появился второй — и крепости на колесах, зловеще громыхая по рельсам, стали пугающе быстро приближаться к оцепеневшим от ужаса красноармейцам. С «Краковым» и «Познанию» бойцы уже имели дело под Тайгой, там бронепоезда навели страху.

И началось продолжение того боя, но во сто крат свирепее и безжалостнее. Пушки перешли на картечь, пробивая целые просеки, а многочисленные пулеметы в бойницах в упор скашивали обезумевших людей. А сзади захлебывались лаем «максимы» Ижевско-Воткинского пулеметного батальона и метко стреляли одетые в белые маскхалаты егеря.

Лишь немногие красноармейцы смогли вырваться из устроенной им безжалостной бойни, добежав до домов предместья. Но там ждало не спасение, а смерть в виде барнаульцев, примкнувших к винтовкам штыки и дождавшихся своего часа...

Весь 266-й стрелковый полк, в котором от долгого преследования осталась едва треть от штатного состава, созданный из отборной коммунистической части и названный в честь погибшего комиссара Малышева, разделил его судьбу в полном составе.

Восемьсот красноармейцев навечно застыли на белокровавом снегу. Егеря Шмайсера в плен не сдавались, но и сами не брали, если на то не было распоряжения. А такой приказ сейчас им не отдали.

Польские бронепоезда посигналили прощальным гудком, как бы празднуя победу. И на полном ходу устремились к далекой станции, откуда доносились оружейные выстрелы, взрывы и ожесточенная ружейная стрельба...

Черемхово

— Миша, а ты уверен, что все это он написал? — Колчак задумчиво почесал пальцем переносицу, и отодвинул от себя исписанные листы и две тонкие брошюры, отпечатанные на плохой газетной бумаге.

— Написал листки я, с его слов и мыслей. Наставления, — контр-адмирал Смирнов положил ладонь на брошюры, — его работа. Без всякого сомнения!

— Тогда мы имеем дело с военным гением, — негромко сказал Колчак, — но наши «сапоги» флотских дел никогда не ведали. А полковнику в разумении не откажешь. Более того...

Бывший верховный правитель осекся и надолго задумался — его широкий лоб прорезали ленточки морщин. Смирнов не перебивал — молча курил, глядя на горящую свечу в подсвечнике.

— Ты говорил, что ему было Откровение? — Голос Колчака звучал серьезно, без малейшей иронии, которой было пропитано «образованное» общество, начитавшись атеистических учений.

— Это он сказал, а я ему сразу поверил...

— Я бы тоже поверил, — после долгой паузы отозвался адмирал. Моряки теперь только курили, молчали и лишь иногда переглядывались. Возможно, они бы и продолжили беседу, ну тут в вагоне раздались громкие голоса, среди которых господствовал арчegovский рык на нерадивых. Полковник кого-то распекал за промедление в ремонтных работах и требовал закончить бронирование батареи к сроку. Что за батарея, зачем ее бронировать, адмиралы не поняли и переглянулись.

— Не помешаю, господа? — В купе ворвался Арчegov, лицо осунувшееся от усталости. Моряки сделали попытку подняться с диванчиков, все же хоть и старше над полковником чинами и возрастом, но тот для них начальство, но были тут же придавлены за плечи сильными ладонями.

— Еще чего, — извинительно буркнул Арчegov и вытянул папиросу. Закурил, с удовольствием пахнул дымком и, ни к кому не обращаясь, высказал обуревавшие его мысли.

— Ну что за народ у нас? Всегда готовятся к вчерашней войне, а не к будущей! Чем только думают, господа начальники?!

— А в чем дело, Константин Иванович?

— Бюрократия, мать ее. Считают, что армия для штаба существует, а не наоборот. Бездельниками тыл забит, а на фронте нехватка лютая. А почему так? — Вопрос был чисто риторический, тем более Арчegov сам ответил:

— Канцелярищина и армия несовместимы!

Сказал, как рубанул, положив крепкий кулак на стол. В нем еще бурлило раздражение, а потому адмиралы ждали, что скажет им дальше молодой командующий армией.

— Почему у нас не командиры, а начальники дивизий? Причем без разницы — пехоты или кавалерии, линкоров или крейсеров. Да потому, что любой начальник бюрократ по определению. Какой закон у бюрократа главный? Начальству виднее, а потому не проявляй инициативу, а делай все по регламенту. Инициатива наказуема, а правильно написанная бумажка карьеру сберегает. И чем больше бумаги, тем чище задница!

Адмиралы были настолько ошарашены гневной тирадой полковника, что не обратили внимания на ругань, а это дало Арчegovу время, чтобы взять себя в руки и успокоиться.

— Прошу простить меня за моветон, господа. Поймите правильно. Идет война, нужно спасти армию Каппеля и остановить красных. При нашей скудности ресурсов трудно и сложно обеспечить фронт всем необходимым — снаряжением, оружием, продовольствием, боеприпасами. Обеспечить в первую очередь, невзирая на тыл. У нас же в точности до наоборот — ни германская, ни гражданская война ничему не научила.

Колчак и Смирнов побагровели, а потом побледнели одновременно. И было отчего — адмирал вспомнил разутых и раздетых солдат, и тут же память услужливо показала веселящийся Омск, одетых в новенькое, с иголки, штабных офицеров. А еще забитые склады, в которых интенданты хранили имущество — можно было одеть и снарядить десяток дивизий, но они придержали поставки на фронт. А теперь этим добром пользуются красные...

— Во Владивосток прибыл неделю назад французский пароход, привез два десятка новых аэропланов «Сальмсон». Генерал Розанов, несмотря на мой приказ, отправил в Иркутск только шесть, а остальные решил передать в Спасскую авиашколу, мотивируя тем, что пилотов приходится обучать на старых этажерках!

Колчак и Смирнов уставились на полковника с изумлением — они не понимали причину возмущения. Но если действительно учить не на чем. Арчegov только выдохнул воздух и принялся спокойно объяснять.

— Главный принцип войны заключается в концентрации всех сил и средств, и в их

правильном распределении. Сейчас у нас втрое больше пилотов, чем аэропланов, причем откровенной рухляди. Летать на них невозможно, и фронт остался без авиации. Следовательно, нужно все новые аэропланы передать в армию, они ей принесут огромную пользу.

— А на чем учить пилотов? — осторожно спросил Смирнов.

— На рухляди! — безмятежно отозвался Арчegov. — Пусть лучше гробят этажерки, чем хорошие аэропланы. Напряжения войны старая техника не выдерживает, но при правильном уходе может служить обучению новых пилотов. Но учить без торопливости — куда спешить-то?! Большие поставки начнутся месяца через три-четыре, вот тогда и обеспечим все авиашколы нормальными самолетами. Нельзя терять опытных и умелых летчиков, один ветеран трех новобранцев стоит. А потому им нужно давать только самую надежную технику и лучшее оружие — они принесут большой вред врагу. А Розанов даже этой простой истины до сих пор не понял! Как и все другие «старые» генералы...

Моряки переглянулись — на щеках выступила легкая краска, которую полковник не разглядел в полутемном купе. Арчegov заговорил дальше, прикрыв глаза, словно вслух излагал потаенные мысли самому себе, не обращая внимания на адмиралов.

— Сейчас не может быть понятий мирного и военного времени. Борьба с большевиками потребует много усилий, она будет долгой. Потому суррогаты категорически неприемлемы. Я распорядился перевести все учебные заведения на два года обучения — нужно готовить нормальных офицеров...

— Но в частях постоянная нехватка...

— Оставьте, Александр Васильевич. На одного офицера сейчас приходится пятеро солдат. И это здесь, после всех чисток. А в армии Каппеля пропорция еще хуже. Зачем плодить столько недоделанных офицеров и какой с них прок за несколько месяцев обучения, если многие служат на солдатских должностях! Про генералов я не говорю — поголовье стремительно увеличивается, а вот качество получаемой шерсти неуклонно падает!

Адмиралов прямо передернуло от презрительного цинизма Арчegovа, и Смирнов ожидал, что Колчак взорвется своей знаменитой истерикой. Но, к его удивлению, лицо Александра Васильевича разгладилось, желваки не ходили под кожей. И в глазах вспыхнул жгучий интерес.

— Но надо что-то делать, Константин Иванович?

— Сычев уже уволил практически всех генералов довоенного времени. Ни один из них не отвечает условиям маневренной гражданской войны. Переучивать их невозможно, только время зря тратить...

Арчegov непроизвольно зевнул и неожиданно клюнул носом. В другое время Смирнов счел бы это неуважением, но не сейчас. Красные воспаленные глаза, набухшие мешки под глазами, землистый цвет лица — все говорило о том, что полковник хронически недосыпает, вернее, практически не спит. А ведь он еще и воевал, руководил, командовал, писал. Чудовищный объем работы, с которым даже его молодой организм не справлялся.

— А почему вы сказали, что адмиралы к прошлой войне готовятся, а не к будущей?

— А к какой же еще? «Андрей Первозванный» был бы хорош в Желтом море, с его полностью бронированным бортом. «Шкура» как раз на средний калибр, шимоза, что напрочь сожгла эскадру Рождественского, ему не страшна. Но вся штука в том, что к двенадцатому году все страны строили дредноуты, против которых броненосцы никак не тянут. Это как сопливый мальчишка против вооруженного до зубов верзилы.

— А «Севастополь»?

— Низкобортная самоходная баржа, с неудачно расположенной артиллерией и тонкой броней. Для Цусимы в самый раз. Но неспособен противостоять залпам дредноутов, «шкура» тонка для боя. Англичане в это же время свой «Куин Элизабет» построили, против которого наш

и получаса не простоит — как-то не тянут 12 дюймов против 15. Избиение младенца, и только. И удрать тоже не в состоянии, у англичан линкоры мореходнее и скорость больше. Да что «Куины»? Они свои «Орионы» в одно время с нашими строили, только сравнивать нечего, и гордиться тем более...

Смирнов не мог сдержать изумления — Арчегова нужно было давно отправлять почивать, он прямо засыпал сидя на диване. Но вместо этого Александр Васильевич терпеливо и благожелательно, с дружеским почтением в голосе, как идеальный собеседник, расспрашивал офицера. И тот ему отвечал, пусть медленно, видно, одной половиной мозга уже спал, а вторая еще могла хоть как-то функционировать.

— А у японцев есть линкоры, способные с «Куинами» драться?

— «Нагато» и «Муцу», у них 16 дюймов и 26 узлов. В двадцать первом вошли в строй. Остальные по Вашингтонскому соглашению двадцать второго на металл порезали, недостроенные...

Арчegov отвалился на диван, лицо полковника полностью обмякло, из уголка губ потекла струйка слюны. Офицер крепко уснул и стал чуть похрапывать. Усталость свалила даже его, казавшегося всем двужильным.

— Боже мой?! — Смирнов только теперь понял, почему Колчак тормозил Арчегова, не давая тому засыпать. Контр-адмирал непроизвольно перекрестился — потрясение было велико. Ведь о будущих годах полковник говорил в прошедшем времени.

Колчак, с внезапно просветлевшим лицом, тоже истово перекрестился, а затем заботливо устроил полковника на диване, подсунув под голову свою походную «думку». И словно заботливый отец любимого сына, накрыл своей черной флотской шинелью, перекрестив уснувшего офицера.

— Пойдем, Миша, — Александр Васильевич тихо прошептал своему старому приятелю, — попьем чайку. Константину Ивановичу нужно хорошо выспаться, а нам есть о чем подумать и поговорить...

Глава вторая

Звенит январская вьюга

(3 января 1920 года)

Иркутск

— Но где еще подвохи спрятаны, где?! — Генерал Оглоблин не смог сдержать рвущегося наружу раздражения. Перед ним лежал долгожданный закон о казачестве, вернее его проект, в лихорадочном темпе составленный войсковым правлением за эти суматошные часы. Прошло всего три дня, немыслимый по краткости срок, как закон рассмотрели все заинтересованные стороны, внося в него свои предложения и дополнения, иногда очень серьезные.

Управляющий делами кабинета министров Гинс и министр социального развития Пепеляев, отвечающий за здравоохранение, просвещение, культуру и общественное призрение, внесли в него свои дополнения, касающиеся развития казачьих школ, фельдшерских и ветеринарных пунктов, культурных начинаний и прочего. Дополнение следующее — вопрос слишком серьезен и требует долгого рассмотрения вкупе с государственным решением для всех социальных групп Сибири на общих основаниях.

А если выразиться короче, то мнения сходились в одном — отложить сей вопрос и вдумчиво над ним поработать, дабы отнести его на все другое население заодно. С этим генерал был согласен, как и с пунктом, который говорил, что данные вопросы будут особо оговорены в специальном законе, который правительство примет позднее. А потому препятствовать проведению закона в основной его части они не станут.

В основной части были три раздела — войсковой статус с причислением в казаки крестьян и инородцев, военная и другая государственная служба и, самое болезненное, поземельное устройство.

С войсковым статусом министры разобрались на удивление споро и с общим согласием одобрили июньский закон адмирала Колчака и утвержденное им положение о войске. И с бурятским населением вопрос сняли быстро, разрешив причислить их в войско на особых основаниях, не подвергая коренной ломке жизненный уклад, земельные наделы и введя для инородцев облегченный порядок службы.

С предложением массового зачисления крестьян в казачество в Иркутском уезде все заинтересованные стороны согласились, но со скрипом. В Балаганском и Черемховском уездах поверстывание должно было пройти незначительное, и только тех селений, которые примыкают к бурятским стойбищам или к казачьим станицам. И объяснение давалось соответствующее — для компактного проживания казаков и стремления избежать осложнений от чересполосицы. Сохранялось куйтунское и нижнеудинское казачество, обустроенное еще до войны, а верхоленское, илимское и киренское министры предлагали упразднить либо переселить.

С последним планом атаман был полностью согласен, вот только дадут ли деньги на переселение? Терять полтысячи природных казаков, которые за двести лет, несмотря на все притеснения, так и не вышли из сословия, атаману не хотелось. Вся надежда на министра финансов Михайлова — сумма мизерная требовалась, если сравнить ее с ежедневным расходом на войну.

Окончательный вариант впечатлял — казачество увеличивалось в десять раз — с 15 тысяч до 150 тысяч населения, разделенных на три отдела, примерно равных по численности. Тунка и

все села по Иркуту входили в первый отдел, где царило полное равенство — по одной трети крестьян, бурят и родового казачества с крестьянами из казаков. Второй отдел должен быть по левобережью Ангары, как раз на стыке трех уездов — Черемховского, Балаганского и Нижнеудинского. Сюда входили и все казачьи поселения по Или и Уде в последнем уезде. Половина приходилась на бурят, по четверти на селян и казаков — природных или из крестьян...

В третий отдел, самый большой, Яковлев предложил зачислить крестьянские и бурятские селения по правобережью Ангары от Байкала до Яндинской слободы за Балаганском. Здесь подавляющее преимущество было у бурят, которые составляли четыре пятых населения, остальные крестьяне. А вот природных казаков и крестьян из казаков едва набиралась с полтысячи...

— Благодарю покорно, но такой третий отдел нам не нужен! Они никогда казаками не станут, ибо там наши почти не проживают! Ну, Яковлев, сукин сын, вроде благо сделал, а на деле зло лютое! Нет, такие «казаки» нам без надобности! Они не станичниками станут, а вечной головной болью!

Оглоблин встал, прошелся по комнате — требовалось не менее десяти лет, чтобы произвести нивелировку всех поверстанных. Насильственного зачисления не было — буряты, что жили рядом с казаками еще с семнадцатого года, соглашались, лишь бы соседи-крестьяне оставили в покое их огромные скотоводческие наделы в сотню десятин супротив крестьянской дюжины.

И поверстанное крестьянство вряд ли уговаривать придется — все наделялись полным казачьим паем в тридцать десятин, освобождались от налогов и переводились служить в пластуны, где затраты на снаряжение были в 5 раз меньше, чем конным казакам. Сплошная выгода от перехода...

«Нет, подвох здесь отсутствует», — решил про себя генерал, внимательно рассматривая проблемы казачьей службы. Триумвират «служивых» — военный министр Сычев, командующий армией Арчegov и министр внутренних дел Яковлев, имели разные предложения, но верх взял командующий. Оно и понятно — за ним открытая поддержка Вологодского и Михайлова и сила, оцетинившаяся штыками и орудийными башнями бронепоездов.

Требования Арчегова облегчали службу казачества куда больше, чем предложения самого атамана. Не соглашаться было бы безумием, тем более что сычевский вариант представлял простую переписку старого закона 1911 года. Остальное — довольствие, выплата пособий, снаряжение за казенный счет в военное время и прочее — полностью отвечало чаяниям казаков.

Листы с поземельным устройством атаман просмотрел три раза, молча качая головой — Серебренников и Яковлев удовлетворили все требования, даже больше того. Тридцать десятин земли отводили на каждого казака, бурятам же оставляли намного больше. В войсковой запас передавали все казенные земли, в основном тайгу и сопки, что имелись на казачьей территории. О таком внимании раньше даже в горячечном бреде не мечталось. Видно, клюнул жареный петух министров, понимают, что война с большевиками будет долгой и затяжной. На крестьян надежды мало, а казаки всю тяжесть борьбы на себе вынесут.

Подвоха атаман не нашел, Яковлев даже приписал — «дополнительное наделение казачьих дворов будет произведено с принятием соответствующего пункта в законе о службе в армии». Вот как — даже нарезку лишнюю обещает, какой тут подвох! Но ночь длинна — еще раз прочитать можно.

Сердце неожиданно защемило — хоть за эти дни бумаги были читаны-перечитаны много раз всем войсковым правлением, буквально вынюхана каждая буква министерских предложений, а что-то не так на душе. Тяжко! Заветная мечта вроде сбылась, но почему-то не

радостно, а тревожно. И яковлевская ехидная улыбка не выходила из памяти. Таких давить надо, как клопов, а не министрами делать!

Оглоблин вспомнил, как прошлым летом разоружили дивизион, а его самого посадили под арест. Инициатором был Сычев, давний недруг. Ему плевать на интересы казачества, для него главное свое положение упрочить. А Яковлев, пользуясь случаем, проехался по Тунке, выбивая из казаков подати. Правда, номер у ушедшего губернатора не прошел — станичники знали свои права. Тогда в ход пошел отряд особого назначения, но на силу нашлась ответная сила, хотя часть имущества казаки потеряли.

А сейчас эта парочка прямо сочится радушием, так закон быстро пропихнули, льготами обильно сыпят. В друзья набиваются, а губернатор даже «дополнительные нарезки» обещает. Нет, нельзя им верить, ибо волки в шкуры агнцев обрядились. Ничего уже не сделаешь — к утру нужно перепечатать начисто бумаги, подписать, выражая свое согласие. Отдать Гинсу и поехать с ним в Черемхово. Там к вечеру правительство примет долгожданный закон.

— Но где еще подвох? Не могут эти крысы без подлости жить, — пробормотал атаман, и при свете свечи снова сел просматривать исписанные листы.

Черноярская

— Полностью уничтожены 266-й и 267-й полки 89-й бригады. Красные потеряли убитыми, ранеными и пленными полторы тысячи человек. Нами захвачено два трехдюймовых орудия, к ним сотня снарядов, 13 станковых и 7 ручных пулеметов, более тысячи винтовок, боеприпасы и снаряжение, — Фомин говорил своим обычным, спокойным, без малейшей нотки торжества голосом. Генералы и офицеры, сидящие за столом, дружно расцвели улыбками — одержана первая победа за три месяца череды сплошных поражений.

— Остатки этой бригады рассеяны или пленены конным полком, но начдив Лапин сумел в темноте вырваться из окружения, собрав до двухсот красноармейцев. Они прорвались на Краснореченскую. По показаниям пленных и данным разведки, туда от Боготола выдвинулась 90-я бригада в составе трех полков — 268, 269 и 270-го. К ним подходит 265-й полк. Всего до 3 тысяч штыков при 30 пулеметах. И две батареи артдивизиона — 6 или 8 орудий. Плюс специальные части, обоз и отряд чекистов, примерно полурота.

— Нам надо решить, как разгромить прорвавшуюся 88-ю бригаду. Так, Семен Федотович?!

— Да, государь. Бригада Грязнова представляет реальную силу. Сейчас ее авангард отходит от села Покровского, где его атаквали польские части при поддержке бронепоездов. Был серьезный ночной бой. Мы будем иметь дело с восемью батальонами пехоты, девятый уже уничтожен прошлым утром ижевцами в Ачинске. У противника еще два эскадрона с двумя пушками. Момент для нашего контрнаступления удачный, ваше величество. Красные зарвались. Да, да — их 30-я дивизия вчера разделилась на три изолированные бригадные группы, и мы их начали бить по частям. С 89-й бригадой покончено, сегодня-завтра надо окружить и уничтожить 88-ю бригаду.

— Мои войска вам требуются, Семен Федотович? Какие части? — Генерал Войцеховский наклонился над столом, впившись глазами в карту.

— Нет, Сергей Николаевич. Вот здесь, восточнее Покровского, нужно сосредоточить сибирских казаков, севернее бригаду оренбуржцев. Пошлите разведку. Перегруппировку завершить до вечера. Успеете?

Указания Фомина были обращены к пожилому, перешагнувшему за сорокалетний рубеж генералу, с алыми сибирскими лампасами. Тот поднялся со стула и после короткой паузы

ответил:

— Разъезды уже посланы. Сейчас готовы два полка 1-й Сибирской бригады. Остальные полки на переформировании, нужно время.

— Сколько сабель? Есть артиллерия?

— Свыше тысячи шашек, полки в четыре сотни, вместо шести. Их я расформировал для укомплектования по полному штату. Имеются четыре орудия, но к ним только десяток снарядов.

— Как же вы довезли пушки? — искренне удивился Фомин. Он считал, что, кроме ижевцев, никто орудия не вывез. Отступавшие части предпочитали бросать артиллерию на дороге, она только замедляла поспешный отход.

— Благодаря казачьей привычке не бросать свое добро, — усмехнулся командующий Сибирской казачьей группой генерал-майор Волков.

— Когда закончите переформирование? На что можно надеяться?

— К вечеру будет готов третий полк первой бригады, к утру и вся вторая бригада. В каждой будет по три полка четырехсотенного состава, или полторы тысячи шашек. Придам по особой сотне для разведки, конвойной полусотне и по одному артвзводу, только бы снаряды нам дали. Еще в строю около четырех тысяч казаков старших возрастов, полки на совершенно заморенных конях. Кроме того, мною выделены конвои для войскового правительства и команды при обозах. Имеется еще атаманская сотня из строевых казаков, служивших в лейб-гвардии сводно-казачьем полку.

Генерал поднял взгляд на Михаила Александровича, но тут же отвел. Тот правильно понял немой вопрос и произнес:

— Атаманскую сотню перевести в мой конвой. Подберите еще одну сотню из казаков старших возрастов, служивших в гвардии.

— Есть, ваше величество. — Генерал отпустил «императорскую» приставку, на чем настоял Михаил Александрович утром. Щепетильность проявил — вопрос ведь не решен, да и обращение стало более удобным и простым.

— Снаряды получите, поляки передали пятьсот штук. И два трофейных орудия для оренбургской бригады генерала Мамаева. Ее нужно усилить сибирскими казаками до штатов. Упряжки и артиллеристы есть?

— Имеются, ваше величество!

— Ваши три бригады сводятся в казачий корпус. Из безлошадных казаков сформируйте пластунские батальоны, по одному на каждую бригаду. Посадите всех на сани. Пулеметы получите из трофеев. И помните — к утру ваш казачий корпус должен быть полностью готов.

— Так точно, ваше величество! Разрешите идти?!

— Вчера у вас был неважный вид. Вы не больны, часом?

— Никак нет, ваше величество! — Казачий генерал покраснел, как мальчишка. Еще бы — на первом совещании от него разило перегаром за версту. Но теперь вряд ли он возьмет в руки стакан...

— Идите, Вячеслав Иванович. — Отослав генерала, Михаил Александрович повернулся к Фомину.

— Как вы планируете одолеть бригаду Грязнова?

— Генерал Молчанов прикрывает Ачинск воткинцами, сам с ижевцами и барнаульцами сейчас выдвигается на север к Красновскому. Грязнов не может не понимать, что отсечен от своих. А потому будет прорываться назад. Там и состоится бой. Силы примерно равные, но у ижевцев конница и артиллерия. С фланга красных подожмут поляки — там два батальона первого полка и уланский дивизион.

— Он может отступить или прорваться в другом месте?

— Нет, только на переселенческий Большой Улуйский участок. И попытаться пройти северо-западнее через Бычков. Это катастрофическая потеря времени — сзади насядут казаки Волкова. Так ведь, Сергей Николаевич?

— Так! — согласился Войцеховский и ткнул карандашом в карту. — Если они потеряют эту ночь, то завтра к полудню мы их зажмем здесь. Но удержат ли воткинцы другую бригаду?

— Должны! — уверенно ответил Фомин. — Надо рискнуть. Это наш единственный шанс окончательно разгромить 30-ю дивизию, пока красные подставились. Если используем его, то появится возможность нанести удар по 35-й дивизии. И без помех атаковать Красноярск. Если нет — то мы попадем в клещи, и хуже того, оказываемся между молотом и наковальней...

Кемчуг

— Без царя в голове и то жить нельзя, а тут воевать?! Ну, ничо, «ижи» краснюков под Ачинском побили, а мы их в Красноярске побьем. С царем-то Михайло Александровичем все перемогем!

— Тока бы свои вовремя добрались, от Иркутска дорога не ближняя! Целая императорская армия нас выручать идет!

— А мы им подсобим малехо. Покажем сучьим детям, как перевороты затевать. Враз укорот сделаем...

— Секим башка будем!

Начальник 4-й Уфимской стрелковой генерала Корнилова дивизии, моложавый, не достигший еще сорока лет, генерал-майор Павел Петров непроизвольно улыбнулся, слушая солдатские разговоры и пересуды. Прошло всего двенадцать часов, и он не узнавал своих солдат. Апатия и уныние, терзавшие дивизию вот уже почти два месяца, после злосчастной сдачи Омска, исчезли почти совершенно. Ведь таковы люди — они верят в свою счастливую судьбу, даже отъявленные циники. И надеются на чудо. И не зря...

Поток счастливых новостей, невероятных в их безнадежном положении, пробудил в стрелках угасший и замороженный декабрьской вьюгой боевой дух. И вместо бездонной пропасти сна на ночлеге, у костров снова зазвучал веселый смех. Да и сам генерал, чего греха таить, разуверился в счастливом исходе — поражения давили душу, и только одна мысль терзала ее — добраться бы до Забайкалья живым да людей вывести...

Вскоре предстояло драться, но солдаты были готовы к этому. И желали боя. Но мало в строю бойцов, способных держать винтовки в руках, — тиф косил беспощадно. Уфимская дивизия была не только одна из самых лучших в белой армии, но и самой укомплектованной. Превосходный людской материал, добрую половину которого составляли неграмотные и дремучие башкиры с татарами (а потому на них практически не действовали «сладкие» напевы большевистской пропаганды), напоминал первые дни великой войны, и тот порыв, с которым шли в бой «за веру, царя и отечество».

Сейчас этот девиз возродился заново, словно Феникс из клубов дыма, пламени и пепла, дух поднялся почти до жертвенного порыва, но оставшихся в строю солдат насчитывалось чуть больше трех тысяч — пятая часть от того, что имелось раньше. Да еще столько же сидело на облучках обозных саней или металось в бреду на тех же повозках рядом с такими же несчастными.

Генералу отвели больше суток на переформирование, немыслимо короткий срок, но Павел Петрович делал все возможное и невозможное. Три полка дивизии — Уфимский, Михайловский

и Татарский — были сведены в батальоны. Пусть не в четыре роты, как полагалось по штату, а в три, но это были полнокровные подразделения, в две сотни штыков. Совсем как в августе четырнадцатого, когда он в последний раз видел такие многолюдные и сильные роты. Да еще с приданной каждому батальону пулеметной командой из шести «кольтов» или «виккерсов», что вместе с ящиками патронов были получены из польских эшелонов. Щедрые паны передали и две трехдюймовки с полусотней снарядов на ствол — артиллеристы с радостью приняли подарок, ведь свои пушки дивизия бросила в поспешном отступлении.

Четвертый полк дивизии, 14-й или «второй» Уфимский, передав здоровых солдат в действующие части, стал запасным батальоном. Генерал приказал направлять туда всех обозников других частей, что прибились к уфимцам, и своих немощных или слабосильных солдат. Таких набралось свыше тысячи двухсот человек, и батальон был оставлен на охране обоза. Из него Петров планировал выдергивать запасных на восполнение потерь, ведь переформированной бригаде предстояло идти на штурм Красноярска.

Вместе с уфимцами в атаку должна была пойти и 8-я Камская стрелковая адмирала Колчака бригада генерала Пучкова, свернутая таким же образом из дивизии и пополненная из расформированных частей. Даже пулеметы и пушки передавались поляками в той же пропорции, да и камцы с уфимцами были словно братья-близнецы (добрая половина «соседей» также состояла из башкир и татар).

Лишь одно обстоятельство несколько беспокоило, даже чуточку напрягало. К ночи бригаде предстояло выступить, и она пойдет вперед, на Красноярск, вот только вести разведку почти нечем — конные взводы при батальонах едва насчитывали три десятка всадников...

Генерал вздохнул и твердым шагом направился к светящимся окошкам дома, где расположился штаб. Тесновато, конечно, но не зря говорится, что в тесноте, да не в обиде. Тяжело людям на морозе, ведь станция с поселком буквально забиты под завязку, то ли еще отступающими, то ли уже наступающими частями белой армии.

— Павел Петрович. — За спиной генерала раздался голос начальника штаба подполковника Ивановского.

— Вы чего на улице-то?

— Покурить вышел, в доме не продохнуть. К вам князь Кантакузен приехал! У печи сейчас греется, — усмехнулся офицер и, поймав вопросительный взгляд генерала, «с чем подъехал-то», ответил:

— Прибыл в ваше распоряжение...

— Угу, — радостно крикнул Петров. Действительно, не было полушки, а тут золотой империя дали. Он сейчас размышлял, где бы полный эскадрон кавалерии взять или хотя бы казачью сотню, а тут бывшая Уфимская кавалерийская дивизия как снег на голову сваливается, вернее как манна небесная.

— Какие части дивизии на помощь прислали?

— Павел Петрович, ее же расформировали. В два полка свели, по три эскадрона, гусар нам передали, улан камцам. Обозы частично в полки, а всех остальных влили в первую кавалерийскую дивизию. Так что наш князь сейчас командир полка в четыре сотни сабель, с шестью пулеметами.

— Хорошая новость, я не ожидал. Теперь можно отправлять его конный полк в авангарде. Что-то еще?

— Сибирские казаки в ночи подойдут. У них полки старших возрастов раздергали в отдельные сотни, довели до штатов, а теперь по одной передают всем стрелковым бригадам. В качестве конвойных.

— Угу! — снова крикнул генерал — такой предупредительности и энергии от штаба

глаковерха он не ожидал. Хотя вряд ли генералы Богословский, Рябиков и другие стали расторопнее, здесь чувствовалась железная рука генерал-адъютанта Фомина, бывшего начштаба Ижевско-Воткинской дивизии. У того характер тот еще, он и генерал Молчанов два сапога пара. Недаром их «ижи» в полном порядке дошли и всю артиллерию вывели. Не то что в других дивизиях, да и у него тоже. У таких не забалуешь...

— Пойдем, поговорим с князем. Да и подытожим то, что вы тут спланировали. Штурмовать Красноярск не фунт изюма...

Красновское

— Так что разрешите поздравить вас с командующим корпусом, Викторин Михайлович, — с улыбкой проговорил Фомин.

— Поделили мою сильную дивизию на две слабые бригады, вот и корпус получили, — с усмешкой произнес генерал Молчанов, глядя на спокойно курящего бывшего подчиненного.

— Совсем наоборот, генерал. Вместо одной неукomплектованной дивизии у вас стало две сильные бригады. Ижевцам третьим батальоном передаем остатки пермских стрелков и юнкеров военно-училищных курсов. Воткинцы получают два полных батальона «добровольцев». Пушки у вас есть, снарядов поляки подкинут. Казаков добавим, вот кондив в полк развертывайте. У вас неплохо получается, зря грешите. Сил достаточно...

Молчанов задумался — слова Фомина звучали убедительно. В бывшей добровольческой дивизии состав был крепкий, названию полностью соответствовали. А пермяки десять дней назад жестоко дрались с красными под Тайгой, прикрывая вместе с польским аррьергардом отступление армии. Там их дивизия окончательно растаяла, как лед, брошенный на печку.

Хоть и немец этот Фомин, но офицер очень знающий и опытный, тем паче генерального штаба, пусть и германского. К тому же человек порядочный, за год они полностью сработались и хорошо узнали друг друга. И его стремительному недавнему взлету генерал не завидовал — тот давно этот чин заслужил и дивизией мог бы командовать не хуже любого другого генерала, если не лучше.

Да и не каждому дано императора из лап красных вырвать, от смерти увести. Потому своим немцам его величество Михаил Александрович полностью верит. Да и неплохие они вояки — что природные, что «русские». Фон Вах прекрасно воткинцами командует, за Шмайсером его егеря хоть в ад пойдут, и даже полковник Юрьев-Бимман дело знает, если прижмет...

— Вам передается 1-я Уральская стрелковая бригада. Она слита из 12-й дивизии уральцев и Красноуфимской бригады. Есть четыре орудия — красноуфимцы единственные, кроме наших и казаков, кто пушки свои вывез. Но пока она нужна для прикрытия отходящих войск генерала Каппеля от обхода 35-й дивизии красных с юга.

Молчанов еле заметно поморщился — начальство, как всегда, в своем репертуаре. Если что-то и даст, то тут же отобрать норовит. Фомин заметил эту гримасу и улыбнулся — ход мыслей генерала был ему понятен, сам в таком положении не раз бывал.

— С юга подходят части генерала Гулидова, отступившие от партизан Щетинкина с Минусинского фронта. Там остатки Ачинского полка и Красноярского местного батальона да енисейские казаки. Пехоту я приказал свести в два батальона, пополнить назаровцами, а казаков отправил в распоряжение войскового атамана генерала Феофилова. Он переформирует два своих казачьих полка в один, как раз шесть сотен сабель и наберется...

— Шашек, — автоматически поправил Молчанов.

— Виноват. Конечно, шашек. Сабли считаем лишь в армейских полках. И еще — генерал-

майора Гулидова я назначил командиром 4-й Сибирской стрелковой бригады, которая передается вам в полное подчинение.

— А разве такая есть? — удивился Молчанов.

— Уже есть. В нее вошли барнаульцы полковника Камбалина. Второй батальон формируется из отступивших от Томска остатков гарнизона с местными военно-училищными курсами полковника Ярцева. Третьим и четвертым — ачинцы и красноярцы Гулидова, у них пушка. Свое единственное орудие отдадут енисейские казаки. Артвзвод есть, снарядами можем обеспечить в самой малости — полсотни штук дам, больше не могу. Также в бригаду передан Томский гусарский полк полковника Хрущева, очень сильного состава в шестьсот солдат и офицеров.

— Ну что ж, сил достаточно. После полудня я отдам приказ на выступление. Попробую оттеснить красных до вечера по направлению к Большому Улуйскому, и там добить. А завтра с полудня начну атаку Краснореченской.

— Я думаю, Викторин Михайлович, Грязнов не даст вам времени на сосредоточение всех частей. К ночи он подойдет или сюда, или к Бычкову и попытается прорваться на соединение с главными силами дивизии.

— И что вы предлагаете? — Молчанов с интересом посмотрел на новоиспеченного генерал-адъютанта.

— Атаковать не только его, но одновременно и 90-ю бригаду красных. Навязать встречный бой одной бригадой, второй обхватить ее с левого фланга. Отбросить красных от «железки» и загнать прямо на войска Каппеля.

— А как же 88-я бригада? — Молчанов был несколько шокирован таким совершенно неожиданным предложением.

— Скоро будет ясно, куда она отходит. Если сюда — то атакуем с ходу ижевцами, а с фланга барнаульцами и томскими гусарами. Если к Бычкову — то еще лучше — тогда бьем ее там теми же силами, нам идти намного меньше. А если в Большое Улуйское, то с ижевцами и воткинцами вы атакуете 90-ю бригаду. Будет встречный бой, но у вас вдвое больше сил. Я не сомневаюсь в успехе, тем более наши рабочие сильны духом.

— А бригада Грязнова?

— У нас тогда будет сегодня полный день, чтоб привести в порядок казаков и бригаду Гулидова. Этого времени достаточно, чтобы завтра Волков с четырьмя бригадами разгромил одну. Но вряд ли — краском не полный дурак, чтобы лезть в тот глухой угол. Там пространства для маневра практически нет, и от своих оторвется.

— Хорошо, Семен Федотович. Вот только патронов у меня по полсотни на стрелка, да по две ленты на пулемет. Поможете еще?

— Не смогу, Викторин Михайлович. Что поляки передали, я все отдал во второй корпус — ему Красноярск брать. Довольствуйтесь трофеями, хотя не думаю, что у красных с боеприпасами хорошо. Проверьте в брошенных эшелонах — они от Новониколаевска бесконечной лентой тянутся. Все обозы прошерстите, наверняка там патроны есть...

— Разрешите? — В комнату с шумом ввалился Шмайсер, блестя новыми золотыми погонами. Фомин с Молчановым молча уставились на немца — тот улыбался, явно принес хорошие новости.

— Сюда Грязнов свой авангард отправил. Они от нас в пяти верстах, кавалерийский дивизион и 262-й полк Саломатина. Чуть больше тысячи народа. Мои с пулеметчиками позицию заняли, егеря в засаде сидят, пропустим в село кавалерию и ударим по пехоте. Поле чистое, далеко не убегут.

— Он обезумел, что ли? Нельзя же бригаду так дробить! — не в силах поверить в

свалившееся на голову счастье, пробормотал Фомин.

— Пленных захватил? — деловито спросил Молчанов, чуждый подобным сантиментам. На то и война, на ней всегда ошибаются.

— Ага, Викторин Михайлович, солдатики дезертировать от него начали. «Наши» бывшие. Вдумчиво так их поспрашивали.

— Вот все и решилось. — Командующий первым корпусом поднялся, и вопросительно посмотрел на Фомина. Тот кивнул, давая знак, что разговор закончен. Молчанов только улыбнулся — он обиды не держал на то, что теперь они ролями поменялись, и вышел из комнаты.

— Слушай, Шмайсер. В каждой бригаде будет развертываться отдельная егерская рота, и еще доукомплектовываются два отдельных егерских батальона полковника Глудкина. Постараемся всех на лыжи поставить. Просьба к тебе есть — выдели по пять своих ребят инструкторами в каждую роту.

— Да ты что?! На десять бригад полсотни будет, да на пару батальонов тридцать. Я уже роту свою на две поделил — ижевскую и воткинскую. Народу еле хватило, даже сотню солдат из батальонов выбрал.

— Надо, Шмайсер, не местничай. Ты назначен командующим всеми егерями, вот ими всеми занимайся, а не двумя ротами. Это просьба Мики. Только прикинь, какая польза будет всей армии?!

Шмайсер задумался, и в прения вступать не стал, а это радовало. Осознал немец, как говорилось на партсобраниях и митингах в то их покинутое время, требования текущего момента.

— Пять мало. Я по десятку, нет, дюжине выделяю. Это двести бойцов будет. А ижевцам и воткинцам по полсотни старых егерей хватит. Пополнение из батальонов получают, там народ тертый. Только у меня просьба — я этим делом после боя займусь!

Черемхово

— Господа министры! Я думаю, предложение Ефима Георгиевича о проведении мобилизации двух возрастов преждевременное. Народ устал от войны, и призыв старших возрастов чреват осложнениями.

— А как я вам армию укомплектую, Константин Иванович? Вы требуете пополнений, а взять мне их негде. Добровольно никто не идет за нищенское вознаграждение, не побоюсь этого слова.

— Финансы не бездонный колодец, чтоб его черпать. Бумажные деньги будут введены в оборот только к началу февраля. Золото расходуется слишком быстро. У нас и так жалованье служащим уже вдвое повышено и составляет почти три четверти довоенного.

— А вы дороговизну в расчет возьмите, Иван Андрианович! Это за золото отдают охотно, но вы сибирскими знаками половину платите...

— Господа! Прошу извинить, но может быть, вы выслушаете мои соображения?!

— Да, конечно...

— Мы слушаем вас, Константин Иванович...

Министры обороны и финансов разом остыли и повернулись к Арчегову. Премьер Вологодский, который во время перепалки только страдальчески морщился, с укоризной поглядел на склочников. Министр экономики Серебрянников вытирал платочком пот с широкого лба, Пепеляев задорно поблескивал стеклами очков, а глава МВД Яковлев хитро

улыбался, видно, обдумывал какую-то гадость. То еще правление — порой единомышленники, но иной раз прямо змеевник какой-то, террариум.

И в стороне, как бы подчеркивая свою непричастность, сидел заведующий делами кабинета Гинс, тщательно записывая разговоры. Ему предстояло оформить принятые решения кабинета министров. За ним примостились в олимпийском спокойствии вице-адмирал Колчак и генерал-майор Оглоблин, их вопросы стояли во второй очереди.

— Смотрите, господа. В селах выбраны призывы от 1898-го до 1900 года рождения включительно. Про города я не говорю — они вычерпаны до остатка. И что получается? В последний набор взяли мальчишек, а не солдат. Их учить и кормить надобно, не на убой же посылать. Зачем 1901 год призывать, если они физически не готовы.

Ермаков-Арчegov знал, о чем говорил, — акселерации в начале века не было, а потому обычно призыв осуществлялся с 21 года. Здесь же стали уже призывать с 19 лет — молох гражданской войны требовал своих жертв. Но бросать в бой будущее русского народа он не мог. Требовалось, по крайней мере, хотя бы полгода кропотливого обучения.

— Смотрите — призывы 1898 и 1899 годов рождения взяты меньше чем на одну треть. Освобождены от призыва, а это больше двух пятых, и не по негодности к службе по физическому состоянию, а единственные сыновья в семье или единственные работники. Десятая часть — белобилетники, а чуть ли не одна пятая дезертиры. Так ведь, Павел Дмитриевич?

— Абсолютно так, Константин Иванович. Если призвать единственных сыновей, у которых способный к труду отец, и поставить под ружье дезертиров, то мы призовем даже чуть больше, чем взяли до этого. И еще одно обстоятельство — призывы 1895, 1896 и 1897 годов рождения не отслужили в 1916 и 1917 годах положенных по закону двух лет службы и, следовательно, могут подлежать повторному призыву. Если взять также освобожденных в то время от службы, то общий призыв только по Иркутской губернии достигнет двадцати пяти тысяч человек.

На добрую минуту в вагоне воцарилась мертвая тишина, но потом министры возмущенно и со страхом заговорили разом. Первым не выдержал Вологодский, смертельно побледнев:

— Вы в своем уме — это же приведет к всеобщему возмущению!!!

— Даже в шестнадцатом году правительство не решилось на отмену льгот! — Гинс привстал с места, лицо покраснело.

— Забирать единственных сыновей нельзя! Мы тогда и недели не продержимся, все вокруг разом красными станут, — Серебrenников стал яростно вытирать струящийся пот, он полностью взмок.

— Даже от дезертиров прока не будет. Сбежали раз, сбегут и во второй! И еще за собой других увлекают, — Пепеляев знал размах уклонений от службы, ведь в правительстве Колчака он руководил МВД.

— Господа! — чуточку повысил голос Арчegov. — Я не говорил о призыве. Нужно сделать так, чтобы они пошли на службу добровольно и с охотой, и при этом не платить ни копейки. И такая возможность есть!

Министры разом замолчали и вперлись в полковника взглядами — не помутился у человека рассудок? Чтобы пойти на службу с охотой, когда есть законная возможность уклониться от воинской повинности?! Это надо полностью рехнуться!

— Надо принять закон не о новом порядке отбывания воинской повинности. Само название кого угодно отпугнет! Нужен закон о службе в вооруженных силах и о льготах и привилегиях, из этого проистекающих! Начнем с крестьян, ибо они составляют три четверти населения на нашей территории. Главным принципом должно быть следующее — земля принадлежит тем, кто ее не только обрабатывает, но и защищает с оружием в руках. Кто отслужил в Сибирской

армии положенные сроки, в обязательном порядке получают пять десятин удобной и, главное, присельной земли. По праву первого выбора! И сверх того — обычную, положенную для крестьян в том или ином селении норму. Вот так — отслужил честно, имей надельной земли больше чем сосед, кто от военной службы увильнул!

Арчegov обвел взглядом министров — испуг стал потихоньку сходить с их лиц, уступая место интересу. А в глазах у всех одно — «что же замыслил командующий, опять на кривой всех обходит». Константин мысленно улыбнулся — теперь процесс пойдет, как говаривал последний генсек.

— И это пожизненно. Увечным солдатам давать до самой смерти по десять десятин, столько же вдовам, но до совершеннолетия самого младшего из детей. Эти категории должны также получать и все другие положенные по закону наделы. Единственные сыновья, если они желают послужить добровольно, на фронте в боевых частях использованию не подлежат. Но служат полный срок. А единственные работники получают отсрочку для подрастания братьев или выздоровления отца. Или служат только полгода, а их семьи обязаны содержать селяне или родственники, взамен чего пользуются их дополнительным наделом. И надел выдавать сразу, по призыву на службу.

Молчание собравшихся было красноречивым, особенно у Михайлова, что с понятным напряжением вслушивался в слова Арчегова.

— Кроме того, выплата государственных сторублевых пособий производится не всем поголовно, а только тем хозяйствам, где отслужили положенные сроки в сибирской или императорской армии. Инвалидам великой войны, вдовам и тем, кто воевал с германцами. И еще — они получают такие же дополнительные наделы. Но опять же — если их дети или родственники отслужили добровольно в сибирской армии. За это должен отчитаться сельский сход, проконтролировать МВД, а министр финансов незамедлительно выдать государственные облигации. И еще — новоселам восстановить ежегодные денежные субсидии, но только если их сыновья отслужат в армии. Кроме того, предлагаю выдавать паек малоимущим, чьи сыновья находятся на службе.

Вологодский облегченно вздохнул, а министры стали оживленно переговариваться. Предложение Арчегова являлось несколько неожиданным, и вопросы к командующему были у всех. Но тот заговорил снова, и сразу воцарилось внимательное молчание.

— Льготы предлагаю следующие — бесплатное обучение для детей, бесплатная медицинская помощь, прием на государственную службу только тех, кто отслужил в армии. Это касается и выборов во все местные и государственные органы власти. Выбирать только отслуживших беспорочно и имеющих унтер-офицерский чин или хотя бы капрала. Ну и другие льготы, которые вы решите принять. Я думаю, что через несколько лет служить будут все поголовно, причем многие из тех, кто сейчас освобожден, сами пойдут с охотой. Но требую одного — политически неблагонадежных и порочных на военную службу не брать. За лояльность новобранцев должен нести ответственность сельский сход. Более того — надо брать на службу и негодных, если у них есть желание. И соответствующая квалификация для службы на нестроевых должностях. Это касается образованных слоев населения. У меня все.

— Я думаю, предложения Константина Ивановича следует немедленно обсудить. Я вижу, что они детально проработаны и принесут несомненную пользу, — Вологодский говорил негромко, прикрыв глаза. Но Арчegov успел заметить острый взгляд премьера, брошенный на генерала Сычева. А это отвечало его интересам — ведь военный министр уже сделал свое дело...

— С села будете, товарищи?

— Ага, тутошние мы! — двое крестьян, грузивших солому на сани, с любопытством воззрились на окруживших их всадников. Пожилые уже дядьки, далеко за сорок, в отцы годятся. Глаза хоть и с хитрецей, но честные.

— Белые в Красновском есть?

— Откель?! Они по железке ходют да в Ачине сидят.

— Чего возить взялись-то? — Командир с тремя красными квадратами на рукаве бекеши показал на занесенные снежком копешки соломы, вытянутые по белому полю, в двухстах шагах от наезженной санями дороги.

— Дак как же? По мобилизации подводной всю осень гоняли, тока щас ослобонили. Вот и возим потихоньку. Не убраны же поля.

— Ну, бог вам в помощь! — отнюдь не пролетарски попрощался с селянами красный командир, или краском, как привыкли сокращать наименования коммунисты. Что приводило иногда к курьезам — так заместителя командующего по морским делам могли именовать — «ЗамКомПоМорДе».

Краском поднял бинокль к глазам и внимательно осмотрел раскинувшееся в трех верстах село. Нет, все спокойно. Мальчишки глазеют на подходивших военных, мужики живо расходятся по домам, а за поскотиной мелькнули фигурки в наброшенных платках. Улыбка наползла на губы молодого командира — девки хоронятся, боятся, что изнасилуют. Вроде все спокойно в богатом и многолюдном сибирском селе, даже церквушка изрядная.

— Товарищ Рокоссовский! Пехота Саломатина подтягивается!

Командир кавдивизиона оглянулся — из-за опушки показалась длинная серая лента, чередуемая большими рыжими или белыми пятнами. То уставшие лошади еле тащили нагруженные сани. Ну что ж, надо поторапливаться, люди вымотались, не кормлены с ночи, да пять часов на морозе. В селе отогреются — от такой мысли у Рокоссовского застонало уставшее тело, он представил желанное тепло русской печи.

Больше суток длился этот суматошный марш, и первый раз без толку. От Покровского поляки отбили их бригаду бронепоездами, а за спиной белые в Ачинск вошли. И все торопливость начбрига Грязнова, в памяти услужливо зазвучали его страстные слова:

«Товарищи, скорее, скорее вперед, нагоняйте белогвардейцев. Иначе они могут легко оправится, и нам тогда несдобровать, так как мы слишком зарвались и малочисленны. Не давайте врагу опомниться от понесенного ими поражения. Не теряйте времени на чай, обед и ужин, вперед, вперед!»

Да и он сам часто говорил своим кавалеристам знакомую поговорку — недорубленный лес скоро вырастает — и всячески поторапливал бойцов. А те понукали заморенных лошадей, так что сейчас его эскадроны уже не ехали, а плелись шагом.

Но успели прийти вовремя, Красновское белые не заняли. Ночью бригада пошла сюда форсированным маршем, дав только пару часов на отдых в переселенческом поселке. Нужно было поторапливаться, но уже не вперед, а назад. Белые все же опамятавались, ударили по Ачинску, оторвав их от своих и нанеся поражение 89-й бригаде.

Весь перегон битком набит колчаковскими частями, которые сразу насели на одинокую бригаду — слева поляки, справа казаки. И Грязнов, по мнению Рокоссовского, принял правильное решение — отходить к дивизии, обойдя Ачинск с севера, через Красновское. Для вщей надежности лучше было бы идти еще дальше, через Бычковское. Но легко сказать, а

проделать лишних десять верст пути для усталых бойцов было бы невероятно трудно. Но успели, упредили — сейчас займут село, приготовятся к обороне на всякий случай и будут ждать два отставших полка с начбригом.

Лошадей не пришлось понукать — умные животные, предчувствуя сено, отдых и теплые попоны, сами прибавили шаг. Миновав поскотину, отряд бодро затрусил по пустынной улице, селяне попрятались по домам, бросив посреди дороги двое груженных соломой саней. Рокоссовский чуть усмехнулся — чего убежать-то, свои, чай, не тронем.

И оглянулся назад — пехота Саломатина, еле волоча ноги, двигалась вдоль копен, не обращая внимания на работающих мужиков. Да и зачем останавливаться, если их уже опросили, а заветное тепло домов манило бойцов. Вперед, только вперед — замерзшие красноармейцы жаждали отдыха.

И в тот же миг копешки разметало по сторонам, будто пронесся вихрь. И ударила знакомая дробь, зачастила. Уши разом оглохли, но краском не мог отвести взгляд. Десяток замаскированных пулеметов скашивал уставших бойцов Саломатина быстрее, чем остро отточенная литовка высокую траву. Батальоны за секунды смешались, больше половины солдат попадало. Из-за опушки уже выезжали всадники, разворачивая сверкающую шашками лаву.

— Измена, това...

Звонкий крик на секунду заглушил выстрелы и оборвался. В тот же миг Рокоссовский почувствовал, что он падает, но тут же понял, что это валится его лошадь. Командир успел выпустить стремяна и соскочить в сторону. И пронзительно осознал — погибла не только пехота, сейчас из пулеметов уничтожают его эскадроны самым страшным продольным огнем. Это умело подготовленная засада — изпереди стоящих саней очумело хлестали очередями прикрытые соломой «максимы».

Падали лошади, хрипло кричали избиваемые в упор бойцы — ужас объял его душу, хоть прошел он войну и видел много смертей. Но к удивлению, пули пока пролетали мимо, сзади раздавались стоны — свинец все же находил своих жертв.

Несколько бойцов кинулись в открытые ворота, стремясь укрыться за стеной дома. Это было разумно, на открытой улице положат всех, а там можно уцелеть и попытаться отстреляться. Командир рывком поднялся из-за конской туши и рванул к дому. Он почти добежал до ворот, как тут раздались выстрелы, и его бойцы стали падать у качавшихся створок. А под вереей навстречу ему уже бежали вражеские солдаты со знакомыми синими погонами на плечах, грозно уставив штыки.

Рокоссовский попытался выхватить наган, хотя видел, что не успевает. Оставалось принять смерть, но граненый штык вильнул в сторону, зато в лицо устремился винтовочный приклад. И яркую вспышку в мозгу тут же поглотила липкая темнота...

Черемхово

— Господа министры! Раз прения закончены, то я думаю, нам следует принять закон об Иркутском казачьем войске со всеми предложенными поправками. Раз никто не возражает, то данный закон будем считать принятым, — Вологодский обвел всех взглядом и повернулся к Гинсу.

— У меня есть возражения, Петр Васильевич.

Все повернулись к Арчегову в изумлении — командующий активнее всех пробивал этот закон и несколько минут назад выступал за его принятие резче кого-либо, даже войскового атамана Оглоблина, которого само положение обязывало. А тут такое неожиданное заявление.

— Возражение касается одного момента по наделению землей, вернее пункта, где говорится о дополнительном наделении землей в соответствии с законом об армии. Его надо убрать.

— Почему?! — Вологодский выразил общее удивление.

— Казаки получают увеличенные наделы за службу. Они поголовно выходят, за исключением священников и немощных. Спрашивается — за чей счет проводить увеличение, если не служивших просто нет и быть не может. Вроде благая поправка, а на самом деле она внесет смуту в казачьи станицы и вызовет склоки. Я требую отменить ее, а в закон внести поправку — по отношению к казачеству он не действует. Единственное, что можно сделать, — это закрепить за казачьими вдовами и сиротами право пользования полным земельным наделом до совершеннолетия детей. В проекте говорится о половинном наделении.

— А ведь верно?! — потрясенно заметил побледневший генерал Оглоблин. Он тут же побагровел и метнул ненавидящий взгляд на безмятежного Яковлева. Но этой секунды Арчегову хватило для понимания, откуда ветер дует. И он мысленно сделал зарубку.

— «Так вот ты какой, Павел Дмитриевич? Решил за старое взяться? Ну что ж, тогда ход за мною», — Константин удовлетворенно улыбнулся.

— Против поправки никто не возражает? — Вологодский подождал и обратился к Гинсу: — Поправка принята единогласно. Так же как и поправка о зачислении всех бурят по правобережью Ангары в особый национальный округ, а не в состав Иркутского казачьего войска. Оформляйте указ с учетом этих замечаний. А теперь, господа министры, прервемся на чай.

Арчegov встал и быстро вышел из салона. В купе оделся, прошел по коридору и спустился на перрон. Там происходил развод — рота десантников была построена ровными шеренгами. Курить на улице офицерам неуместно, а потому полковник с удовольствием вдыхал морозный воздух. И не он был один такой — оба адмирала, военный министр Сычев и атаман Оглоблин решили сделать так же, и подошли к нему. Вот только обмен мнениями не состоялся, так как Оглоблин тихо обратился к Арчegovу.

— Константин Иванович, вы не уделите мне пару минут? Прошу прощения, господа.

Они отошли чуть в сторону, и полковник вопросительно посмотрел на несколько смущенного атамана.

— Спасибо вам, Константин Иванович. Вы вовремя углядели, а я обмишулился. Это же какой ущерб был бы...

— Это так, вредительство какое-то, прямо слово.

— Не верьте Яковлеву, ваше превосходительство. Он будет пакостить, натура у него такая, гнилая!

— А я не верю! Просто сейчас и он должен сделать свое дело. А там посмотрим. И если надо, то примем меры.

— Если что, можете рассчитывать на меня и моих казаков...

— Спасибо, Прокопий Петрович, но я справлюсь своими силами. — В голосе Арчegovа проскользнула стальная нотка, и атаман чуть кивнул, для него все стало окончательно ясным и обнадеживающим.

— Еще раз благодарствую, ваше превосходительство!

— Прокопий Петрович, прошу вас. Я тоже казак и обязан предусмотреть все. Это мой долг!

— Тогда можно говорить прямо, по-казачьи, как принято?

— Какие вопросы?! Конечно!

— Тебе правительство особняк выделило, но ты его отдал семье Каппеля и старому генералу Катанаяву с чадами и домочадцами. Благородство твое все оценили. Ты прости, но я

говорю, что думаю. Да и в отцы тебе гождусь по возрасту. Невместно командующему армией в городе своего угла не иметь. Ты землю владеешь, полным казачьим паем?

— Откуда?! Я по армейской кавалерии пошел, потому надел мне не полагается. Служу за жалованье и пенсию.

— Вот то-то и оно. У тебя семья, казак растет. Жена красавица — а угла своего нет. Я про казенный особняк не говорю — он правительством снят на время, пока ты в должности командующего пребывать будешь. Вот война закончится, победим мы, сейчас в это верую! В тебя верю, ты один воз вытянешь. Но вопросы житейские есть. Ты где медовый месяц проводить будешь, как женке обещался? Ты ж из Сибири ни ногой, должность твоя надолго будет и не откажешься от нее, иначе делу ущерб придется терпеть.

Арчegov хмыкнул, вот тебе и таинство. Они с Ниной обвенчались в последний день декабря — правительство перешло на принятый в Европе григорианский стиль, но оставило в неизменности православные праздники и второй календарь, с ними связанный. Посаженым отцом был сам Вологодский, а дружками или свидетелями контр-адмирал Смирнов и Алевтина Михалева, ставшая за эти дни подружкой жены. Тайна тайной, но казачки тоже любят языком почесать, как все женщины, а в Михалево такой секрет не удержать, легче воду решетом таскать.

— Иркутских казаков мало, все про всех знают и ведают, — улыбнулся Оглоблин, правильно уловив суть размышлений Арчegovа. — Потому станичники тебя уже своим считают и просят угол свой у них определить, отказом обиду казакам Спасским не чиня!

— То есть какую обиду я чиню? — искренне удивился Арчegov.

— Михалевцы, и казаки, и крестьяне из казаков, что с этого часа тоже казаками снова стали, тебя за своего уже считают. А раз ты на Тереке пая не имеешь, то здесь получить можешь — участки для офицеров у нас выделены еще два года назад. А сейчас стало намного проще — теперь вся земля войсковая в округе.

— Но я же на жалованье?!

— Так все мы на жалованье, но на обычный казачий пай в тридцать десятин имеем полное право. Ты казак, с тобою по закону все ясно. Ты тоже имеешь право на пай, если переведешься в наше войско. Согласие твое прошу, ведь до Терека далеко, и ты там не скоро появишься. Так ведь?

— Не скоро, — согласился Арчegov. Уезжать с родной земли на Кавказ он не желал категорически. И ведь прав атаман, надо ему определяться, якорь надежно бросать да закрепляться здесь на веки вечные.

— Согласие твое на перевод нужно. Я тут же приказ отдам по войску — прошения для родовых казаков здесь не требуется. И о том, что ты в распоряжении Сибирского правительства. Ты согласен, Константин Иванович?

— Хорошо, — произнес Арчegov, — атаман прав, надо поселяться, тем более законом это не воспрещено, ведь казаку из одного войска разрешено переходить в другое. А казачий офицер может служить и в не казачьих частях.

— Ну и славненько, — облегченно выдохнул Оглоблин. — В Михалево тебе надел нынче же отведут, а Осип Терентьевич его обрабатывать будет. И дом тебе там поставят — Нине Юрьевне и Ванятке в своем углу жить надобно. Да и приглядят за ними крепко, люди там все свои, казаки. И еще — поселок в Спасскую станицу входит, что в Иркутске. Казаки там все решили уже и с прошением вышли. Тебе на берегу Ушаковки полдесятины под усадьбу отведут — она сверх нормы по закону положена. Дом войско поможет поставить — у нас и срубы готовые есть, просушенные. Усадьба добрая выйдет — командующий армией ведь в ней проживать будет.

Арчegov немного растерялся — ну и станичники, все за спиной решили. Его обустроят, тем благодарность свою проявляя, и войску со станицей слава совсем не лишняя. Еще бы «спаситель Сибирской государственности от кровавых лап большевистских вандалов» — так выразились в одной из читинских газет, родом из иркутских казаков.

— А пока я тебе свой флигель отдам, он у меня пустует. Да и Нине Юрьевне будет, где остановиться, — она сейчас на виду, у всех во внимании, приглашения посылают будут, да и Петр Васильевич ее полного затворничества в Михалево не поддержит. Так ведь?

— Так, — вынужден был согласиться Константин. Вологодский принял отказ от особняка, но сделал настоятельные намеки, что невместно жене командующего от общественной жизни устраниваться.

— Она у тебя о медовом месяце в горах мечтает, вроде как в Швейцарии. В Тунку съездите, недаром ее «нашей Швейцарией» именуют. Горы высокие, долина привольная, минеральные источники бьют. Курорт райский...

И тут Арчegov напрягся, но не от слов атамана. Из штабного вагона выскочил офицер связи, держа в руках белый листок. Однако депеша ни ему, ни Сычеву не полагалась. Пробежав мимо них, шифровальщик, с радостным до безумия лицом, юркнул в салон Вологодского. И через минуту из вагона выскочил сам премьер-министр, в сюртуке, с обнаженной головой, потрясая этим листком бумаги в руке.

— Господа! — громко закричал обычно сдержанный Вологодский. — Это телеграмма от его величества Михаила Александровича. Он принимает титул царя Сибирского со всеми правами и обязанностями. И выражает надежду на скорый подход частей Сибирской армии к Красноярску и разгрома большевиков объединенными усилиями. С последующим процветанием Сибири на благо Великой Российской державы! Ура, господа!

— Ура! Ура!! Ура!!! — Звонящий и грозный русский клич раскатился в морозном воздухе. Солдатский строй дрогнул, и через секунду все на перроне смешались в одну ликующую от счастья толпу. Родовались все — солдаты стали подбрасывать в воздух Вологодского, железнодорожники обнимались с генералами и адмиралами — все напоминали расшалившихся от нахлынувших эмоций детей. И было от чего — надежда на возрождение России еще ярче разгорелась в каждом честном сердце...

Чита

— Тебе, Григорий Михайлович, следует сделать соответствующие выводы. — Атаман Семенов вслух дочитал последнюю строчку послания полковника Арчegovа и отложил листок бумаги.

Последние дни атаман долго размышлял — события неслись галопом и менялись с калейдоскопической быстротой. Нет, он искренне приветствовал создание нового Сибирского государства — и рад был хоть что-то уберечь от наступающей волны красного нашествия. Но в то же время из властного хозяина Даурии он понемногу превращался в полностью подчиненное лицо с весьма ограниченными полномочиями. Да и на те уже покушались из Иркутска, урезая их все более, откусывая кусок за куском от его былой власти.

Григорий Михайлович встал и прошелся по жарко натопленной комнате. Мысли ворочались тяжелыми кирпичами, комок раздражения подкатывал к горлу. Его стали предавать даже близкие соратники, вначале тихо, а теперь и открыто встававшие на сторону Сибирского правительства. И ничего нельзя сделать — японцы уже четко обозначили свою позицию и отказали атаману в поддержке.

Три дня назад в Мысовую через Байкал пришла «Ангара», высадив десант. К вечеру подошли и все три его бывших «шпальных» бронепоезда, которые он сам когда-то передал под командование Арчегову. Вот только названия у них стали другими и без триколора российского.

Ситуация сразу прояснилась — Сибирская армия под бело-зеленым знаменем шла на восток целеустремленно, всерьез и надолго. Начали закреплять за собой территорию Забайкалья, его Забайкалья.

Отбросив от Мысовой партизан, сибирские бронепоезда пошли вслед уходящим американским частям, второго дня заняв Верхнеудинск. Сегодня днем атаман получил сообщение, что начальник гарнизона города подполковник Левицкий, бывший его «генерал», уже полностью на стороне правительства. Конная туземная бригада из монголов и бурят перешла вместе с ним, так же, как и казачий генерала Крымова дивизион, дислоцированный в Троицкосавске. И весьма симптоматично, что из них уже начали формирование двух новых Забайкальских конных полков по две казачьих сотни и по два уланских эскадрона из инородцев — монголов и бурят.

Воззвания Вологодского с призывами Арчегова нашли в западном Забайкалье живейший отклик. К этому был добавлен звенящий презренный металл и щедро раздаваемое добро из чешских эшелонов, что привлекло на их сторону не только казаков и бурят, но и значительную часть местных крестьян, особенно семейских.

Вроде как благое дело — унять партизанщину, отвлечь из ее рядов благожелательно настроенные элементы, обеспечить спокойствие и порядок. В Мысовой и самом Верхнеудинске начато формирование трех батальонов государственной стражи для охраны железной дороги. И стал совсем недалек тот час, атаман прекрасно понял всю подоплеку, когда эти батальоны будут двинуты уже на Читу, с двумя новыми казачьими полками.

— Ты мне не подкрепления высылаешь, лишних стрелковых рот у тебя просто нет! Ты меня таким образом за глотку берешь!

Григорий Михайлович бросил взгляд на арчegovское послание. Помощи от японцев не будет, даже барон Унгерн, и тот притих — жалобы на своевольного и жестокого немца в эти дни практически не приходили. Роман Федорович явно выжидает развития событий, а потому и молчит, не выказывая правительству как согласия, так и своего неодобрения. Хуже того — барон начал переговариваться по телеграфу с Арчegovым, а это о многом говорило.

— Если я начну сопротивляться, — Семенов прошелся по комнате, размышляя вслух, — то сыграю на руку красным! И меня раздавят с трех сторон! И казаки вряд ли поддержат... Если не буду, то рано или поздно меня уберут из Забайкалья. Значит, надо принимать его условия полностью, другого выхода просто не существует!

Атаман взял со стола колокольчик и позвонил в него. Дверь тут же открылась, и на пороге комнаты появился адъютант, молча замерший в ожидании приказа.

— Отправьте телеграмму командующему Сибирской императорской армии полковнику Арчegovу: «Ваше превосходительство, с предложенным полностью согласен. Немедленно приму все меры к вербовке китайцев. Золото из Читинского казначейства будет завтра отправлено. Точка. Подпись — походный атаман Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск и командующий войсками Забайкальской области войсковой старшина Семенов». Зашифруйте и немедленно отправляйте в Черемхово!

Глава третья

Чтобы пан или пропал...

(4 января 1920 года)

Канск

— Не угомонятся никак, ваш бродь. Палят, как оглашенные! На первую сотню насели...

Бородатый казак не договорил, екнул и упал на снег. Полковник Бычков сразу не понял, что случилось, но, наклонившись, увидел, как дымящаяся алая кровь вылетает тонкой струйкой из пробитого пуль виска. Глаза станичника уже остекленели — он был мертв...

Вот уже неделю Иркутский казачий полк отчаянно отбивался в Канске отседавших с трех сторон тасеевских партизан. И был бы ему давно конец, если бы со спины не прикрывали стоящие на станции чехословацкие эшелоны с бронепоездом.

Первый раз чехи выручили тридцатого, когда в казармах забузили солдаты 55-го и 56-го полков сибирских стрелков. Соединись они с подступавшими к городу партизанами, был бы конец. Но «братушки», до того несколько дней смотревшие на русских солдат и казаков с плохо скрываемой ненавистью, неожиданно пришли на помощь. Чехи высыпались из вагонов и под прикрытием пулеметов оцепили мятежные казармы. Восставшие были разоружены и разогнаны, большинство сбежали к партизанам.

Следующим утром чехи передали полковнику телеграмму от атамана Оглоблина из Иркутска. Новости были шокирующие — оказывается, связи не было потому, что в городе восстали эсеры, а чехи поддерживали их. Но части полковника Арчегова, прибывшие из Забайкалья, подавили восстание, и нанесли поражение второй чешской дивизии. Вся власть перешла в руки нового Сибирского правительства, а к Красноярску продвигаются надежные войска.

Телеграмма вызывала больше вопросов, чем давала ответов, но одно из нее Бычков понял твердо — Канск нужно удержать любой ценой, иначе дорога на Енисей будет закрыта.

Новости изрядно приободрили как казаков, так и защищавших город отряды дружинников Желякевича и Чунавина. Сдаваться на милость победителей гарнизон наотрез отказался — партизанам соврать не дорого взять, тем более по опыту они прекрасно знали, что повстанцы их в плен брать не будут. Стоит только сложить оружие, и все прекрасные обещания, данные красными, будут забыты в тот же миг, и начнется безжалостная расправа.

Неимоверными усилиями полковнику удалось удержать в повиновении Канский стрелковый полк. Смутьянов вовремя изъяли и расстреляли, ненадежных взяли под арест в казармах, а три сотни солдат из полка добровольно присоединились к гарнизону.

Штурмовать город партизаны попробовали только раз, но были отбиты с большим уроном. Но беспокоили без перерыва на обед и сон — днем и ночью гремела стрельба, наводя ужас на обывателей. И только потому части Быčkoва отбивались — перепуганные горожане, боясь резни и повальных грабежей, вступили красные в город, всячески старались поддержать гарнизон. Но сегодня партизаны решились на новый штурм — пошли большими силами в атаку, беспрерывно паля в воздух для вящего устрашения...

— Ваш бродь! Патроны кончаются! Сотник Скуратов просит помощи!

Бородатый казак с вытаращенными глазами, как у рака, прислонился к стене дома, спасаясь от пуль, что роились кругом разъяренными пчелами.

— Нет у меня патронов! Закончились! — отмахнулся полковник. — Скажи сотнику — держать оборону, иначе всех вырежут.

— Господин полковник! Они по льду реки повалили, а к пулеметам ленты закончились! Надо отходить к станции, иначе погибнем!

Бычков похолодел — если опытный и хладнокровный сотник Немчинов *так* говорит, то действительно хана. И в рукопашной не выстоять — на одного казака по пять партизан приходится.

Полковник открыл рот, чтобы скомандовать отход, как тут над головой раздался до боли знакомый гул, и тут же на реке вздыбились султаны взрывов. Человеческие фигурки суматошно заматались, стремясь найти укрытие, но где там. Снаряды все летели и летели, причем уже правее, где длинными серыми полосами на белом снегу вытягивались для наступления густые от множества партизан стрелковые цепи.

Чешские бронепоезда снарядов не жалели, и красные не выдержали обстрела — ровные пунктиры смешались, превратились в точки, которые тут же бросились врассыпную к зеленеющей каемке тайги.

Обстрел внезапно прекратился, стала слышна частая пулеметная трескотня. А далеко левее фронта показалась серая от шинелей цепь. И партизаны тут же бросились наутек — фланговый удар чехов был страшен...

Красновское

— Почитай вот это, Семен Федотович. Очень интересная штука получается. — С лукавой улыбкой Шмайсер протянул Фомину листок бумаги.

И, скосив глазом в сторону генерала Молчанова, добавил с усмешкой:

— В сумке у убитого нашли. Четыре кубаря на рукаве — командир полка. Но как в его сумке такое оказалось, ума не приложу. Видно, копия. Или сам начдив Лапин забыл сию бумажонку, уж больно резво он от нас ушел. Да мало ли что, гадать без толку — главное тут в содержимом.

— «Разбитые части 1, 2 и 3-й армий противника в беспорядке отступают вдоль Сибирской железнодорожной магистрали в направлении на Ачинск. Нашей армией 28 декабря занят Мариинск. Частям армии приказываю уничтожить отступающего противника и овладеть районом Ачинска».

Семен Федотович читал вслух ровным и спокойным голосом, но от сдерживаемого волнения немного задрожали руки. Великое счастье для любого военного знать планы врага — это многого стоит. И сейчас в его руках была директива командующего красной 5-й армией латыша Эйхе, что неумоимо преследовала деморализованные поражениями колчаковские войска.

— «Во исполнение сего:

1. Комгруппы Семипалатинской и 26-й дивизии задача прежняя.

2. 35-й дивизии, оставив один полк в Кузнецке, с рассветом главными силами перейти в наступление и к 4 января занять завод Боготольский, перехватив авангардом железнодорожную линию Ачинск — Минусинск в районе Усть-Усульская.

3. 30-й дивизии с рассветом продолжать стремительное наступление на противника вдоль железнодорожной магистрали и 3-го января овладеть районом Ачинска, имея авангард в районе Покровское.

4. 27-й дивизии, оставаясь в армейском резерве, сосредоточится в районе Мариинска и

привести в порядок дивизию.

5. Разграничительная линия между 35-й и 30-й дивизиями: Макарово — Боготольское — Краснореченское — для 35-й дивизии включительно.

6. О получении директивы и отданных распоряжениях донести.

Командарм 5 Эйхе. Член Реввоенсовета Смирнов. Врид. Наштарма Кутырев».

— Вы были правы, Семен Федотович, а я заблуждался, — глухо произнес генерал Молчанов.

— Красные действительно разбросали свои дивизии.

Фомин только кивнул на эти слова. Затем отложил в сторону директиву, взял в руки карандаш и склонился над картой, делая на ней характерные пометки. И вскоре его лицо озарилось счастливой улыбкой.

— Никак надумал что-то, Семен Федотович? — Шмайсер воспользовался правами старого приятеля, тем более они давно уже решили никогда и ни перед кем не скрывать свои дружеские отношения.

— Ага! Вот смотрите, что у нас сейчас получается. — Карандаш заскользил по карте, останавливаясь то перед одним, то перед другим кружком.

— Армия Каппеля идет мимо Краснореченской, но на саму железную дорогу ей не выйти — с севера нависает 90-я бригада. Вот так красные и победили бы — вторая армия ушла, за ней следом 30-я дивизия красных. Опережая в параллельном марше авангард отходящей третьей армии. Из-за этого маневра она на магистраль не может выйти и вынуждена все более и более отставать. Уже на два перехода.

— И неизбежно попала бы в окружение в самые ближайшие часы, — спокойно констатировал обстановку Молчанов.

— Не разгрома мы 30-ю дивизию по частям, — добавил Шмайсер.

— Это так! Но теперь мы должны воспользоваться ситуацией и принять решение. Как вы считаете, Викторин Михайлович?

Фомин «бросил горячую картофелину» генералу — теперь тот младше по должности, а потому должен первым высказывать свое мнение. Молчанов усмехнулся в усы, ведь за прошедший год именно он так и поступал.

— Атаковать 90-ю бригаду немедленно всеми нашими силами, и дать возможность выйти на магистраль частям третьего корпуса. Зависая над флангом 35-й дивизией, мы остановим ее наступление. Выигрыш времени надо использовать для приведения в порядок войск генерала Каппеля.

— Абсолютно правильное решение, — Фомин скривил свои тонкие губы в змеиной улыбке. — Но вся штука в том и состоит, что правильные решения не дадут нам победы. На смену 30-й дивизии подойдет из Мариинска 27-я дивизия Путна, и для нас все начнется сначала. А ведь у красных в Новониколаевске еще одна дивизия в резерве, 51-я, самого Блюхера.

— Вы хотите предложить иной вариант, Семен Федотович?

— Да, Викторин Михайлович. Спасать войска Каппеля не нужно, именно этого от нас и ждут. Я думаю, арьергард третьего корпуса начнет огрызаться, не только драпать. Так что от авангарда красных они как-нибудь отобьются. А мы пойдем другим путем — так вроде бы их Ленин любит приговаривать от случая к случаю.

— И что вы намерены предпринять?

— Предпринимать будете вы, Викторин Михайлович, со всем своим корпусом. Нам нужно не выручать войска Каппеля, повторю еще раз, а сделать так, чтобы спасти его было не от кого. Смотрите — мы сейчас можем последовательно бить красных по частям. Сегодня атакуем 90-ю бригаду, окончательно и полностью уничтожаем 30-ю дивизию. Закрываем Краснореченскую

одним батальоном и продолжаем энергично наступать на Мариинск.

— Мы же оторвемся! — Дерзость предложения шокировала Шмайсера, он не удержался от восклицания.

— Наступаем как можно дальше, и как только наш авангард минует хвосты 35-й дивизии, сворачиваем с параллели магистрали и выходим в тылы красным. И вся дивизия попадает в окружение — спереди Каппель, с севера наши батальоны прикрывают выход на «железку», а сзади ижевцы и воткинцы. Загоним их в тайгу южнее и там окончательно добьем.

— Безрассудство! — отрезал Молчанов. — В спину ижевцам ударит 27-я дивизия, и получится слоеный пирог. У нас мало патронов, почти нет снарядов, солдаты устали. Для такого рискованного маневра к моим трем бригадам нужны как минимум две из первого корпуса. И патроны...

— Нельзя! Войцеховскому предстоит брать Красноярск не мешкая, ведь там склады, в городе можно устроить беженцев и раненых. И не забывайте — от Иркутска идут части Сибирской армии.

— Без поддержки и боеприпасов я атаковать не смогу — сил недостаточно. Мы же погубим корпус целиком, если сами окажемся под ударами 27-й дивизии с запада. 35-я дивизия перегруппируется и предпримет атаку с востока. Мы сами тогда окажемся в окружении!

— Риск, конечно, серьезный! Но нет иного решения! Любые наши правильные решения, — Фомин надавил на последние слова, — не избавят от красных, а если мы не возьмем еще Красноярск? Тогда нам колечко будет, только для всей армии. Нужно рисковать и использовать этот шанс, пока красные зарвались и раздробили свои силы. Атаковать нынче — завтра будет поздно!

Молчанов надолго задумался, просчитывая правильность решения. Понять генерала было можно — ведь ему предлагалось бросить боеспособные части корпуса в неизвестность, без тыла, без боеприпасов и продовольствия. Риск не просто большой — чудовищный.

— Атакуйте всем корпусом, Викторин Михайлович. Я отдаю вам свой резерв — 1-ю бригаду уральских стрелков и сибирских казаков Волкова. Более того, отдам оренбургских казаков генерала Мамаева. Думаю, они к вечеру управятся с остатками 88-й бригады. Прикажу собрать все продовольствие, в селах мобилизуем подводы для вашего корпуса.

— Если 35-й дивизии удастся опрокинуть Каппеля? Ведь тогда она займет Ачинск и отрежет меня!

— Риск есть, и немалый! Вот только сомневаюсь я, что генерала Каппеля порвут, как листок газеты. У него тысяч двадцать, и это минимальная оценка. В два раза больше, чем преследующих красных. Мы отступаем, вернее, бежим, имея намного больше людей. Дух воинский потеряли, а потому и терпим поражение за поражением. А теперь иначе будет — первые победы искорку в людских душах зажгли. И нам надо ее в пламя раздуть — вот для чего нужно наступать. Победное наступление окрыляет войска!

— Хорошо! Я прошу немедленно отдать общий приказ о наступлении!

— Уже отдан! Возьмите директиву! — Фомин нарочито медленно вытащил из нагрудного кармана листок и протянул его генералу. Тот впился в него глазами — лицо у Молчанова застыло в гримасе удивления.

— А что ж вы тут меня упрашивали, «ваньку» валяли?!

— Викторин Михайлович, вы уж извините, но приказ есть приказ, а любому необходимо просто знать, для чего принято то или иное решение. Тем паче сейчас, когда мы обрели надежду. Но это так, лирика, нам бы не мешало допросить кого-нибудь из красных командиров, благо пленных мы взяли. Да и интересно просто взглянуть на тех, кто нас от Тобола гонит. Шмайсер, друг мой, распорядись одного привести, у кого «кубарей» побольше. Жалко только,

что начбригов Грязнова и Захарова в запарке убили, не разобравшись. Вот бы кого с чувством и толком поспрашивать...

Красноярск

— Жолнеры второго полка взяли железнодорожный мост через Енисей под свою охрану. Русские его минировать вздумали, — полковник Румша достал из раскрытого портсигара папиросу и закурил, выпустив через ноздри клубок сизого дыма.

— Теперь путь для наших эшелонов до самой Ключвенной сейчас свободен. Это хорошо, иначе Колосов с Зиневичем могли поставить нас в безвыходное положение и требовать все за проход эшелонов. Повторилась бы иркутская история, когда Арчegov заблокировал байкальские туннели и взял чехов за глотку.

— Хорошо, что обошлось без перестрелки, как было с белыми у Боготола, — Чума знал, о чем говорил. Поляки открыто называли колчаковцев черносотенцами, и те платили им той же монетой. Вековая распря между Польшей и Россией была привнесена и на заснеженные сибирские просторы, где они, волею судьбы, стали союзниками. Вот только «союз» был непрочным и временным, что прекрасно понимали обе стороны.

Правительство Колчака хоть и признало с рядом оговорок независимость новоявленного польского государства, только сама идея воссоздания «великой, единой и неделимой России» приводила спесивых шляхтичей в крайне подозрительное состояние. Ну, как победят белые — и тогда новая русско-польская война может стать суровой реальностью.

А потому Польша в гражданскую войну не вмешивалась, ожидая, когда красные с белыми окончательно обесселят друг друга, и вот тогда можно будет создать за русский счет «Речь Посполитую», от «можа до можа» — от Балтийского до Черного. Лучше, конечно, еще и до Белого моря, но уж больно велико расстояние, да и отыскать в Беломорье ляхов и литвинов крайне затруднительно. Но «Великая Польша» — дело отдаленного будущего, а пока поляки потихоньку отщипывали кусок за куском белорусские, литовские и украинские земли. Да собирали под бело-красный флаг с белым орлом Пястов воинство, где только можно, для грядущей схватки.

В Сибири удалось из польских переселенцев сформировать одну дивизию, кое-как собрав до 12 тысяч жолнеров, то есть солдат, при тысяче с лишним офицеров. С кадрами проблем не было — хлебнув кровавой смуты, многие русские живо припомнили, у кого есть в жилах капли ляхской крови или, на худой конец, фамилия, похожая на польскую.

Если нет, то ничего страшного — можно взять девичью фамилию жены, если полячка, или придумать некие польские корни, уходящие в древность. Летописи в Сибири днем с огнем не найдешь, да и пример «царевича Дмитрия» в первом «смутном времени» три века тому назад был.

Союзники живенько вооружили всех поляков, сведенных в три пехотных и уланский полки, штурмовой и инженерный батальоны с артиллерийским дивизионом. Имелось четыре крепости на колесах, три из которых получили громкие названия столиц трех «кусков» бывшей Польши, оттяпанных 200 лет назад предприимчивыми соседями — Австрией, Пруссией и Россией. Дивизион из трех бронепоездов — «Кракова», «Познани» и «Варшавы» — вскоре был дополнен отбитым у большевиков «Соколом».

Первый раз по-настоящему поляки схлестнулись с Красной армией две недели назад у станции Тайга. Дрались ожесточенно, потому что защищали награбленное в Сибири добро, забитое по теплушкам и сваленное на платформы длинной вереницы из полсотни эшелонов.

Именно это добро, а также семьи и беженцы, стали тем камнем, который висит на веревке, обвязанной вокруг шеи утопленника. Дивизия потеряла не менее половины своей силы, охраняя собственный тыл, протянувшийся на сотню верст по магистрали...

— Я передаю колчаковцам три тысячи лошадей из четырех, четыре пятых фуража да еще продовольствие оставляю только на месяц, а трехмесячный запас отдаю полностью, — Румша захрустел зубами. Обида грызла полковника — ведь накопленное месяцами добро стало стремительно улетучиваться, отцепляемое целыми связками вагонов от польских эшелонов.

— Передайте еще «Сокол» в аррьергард полковника Кохутницкого, — распорядился Чума и забарабанил пальцами по столу. — Он возьмет на себя защиту Ачинска, пока его войска Каппеля не сменят.

— С какими частями?

— Два батальона первого полка, одна батарея и уланы Езерского. Там русский броневик «Забияка» и формируется один батальон из мобилизованных местных крестьян. Силы достаточные, чтобы отбить красных, если части Каппеля их не удержат.

— А что предстоит сделать мне, пан полковник?

— Вам, пан Казамир, хватит двух наших полков со штурмовым батальоном и бронепоездами для захвата Красноярска. Мятежных солдат в городе четыре тысячи, еще три тысячи партизан Щетинкина подошло, да пара тысяч всякого сброда. Они ставят тяжелые батареи — вот и ударите им в спину.

— А что Войцеховский? — Румша недолго любил этого генерала за явственные симпатии к «братушкам»-чехам.

— Его авангард накатывается на Минино, а завтра начнет штурм Красноярска. Во втором корпусе три пехотные и одна конная бригады, еще иркутские стрелки в резерве. У русских до десяти тысяч боеспособных солдат и офицеров, половина из которых активные штыки и сабли.

— Этого больше, чем достаточно. Стоит атаковать вместе с ними, одновременно. У нас могут быть потери, а лучше бы их избежать.

— Согласен! Но иначе нам из Сибири не выбраться, а потому перемирие с эсерами нам уже не нужно...

Красновское

Константин Рокоссовский выпрямил затекшие в коленях ноги, стараясь не ткнуть ими спящего взводного, парню без того досталось от беляков. Да и сам он чувствовал себя неважно, если не сказать хуже. Болело разбитое прикладом лицо — ижевец сломал переносицу, а правый глаз полностью заплыл багровым синяком.

В доме у теплой печи было хорошо лежать, можно даже чуток поспать, вот только сон не шел. Да и разве размякнешь, если напротив сидят на лавке два часовых и не спускают глаз с пленных красных командиров, держа в руках вороненые наганы. Ни на секунду не расслабляются в теплоте, и глаза все время настороже — чуть не так, выстрелят без раздумий.

Рокоссовский среди пленных был самым старшим по должности плюс взводный с его эскадрона, раненный в руку ротный Щербачев с двумя молоденькими командирами взводов — все трое последних из разгромленного полка Саломатина.

— Принимай пополнение, краскомы! Теперь вам веселее будет! — Дверь в комнату открылась, и трое ижевцев бросили у печки одетого в изодранный полушубок командира, на рукаве которого краснел одинокий квадрат.

— К печи прислоните, задубел он!

Рокоссовский бросился на помощь Щербачеву — вдвоем они прислонились к теплым кирпичам молодого парня с русой бородкой, покрытой изморозью. Расспрашивать было бесполезно — тот только клацал зубами, трясаясь от холода. Но это было хорошо, намного хуже, когда замерзший становится бесчувственным. Прошло добрых двадцать минут, пока взводный не отогрелся и смог внятно говорить.

— Какого полка, товарищ? — Хотя и бесстрастен был голос у Щербачева, но сквозь участие в нем сквозила тревога.

— Белорецкого...

— Что случилось?

— Вляпались мы, братцы. Вначале с пулеметов по нас ударили, в поземке не видно было, а потом шрапнелью накрыли. Стали отходить, а тут казаки лавой пошли. Хана полку...

Парень откинулся головой на печку и закрыл глаза. От переживания он прокусил губу — тонкая струйка крови потекла по подбородку. А по щекам потекли слезы вперемешку с влагой оттаявшего льда.

— Начбриг Грязнов где? А 269-й полк прорвался? — не утерпел от вопроса Рокоссовский.

— Убит наш бригадный. Мы же окоченели все, в снегу два часа бой вели. Что сделаешь, если все «максимы» заморозило?! С «шошей» не отстреляешься. Богоявленцев тоже много поубивали, но в темноте кое-кто из наших смог уйти. Остальных всех положили... Казаки лютуют — страсть...

Константин только сглотнул — зарвались они, вот беяки этим и воспользовались. Сколько хороших бойцов сдуру потеряли из-за этой спешки. И не воротишь, хоть голову об стенку разбей. Обмишулились...

— Так, и кто тут главный?! — Дверь снова открылась, и на пороге появился уже офицер, у которого на синих погонах с одним просветом уместилась россыпь из четырех звездочек. Штабс-капитан нетерпеливо топнул ногой. Делать было нечего, и Константин поднялся с пола, оправил шинель.

— Я командир кавалерийского дивизиона!

— Как зовут?

— Константин Рокоссовский!

— Пойдем, «товарищ», у нашего генерала к вам некоторые вопросы имеются. — Офицер шутиливо щелкнул пятками, хотя валенки не сапоги и каблуков иметь не могут по определению.

Рокоссовский только вздохнул — не чаял быть пленным, но куда денешься. Сам он брал многих, видел, как заискивают перед ним офицеры, не все, правда, но добрая половина. Жить-то хочется! А теперь сам белым в лапы угодил, начнут еще ремни резать, света не увидишь. И деваться некуда — попала собака в колесо, так пищи, но беги. Смерти он не боялся, вернее побаивался, как любой нормальный человек. Просто обидно умирать, когда победа так близка. Пусть погибла бригада, но не одни же они преследуют драпающих колчаковцев...

— Он мне кого-то напоминает? Явно знакомого! — Поджарый, едва перешагнувший тридцатилетний рубеж генерал вплотную подошел к Рокоссовскому, посмотрел прямо в глаза. Молод еще, а уже высоко забрался — на вышитых золотых погонах краском узнал императорские вензеля.

— Бог ты мой! — всплеснул руками генерал. — Так это ж сам Рокоссовский, Константин Константинович. Как же! Встречался я с вами лет семь назад, как раз перед тем как вам лагерный срок впаляли! Шмайсер, это ты самого Рокоссовского повязал! Только молодого еще!

— Командующего Центральным фронтом?! Генерал-полковника?!

Плотный офицер, в надетом поверх формы грязно-белом маскировочном халате, всплеснул руками, словно баба, стирающая белье. Пронзительные глаза впились в Рокоссовского, и он

внезапно осознал, что попал в лапы двух безумцев. Константин не понимал, о чем идет речь, как они могли принять его за какого-то генерала с непонятным чином.

— Вы ошиблись, «господа». Генералом отродясь не был. И в плену немецком, в лагере. А отчество у меня другое...

— Знаю. — Генерал легко поднялся из-за стола. — Отец ваш поляк, а потому имя его вам русифицировать придется...

— Не придется! Не доживет!

Слова Шмайсера хлестанули ледяным бичом — Рокоссовский понял, что живым его точно не оставят. А потому собрал все силы, благодаря судьбу, вернее нерадивых караульных, что не связали его. Теперь надо было выждать момент и напасть на врагов, благо оружия в руках у них не было.

— Вообще-то верно, — генерал задумчиво посмотрел на пленного, — но поспешно. У меня к вам есть пара вопросов, «товарищ» Рокоссовский.

— Отвечать не буду! Можете расстрелять!

— Да уж, — задумчиво протянул немец и повернулся к генералу. — Товарищ явно не понимает...

Теперь настало время, и Константин стремительно прыгнул на спину офицера, стремясь ударить того кулаком по затылку. Но, уже замахнувшись, он вдруг понял, что беззащитность Шмайсера была мнимой — плавным движением тот качнулся в сторону, и краском со всего размаха треснул кулаком по столу. И тут же взвыл от боли — по сгибу локтя будто полоснули шашкой.

— А вы, батенька, дурак! Храбрый, но дурной, — сквозь боль донеслись слова немца. — Кто ж так прыгает?!

Шмайсер говорил с участливыми нотками и, наклонившись, резким движением рук поставил Рокоссовского на ноги. Константину было очень больно, но он сдержался от стога — рука висела плетью, и ею нельзя было даже пошевелить.

— На наши вопросы отвечают всегда, — медленно и с расстановкой произнес генерал. — Только напрасно мучаются, упрямы. На куски резать не станем, поступим с вами по рецептам покойного чекиста Мойзеса. Никто их еще не выдержал! Так что скажете все и лишь потом умрете!

Рокоссовский непроизвольно вздрогнул, но не от ледящей угрозы. Так вот оно что — ведь именно о нем говорил начальник особого отдела дивизии, кивнув на прибывшего с поручением Дзержинского из Москвы чекиста. Тот был не просто страшен ликом — ужасен! Без содрогания смотреть невозможно на покрытую зажившими рубцами голову, с которой буквально содрали кожу вместе с носом...

— Семен, а ведь он вздрогнул! — чуть протянул слова Шмайсер. — Ей-ей, что и подумать, не знаю.

— И это не от страха, — задумчиво проговорил генерал, и тут же спросил. — Вы ведь знаете Мойзеса?! Так ведь?!

— Знаю, — не стал скрывать Рокоссовский.

— И где он?

— Не скажу!

— Шмайсер, не надо! — Генерал остановил немца, который с нехорошей улыбкой надвинулся на упрямого краскома. Фомин прекрасно понимал, что немец выбьет из него всю нужную информацию, но ему было просто жаль Рокоссовского — короткое знакомство с ним в прошлом-будущем оставило на душе добрый след.

— Послушайте, Константин Ксаверьевич! Военных тайн мне от вас не нужно. Я имею

директиву вашего командарма Эйхе, и потому расклад мне ясен. Вот она! А потому давайте так — я задам вам несколько вопросов, которые не затрагивают данную вами красным присягу. Если вы на них ответите, я обещаю вам жизнь. Что ж вы молчите?

— Я в ваших руках! А потому обмануть меня вы завсегда сможете...

— Я даю вам честное слово офицера! Более того — теперь я даже заинтересован в том, чтобы вас отпустили на все четыре стороны!

От произнесенных слов Шмайсер впал в изумление, и Константин понял, что это не обман, все говорится более чем серьезно. Надежда вспыхнула с безумной силою — ведь он еще молод, и ему хотелось жить. Ведь такое время — хоть одним глазком увидеть, какой будет счастливой жизнь в государстве рабочих и крестьян.

— Спрашивайте! На что смогу — отвечу.

— Как выглядит Мойзес? Сколько ему лет?

— Вроде немолодой. Вся кожа с головы содрана, в рубцах...

— Ты смотри, никак выжил, стервец! А я думал «мишка» его того...

Шмайсер неожиданно захохотал, и от избытка нахлынувшего возбуждения ударил ладонью по столу.

— Надо же, живуч. — Генерал покачал головой. — Хотя... Как его зовут по имени-отчеству?

— Лев... — ответил Рокоссовский. И после некоторого раздумья осторожно добавил: — А отчество вроде бы Маркович.

Генерал с немцем быстро переглянулись странными взглядами, причем последний пожал плечами, недовольно буркнув:

— Говорил я тебе, добить для проверки нужно было...

— Нельзя! Я ему *слово* дал!

Сердце у Константина учащенно забилося от сказанного — теперь надежда переросла в уверенность, что его оставят в живых. Это не пустой для генерала звук, если даже своего матерого врага в живых оставил.

— Что здесь делает Мойзес?

От вопроса Константин замялся — он уже понял, кто этот генерал, но вот сказать ли ему об этом?

— Почему вы замолчали?

— Он ищет вас!

— Даже так? — Генерал вроде не удивился, только с сомнением покачал головой. — И вы знаете, кто мы?

— Нет! Вернее, да. Но только про вас одного. Вы Семен Федотович Фомин, он говорил, что вы являетесь начальником штаба Ижевско-Воткинской дивизии. Правда, по описанию я считал вас более старым, что ли. Лет сорока, а то и больше. Полковником по чину. Вас приказано взять живым, и только живым. Это распоряжение самого товарища Троцкого недавно объявлено по всей армии. Любого, кто захватит вас в плен, немедленно наградят орденом боевого Красного Знамени.

— Ого, а ведь ты у них в большущей цене, Сеня. — Шмайсер уважительно покосился на генерала. — Может, и мне орденом разжиться?! А что?! Красиво будет — «Ленин», «Знамя» и «Звездочка». Нацеплю на грудь их вместе, вот будет удивление для всех.

— Да ну тебя, — фыркнул генерал. — И так понятно, почему он меня хочет заполучить.

— Ты же для него «ключ»...

Шмайсер осекся от брошенного на него свирепого взгляда и притворно закашлялся от смущения. А генерал закурил папиросу и задумчиво уставился на краскома. Но в его

затуманенных глазах Рокоссовский видел, что тот думает сейчас не о нем, а о чем-то другом.

— Вот что, Константин Константинович. Я назначаю вас командиром сводного батальона из пленных красноармейцев.

— Я не предатель...

— Извольте слушать! — В голосе генерала прорезалась сталь. — Ваш батальон соберет и похоронит тела умерших и убитых вдоль магистрали, а потом я вас распущу. Можете валять на четыре стороны света. Но всех, кто по вашей милости умер, похороните по-человечьи, и наших, и своих, и беженцев, и обывателей. Посмотрите на дело рук собственных. Понятно?!

— Так точно! — машинально ответил краском, мигом вспомнив службу в царской армии. Пререкался тогда даже с фельдфебелем было опасно, не то что с генералом. А этот Фомин тот еще, да и у немца глаза матерого убийцы.

— Тогда идите!

Рокоссовский четко повернулся через левое плечо и пошел к открытой двери. Но напряжение еще не покинуло его, и потому обострившимся слухом он расслышал тихое бормотание генерала:

— Эх, Мойзес, Мойзес, то-то чувствую последнее время, что витает вокруг нехорошее, будто за *нить* постоянно дергают...

Черемхово

— Константин Иванович, что вы скажете по поводу этой записки? — Вологодский смотрел прямо, выражение глаз нельзя было рассмотреть за блестящими стеклышками очков.

— Вам честно, Петр Васильевич, или дипломатично? — Арчegov сохранил полное хладнокровие, чтение пасквиля, а другого слова он просто не мог подобрать к этой бумажонке, вызвало не только гнев, но и презрение, да еще вперемешку с брезгливостью. «Коллективки» во все времена были в армии не в почете. Почему? Да потому что за ними пряталось страстное желание не нести напрямую ответственность, а «раскидать» ее между подписантами. И тем более не ожидал он увидеть подобное здесь. Хотя, что ж греха таить, к такой ситуации он руку крепко приложил, потому, что его планы и решения военный министр Сычев слишком круто претворил в жизнь.

Всего за неделю три десятка генералов были уволены со службы или заменили золотые галунные погоны с зигзагами на более скромные, с двумя штаб-офицерскими просветами. Армейские офицеры отнеслись к чистке генералитета с одобрением. Не без основания считая, что именно командование было повинно в сложившейся ситуации, которая чуть не привела белое движение к катастрофе. Сразу появилось новое и ехидное словцо — «сычи»...

— Лучше честно, Константин Иванович, ибо словесные кружева мне по должности самому плести приходится.

— Хорошо. Тогда скажу прямо — это письмо еще больше утвердило меня во мнении, что, приняв решение уволить этих генералов со службы — Ханжина, Артемьева и других — мы поступили правильно. Здесь они сами написали, вернее расписались в собственном бессилии. И потому армию им доверять нельзя. Все наши скудные ресурсы и немногочисленные части они угробят так же легко, как погубили массу своих солдат в боях с германцами, так и в этой войне с большевиками.

— Это даже я понимать начал, хотя в военном деле плохо разбираюсь. — Вологодский усмехнулся. — А что вы скажете по изложенным пунктам?

— Чушь собачья! Смотрите — нас упрекают в закупках японских винтовок, аргументируя

тем, что патроны к «арисакам» слабее наших, а потому дальность стрельбы меньше.

— А выход видят в продолжении закупок в Северной Америке. Так?

— Так. Только это не выход, а тупик, так как штатовский патрон сильнее не то что японского, но и нашего. Единственным «достоинством» такого, если можно сказать, «первооружения» будет схожий трехлинейный калибр. А вот недостатков намного больше. Я могу объяснить свое мнение, но на это потребуется время.

— Я внимательно вас слушаю, Константин Иванович. Время терпит.

— Переход на японские патроны даст нам целый ряд преимуществ в экономической и военно-технической областях. Коснемся первого — при максимальной нагрузке наш солдат берет 120 патронов, или 24 обоймы. При том же весе к «арисакам» будет уже 160 патронов, или 32 обоймы. Это касается и производства — или мы делаем три миллиона патронов, или при тех же затратах материалов на миллион больше. Разница есть?

— Существенная экономия, тут я возразить вам не могу. Михайлов будет только «за», но не скажется ли это на боевых действиях? Ведь дальность стрельбы будет меньше.

— Петр Васильевич, обе винтовки стреляют на две версты, и несколько сотен шагов преимущества «мосинки» не играют никакой роли. Потому что попасть в солдата с такой дистанции невозможно. Или с чудовищным расходом патронов. Ведь эффективная дальность стрельбы из винтовки, даже для хорошо подготовленного стрелка, всего до пятисот шагов. Без оптического прицела на большей дистанции огонь не результативен, только расход патронов напрасный. И для пулемета две версты не нужны — если стрелять прицельно на одну версту только можно. Так зачем нужен патрон, который намного сильнее требуемого?

Арчegov раздраженно пожал плечами и взял из пачки папиросу. Закурил, пыхнул дымком в сторону, стараясь не задеть Вологодского.

— Скажу откровенно — винтовочные патроны, и наш, и японский, и всех других стран имеют избыточную мощь. А это и напрасный расход металла на гильзы, пороха и, главное, создает изрядные технологические трудности для создания автоматического оружия. Оно получается тяжелым — ведь отдача сильная, и все детали нужно делать с дополнительным запасом прочности. А это увеличивает вес оружия, уменьшает носимый запас патронов, физически выматывает солдата. А такое легкое оружие — ручные пулеметы, штурмовые винтовки и автоматы — нам крайне необходимо.

— Вы говорили мне об этом, и я не возражаю против перевооружения, хотя расходы на него уже сейчас весьма затратные. Может, мы как-нибудь обойдемся без этого, я имею в виду новое автоматическое оружие. А просто закупим пулеметы, чем самим маяться с их производством. Тем более у нас нет оружейных заводов.

— Ни в коем случае, Петр Васильевич. Дело в том, что у нас мало населения и, следовательно, ограничены мобилизационные возможности. Проще говоря, на одного нашего солдата красные легко выставят десяток своих. А при таком перевесе, победить мы сможем только при преимуществе в двух критериях — лучшей подготовке солдат и офицеров, и насыщении частей автоматическим оружием. Война сейчас маневренная, требует от солдата подвижности, действий малыми группами. Станковые пулеметы тяжелые, их же таскать приходится по полю боя. Представьте, что каждый наш солдат вооружен легким, по весу с винтовку, пулеметом. Плотность огня будет такова, что противник головы не поднимет.

— Но это потребует значительного расхода патронов! Хотя... Японский патрон легче, и их можно взять больше про запас.

— А говорите, что не понимаете в военном деле, Петр Васильевич?!

— Не льстите! Здесь вывод сам напрашивался. Вот только сможем ли мы освоить такое производство? Нужны заводские мастерские, оружейники, наконец. И есть ли у нас

наработанные конструкции такого оружия? Ведь у вас явно что-то есть, Константин Иванович?!

— Есть! Четыре года назад генерал Федоров сконструировал под японский патрон автомат, их даже изготовили несколько десятков. Очень эффективное оружие, ведь один хороший автоматчик стоит пяти посредственных солдат с обычными магазинными винтовками. Я улучшил конструкцию, сейчас несколько мастеров ижевцев начали мастерить прототип новой штурмовой винтовки под патрон «арисаки».

Петр Васильевич! У нас есть добрая сотня оружейников, это мастера своего дела. В обозных мастерских, вы знаете об этом, ижевцы сейчас спешно разворачивают производство автомата под пистолетный патрон, который они делали на заводе год назад. Дело для них знакомое, думаю, через пару недель десятков штук в день изготавливать будут. Японцы дали предварительное согласие как на поставки пистолетных патронов, так и стволов. Дело крайне важное — если мы применим автоматы в достаточном количестве, то красным придется туго. Подкреплений сейчас они не перебросят — коммуникации растянуты до Урала. Весна принесет распутицу, и до лета боевые действия остановятся.

— И вы хотите к этому времени изготовить свои новые штурмовые винтовки в достаточном количестве?

— Вряд ли, только опытную партию осилить можем. Автоматов Шмайсера к лету выпустим до тысячи штук, я искренне надеюсь на это. И будет время подготовить солдат и офицеров к новой войне, с новым оружием и новыми тактическими приемами.

— Я рад, что не ошибся в вас, — Вологодский облегченно вздохнул и взял в руки листки «сычей».

— Вы знаете свое дело! А потому расспрашивать вас по всем пунктам данной... бумажонки я не намерен. И я, и министры — мы все полностью доверяем вам. А это... Собака лает, ветер носит!

Пухлыми пальцами премьер-министр крепко ухватил бумаги и с видимым усилием разорвал их. Затем скомкал и отправил в стоящую у массивного дубового стола корзинку.

— Спасибо за доверие, Петр Васильевич, — искренне произнес Арчegov и посмотрел на настенные часы — время поджимало.

— Я сейчас отпущу вас, Константин Иванович, знаю, что такое неотложные дела. Но у меня есть маленькая просьба к вам. Она вас не затруднит.

— К вашим услугам! Сделаю все, что смогу!

— Делать ничего не надо. Вы только должны сказать мне всю правду! Это очень важно!

Слова были произнесены многозначительно, и Арчegov напрягся. Глаза премьера сверкнули, и он весомым голосом, медленно разделяя слова, произнес требовательным тоном:

— Кто вы такой, Константин Иванович?! Теперь я полностью уверен в том, что вы не имеете к Арчegovу никакого отношения. Вернее, к его душе, а отнюдь не к телу. А потому прошу честно ответить мне — кто вы такой?

Краснореченская

— Тофарищ Мойзес, я не понимаю, потщему фы притааете такое значение этому пелому офицеру?! — Лапиньш недоуменно пожал плечами и посмотрел на сидящего перед ним чекиста.

И тут же отвел глаза в сторону — вид того был тягостен даже для него, уже немало повидавшего смерть в разных ее обличьях. Но латыш себя одернул — нужно ожесточить сердце и не предаваться ненужным сантиментам. Этот чекист побывал в лапах белогвардейцев, перенес

тяжкие муки. Уродство такая же награда революции, как и орден на красной розетке, что был прикреплен у него на левой стороне гимнастерки. И тут же непроизвольно скосил глаза на свою грудь, где красовался в красной розетке точно такой же орден боевого Красного Знамени.

— Это категорический приказ реввоенсовета республики. И лично товарища наркомвоенмора Троцкого! — внушительно проскрипел Мойзес, сверкнув одиноким глазом.

И внутренне злобно ощерился — погоня за Фоминым вымотала его изрядно, но постоянно подогревала надеждой скорой поимки «ключа» к «вратам». Потому он и торопил Лапиныша преследовать белых энергично, заходя с «головы» и отсекая их целыми дивизиями.

Все шло успешно, чекист уже начал предвкушать успех — ведь рано или поздно ижевцы попадутся в окружение. Он согласен был отпустить всех рабочих скопом, даже их императора, но только после выдачи Фомина, живым и здоровым. Пусть без ног или рук, но живым — ибо от него были нужны только две вещи: *кровь* и не менее важное — *знание*.

— Они отсекали пригату Грязнофа! Я позавтшера потерял пригату Захарофа. Я не могу их преследовать. Нужно потожтать потхота тивизии Путна из Мариинска. Тогда и протолжить преследование...

— Грязнов выберется, не в такие ситуации попадал! С Захаровым разбиты только два полка, а третий, 265-й, уже на подходе, через час будет здесь. У нас под рукой четыре полка пехоты и артиллерия — этого достаточно. Ижевцев нужно окружить в Ачинске, а то они отступят дальше! И мы опять будем гоняться за ними следом!

— Хорошо, — Лапин наклонил голову, набычился. — Я путу их атаковать, но зафтра с утра. Ночь нужна тля оттыха!

— Нужно так нужно. Я понимаю — бойцы устали, — Мойзес покладисто согласился, ибо по опыту знал, что его красноречие не переубедит Лапиныша. Ох уж эти латыши — упрямы, но упорны. И в преследовании потому неутомимы, а это важно. Все три начдива, что гнали сейчас белых, были латышами — Лапиныш, Нейман и Путна — молодыми, горячими, злобными. А их национальное упрямство было сейчас как нельзя кстати. Они напоминали Мойзесу цепных псов, из пасти которых просто так не отнимешь мясную кость, в которую они вцепились крепкими зубами.

— Хорошо. Мне нато итти, — Лапиныш приподнялся с лавки, и тут за окном вразнобой загремели выстрелы. Где-то далеко рванул снаряд, за ним последовали еще два взрыва. Через окна стала отчетливо слышна поднявшаяся на станции суматоха.

— Товарищ начдив! Белые атакуют крупными силами. Их несколько тысяч. С синими погонами ижевцев и воткинцев! 265-й полк отсекали на подходе, недалеко, за лесом, бьют из пушек!

Дверь в комнату открыли сильным рывком, и на пороге возник адъютант Лапина, в расстегнутом полушубке, с непокрытой головой.

— Цука! — выругался латыш, побелел лицом и, схватив со стола папаху, выскочил за дверь. Внезапное наступление белогвардейцев ошарашило латыша, и его хваленое хладнокровие растаяло прямо на глазах.

Мойзес медленно, будто с трехпудовым мешком на плечах, поднялся с лавки. Усмехнулся щербатым ртом и принялся, не особенно торопясь, надевать полушубок, пробормотав сквозь зубы:

— Таки я и думал! Ну что ж, Семен Федотович... Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе...

— Ошарашили вы меня, Константин Иванович, крепко ошарашили...

Вологодский промокнул платком вспотевший лоб и застучал пальцами по столу, напряженно размышляя.

Арчegov-Ермаков чувствовал себя не лучше — угораздило же премьера присяжным поверенным побывать, научился концы с концами увязывать. По тому же пути пошел, что и Яковлев, наткнувшись на непонятности. И стал клубочек аккуратно и терпеливо распутывать. И вниманием не обделен председатель — даже в церкви на венчании подловил его, Константина, любопытные взоры. В том мире Ермаков не знал таинств, а потому и взирал на все с интересом, а ведь настоящему Арчegovу такое было не в диковинку, с детства в церковь ходил. Не ту работу избрал Вологодский — ему в контрразведке цены бы не было.

Куда там Яковлеву — премьер даже раздобыл такой факт, что пять лет назад Арчegov служил вместе с Каппелем в 14-й кавалерийской дивизии. Когда Константин отдал свой казенный особняк семье генерала, то сделал обоснованный вывод о неких узах, что связали рядового драгунского офицера и капитана генштабиста, помощника начальника штаба дивизии.

И в других направлениях Петр Васильевич глубоко «покопал», вернее не он, а офицеры ГПУ, так сейчас называли спешно восстановленную политическую полицию. А легализованные жандармы умели работать, такое досье за неделю собрали на командующего армией, пальчики оближешь. И в Михалево кого-то завербовали — откуда же взялась пометка о недоумении его жены Нины на новые непонятные привычки мужа и совершенно иной стиль разговора и общения. Любят бабы языком почесать...

— Я бы не поверил, если бы не странные намеки наших адмиралов. Они вас чуть ли не на божницу ставят, настолько уже почитают. — Вологодский отхлебнул из стакана остывшего чая и поморщился. Еще бы — он разговаривал с полковником больше часа, забыв про дела, про принесенный адъютантом чай. Только пепельница с несколькими папиросными окурками молчаливо свидетельствовала о чрезвычайной важности беседы. Петр Васильевич был некурящим, и никто не осмеливался дымить в его присутствии. Но сегодня он сам предложил Арчegovу курить, настолько был завлечен беседой...

Доволен был и Константин — он рассказал премьеру правду и только правду. Только не всю, дозированно, придерживаясь ранее изложенного адмиралу Смирнову — да, было во сне откровение, он видел будущее и потому переродился и предпринял в конце декабря все возможные действия. Но одно он знал четко — ни в коем случае нельзя говорить кто он такой на самом деле, ни о чудесном спасении императора Михаила, неизвестно откуда появившимися пришельцами во времени, то ли тевтонами, то ли русскими. И он жалел только об одном...

— Константин Иванович, в последние два дня я все больше стал задумываться о некоторых «деятелях» моего правительства, — Вологодский говорил еле слышно, но Арчegovу тихая речь премьера показалась сигналом трубы. Именно о двух министрах он сейчас и думал, причем присутствие одного начало сильно тяготить — этот прирожденный мошенник, политический прохвост, бывший каторжник и откровенный иуда, нес собой определенную угрозу, и, хуже того, он ведал настоящую сторону его появления здесь.

— Сегодня жандармы предоставили мне доклад о деятельности Яковлева. Она весьма характерна для него — министр тайно саботирует некоторые мероприятия нашего правительства. Я опасаюсь, что он не порвал своих связей с эсеровской партией и тайным большевистским подпольем, и, пользуясь своим положением, причастностью к государственной политике, может принести огромный вред. Но в то же время его присутствие в кабинете политически важно, не буду скрывать, и свидетельствует об определенном демократизме Сибирской власти.

— Мне тоже докладывали контрразведчики о двурушничестве министра внутренних

дел, — резким движением Арчegov потушил окурок. Ну что ж — раз время подошло, то решать проблему нужно со всей беспощадностью, благо не он этот разговор начал.

— Кроме того, уважаемый Петр Васильевич, наблюдение за Яковлевым показало, что этот господин действительно ищет контакты с большевиками. Тут ваши предположения верны. Но...

— Вы что-то хотели еще сказать?

— Тут дело такое. Контрразведка вскрыла эсеровскую группу в бывшем отряде осназа, который, как вы знаете, находился под особой опекой Яковлева. «Почистили» хорошо, но, к сожалению, министр снова взял его под свое крылышко. Это меня сильно беспокоит...

— Вы думаете, там возможен мятеж? Создан заговор? Жандармы мне не докладывали. Но я не удивлюсь, если такое произойдет. — Вологодский сжал губы в ниточку, глаза гневно блеснули.

— Там совсем другое, Петр Васильевич, — Арчegov наклонился над столом. — Против Яковлева замышляется теракт, за измену делу партии эсеров и революции. Нити ведут к бывшим членам Политцентра!

— И что вы намерены делать, Константин Иванович? Может, нам лучше передать все это в ГПУ? — Вологодский спросил несколько напряженным голосом, и Арчegov понял, что этот старый политик уже сообразил, куда клонит командующий армией.

— Не думаю, Петр Васильевич! Заговорщики орудуют в армии, а потому ими заниматься должна контрразведка. Жандармы занимаются всем другим подпольем, раз мы приняли такое решение. Но если вы мне приказываете, я немедленно распоряжусь, чтобы капитан Черепанов передал дело в ГПУ.

— Нет, нет, — Вологодский притворно замахал руками. — Раз мы распределили для наших спецслужб разные направления, так пусть они занимаются своими делами. Тем более аппарат ГПУ только создается фактически на голом месте и к тому же особым департаментом в МВД. Хотя я его лично курирую, но и Яковлев имеет определенные возможности. Лучше пусть занимается военная контрразведка, тем более это дело напрямую касается армии.

— Хорошо, Петр Васильевич, — покладисто согласился Арчegov, внутренне улыбаясь — именно этого он и добивался. Тем более контрразведчики подчинялись только ему, а не военному министру Сычеву, а это давало самые широкие возможности для претворения в жизнь задуманного.

— Я только хочу спросить — когда эсеры планируют провести теракт? И кто, кроме Яковлева, является их целью?

— На днях. Группа боевиков небольшая, а потому акт будет единичный. Но, возможно, следующими их жертвами можем стать мы с вами...

— Даже так?! Все не уймется! Надо их немедленно арестовать!

— Зачем? Пусть нарыв вызреет, и мы его разом вскроем и вычистим все подполье. За теракт против главы МВД можно запретить партию эсеров — тут общество встанет на нашу сторону.

— Это было бы кстати, — Вологодский бросил быстрый взгляд, и Арчegov его правильно понял.

— Мы возьмем их на месте, и постараемся не допустить вреда министру. Да и сам Яковлев, надеюсь, сделает нужные выводы из неудачного покушения на его особу.

— Вряд ли, Константин Иванович. Он как тот горбатый. Ну да ладно...

Вологодский устало смежил веки, а Арчegov мысленно ухмыльнулся — раз горбатого только могила исправит, так и будет сделано, ведь негласное разрешение премьер-министра получено. А такого, признаться, он не ожидал от мягкого и нерешительного Петра Васильевича — видно, и его уже допек хитрый каторжник и иуда...

— Не стоит благодарностей! Я только выполнял приказ генерала Сыровы о немедленной помощи вашим казакам, если городу будет грозить опасность захвата красными партизанами.

Начальник 3-й дивизии чехословацкого легиона полковник Прхала небрежно взмахнул рукой, останавливая Бычкова. Казачий полковник был рад — удержались чудом и выиграли пару дней, а то и больше. Сейчас партизаны оставят Канск в полном покое, и штурмов можно не опасаться. Теперь, когда чехи вышли из состояния безучастной апатии, лезть на пушки бронепоезда и пулеметы ни одна отпетая лесная головушка не будет.

Тасеевцам нужно время, чтобы «зализывать кровь на ранах» да горестно посокрушаться над понесенными потерями. Весьма значительными, если взять по местным меркам. Почти сотня трупов и вдвое больше раненых осталось лежать на окровавленном, изрытом снарядами, снегом.

— Мы оставляем в Канске десять своих эшелонов с имуществом корпуса. Это согласовано нашим командованием с вашим правительством. Поверьте мне на слово, расшифровку сообщения я покажу вам в вагоне. Вы, господин полковник, должны все принять, составить надлежащую опись, определить с нашими интендантами ценность золотом, опечатать вагоны и выставить свою охрану. Первый путь мы освободили далеко за Тайшет, до Нижнеудинска нам совсем немного осталось. Еще пять дней, и ваши войска подойдут сюда и возьмут оставленные нами грузы.

Бычков на минуту задумался — так вот оно что происходит. Чехи просто и вульгарно продают нам захваченное у нас же добро. Понимают, что им все не вывезти, вагоны отберут с паровозами. Потому набиваются в теплушки, как селедки в банки, и один путь на железной дороге освобождают, чтоб сибирские части на Красноярск пропустить.

— По соглашению мы обязаны безвозмездно передать вашему командованию все вооружение, снаряжение, боеприпасы. А также излишки обмундирования, провианта и фуража. Это мы делаем в Иркутске, но я могу передать вам сейчас четыре орудия, два полевых и два горных, к ним тысяча шестьсот снарядов, полмиллиона патронов, два десятка пулеметов. Еще три сотни комплектов обмундирования и медикаменты. А также один вполне пригодный бронеавтомобиль, два почти новых автомобиля, аэроплан «Сопвич». Все с запчастями, инструментом и десяток бочек бензина.

— Я думаю, так будет лучше. — У Михаила Федоровича от радости сперло дыхание, и он еле вытолкнул слова из горла. Душе захотелось воспарить от счастья в голубое прозрачное небо.

Теперь красным не видать Канска, как своих собственных ушей — «патронного голода» в его гарнизоне больше не будет, а для переданных орудий и пулеметов, дай бог, если хватит подготовленных людей для укомплектования хотя бы четверти расчетов.

— Надеюсь, что ваши офицеры произведут справедливую оценку грузов, ведь многие вещи новые, почти не бывшие в употреблении. А ведь это, согласитесь, несколько большая цена.

— Не беспокойтесь, господин полковник, наши и ваши офицеры произведут должную оценку, — согласился с чехом казак, прекрасно понимая, что иначе он оружия просто не получит. А без него оборону не удержать.

— Через два дня я выведу свои войска, а сюда придут сербы из первого югославянского полка. Одну свою роту для лучшей охраны грузов и интендантских офицеров я оставлю. Если с вагонами что-то произойдет, корпус не получит платы за переданное имущество.

Бычков напрягся сразу после сказанных слов — теперь за вагонами и он не спустит глаз, мало ли что — а спрос с кого будет? За сохранность грузов с него могут взыскать крепко. У командующего Сибирской армией полковника Арчегова не забалуешься, враз к стенке поставят

или погоны сорвут. Недаром чехи его побаиваются и всякие ужасы рассказывают...

Глава четвертая

На белом, белом покрывале января...

(5 января 1920 года)

Краснореченская

— Вот и все, Викторин Михайлович. — Фомин вытряхнул из коробки папиросу, чиркнул спичкой и закурил, глубоко затянувшись. Выдохнул клубок дыма, и, прикрыв глаза, медленно заговорил своим скрипучим голосом:

— Мы отступали от заведомо слабейшего противника. А потому драпали, что волю потеряли. Вы сейчас наглядно доказали — 30-я дивизия красных полностью уничтожена за эти дни. Целиком!

— Не совсем так, Семен Федотович, — спокойным голосом отозвался Молчанов, но Фомин уловил нотки тщательно скрываемого торжества.

— Их 265-й полк еще отбивается...

— Оставьте, генерал. Далеко они не уйдут, и к полудню вы его окончательно уничтожите. Идти-то им некуда. В колечко попались.

— Расход патронов большой, ваше высокопревосходительство. — Голос Молчанова чуть дрогнул. Генералу было очень нелегко так именовать своего давнего начштаба, волею императора ставшего за последние дни его правой рукой, фактическим главнокомандующим белыми войсками.

— Викторин Михайлович, я же просил вас, — Фомин поморщился. — Давайте без этого титулования, все и так понятно. Поверьте, ноша и так велика, чтобы на нее вы еще так надавливали.

— Простите великодушно, Семен Федотович. Я не хотел вас обидеть, но патронов действительно мало.

— У меня нет патронов, я отдал вам последний десяток ящиков. Вся надежда теперь на Войцеховского — его части начнут завтра с утра штурмовать Красноярск. Там патронами и разживемся. Потерпите немного, генерал.

— Я понимаю, — глухо отозвался Молчанов. — Мы сейчас как тот конь, что и кусается, и лягается. Просто потери могут быть большими...

— Вы думаете, что дивизии Путна и Неймана имеют больше патронов? — язвительно осведомился Фомин. — Как бы не так! Они настолько зарвались, что тылы теперь не скоро подведут. Да и не успеют, если мы энергично надавим. А потому наступайте, Викторин Михайлович, наступайте немедленно. У вас достаточно сил, чтобы и отбросить Путну, и зайти в тыл Нейману. А со своей стороны на последнего надавит и Каппель. Неужто не справитесь?

— Я все понимаю, Семен Федотович. Пойду, распоряжусь...

— Подождите, Викторин Михайлович. Я обещаю вам одно — как только Войцеховский возьмет Красноярск, мы качнем маятник в вашу сторону, перебросив его корпус вторым эшелоном для наращивания наступления. А там и Арчegov со своими бригадами подойдет.

— Потому вы называете эту операцию «Маятником»? Все понятно. Используя отрезок железной дороги до Ачинска, мы можем перебрасывать войска на любое направление по необходимости. Как Германия в ту войну...

— Только масштабы у нас в тысячу раз меньше, и ветка одна, и рокадных дорог не

имеется, — в тон отозвался Фомин. — Вот только угля почти не осталось. Потому, генерал, ваш корпус должен обязательно взять Мариинск, уничтожить 27-ю дивизию, и двигаться дальше. На Анджеру и Сундженск. Без этих копей мы обречены, с Черемхово угля не навозишься.

— А пупок у моих солдат не развяжется?! — Молчанов потерял хладнокровие. — Это же три сотни верст обратно идти! Без патронов, продовольствия и снарядов. Дорога забита брошенными составами, ее не используешь.

— У нас нет другого выхода, если мы хотим не только удержаться, но и освободить от большевиков хотя эту часть Сибири. Ключ к этому — Щегловская тайга. Вернее, проходы через нее. Мы шли там, вы все видели собственными глазами. Если занять тракты и железную дорогу, хорошо укрепиться, то позицию можно держать бесконечно долго. На это у нас сил хватит. Обойти красным невозможно — дремучая тайга является надежной преградой.

— А для чего это нужно?

— За весну мы сможем, я искренне надеюсь на это, привести армию в порядок. Да и Сибирское правительство, судя по всему, делает все, чтобы умиротворить население. Сейчас для нас главное — выиграть время, прийти в себя от поражений. И собираться с силами.

— А большевики не смогут перебросить значительные силы от Урала, — лицо Молчанова прояснилось, — железная дорога выведена из действия, ее нужно восстанавливать. Пешим порядком переброска войск крайне затруднительна при местном бездорожье. Три тысячи верст слишком большая дистанция. Хорошо, Семен Федотович. После полудня я выступаю на Мариинск. Но и вы окажите поддержку — я имею в виду части второго корпуса.

— Будьте уверены, Викторин Михайлович! — Фомин ободряюще улыбнулся. — Казаки Волкова и уральские стрелки в вашем распоряжении. Наступайте смело — нужно запереть щегловские проходы. И тогда у нас появится неплохая перспектива на будущее.

Молчанов тяжело поднялся с лавки — за прошедшие дни он вымотался полностью. Смотревший на него из-под ресниц Фомин мысленно улыбнулся, припомнив поговорку, что победа окрыляет. Может быть, и так, но усталость-то куда денешь. Однако стоило генералу закрыть за собой дверь, как она тут же раскрылась снова, и в станционную комнатенку, еле освещенную керосиновой лампой, вихрем ворвался Шмайсер.

— Ушел, песий сын! Сеня! Ну что за невезуха. Ферфлюхте!

Фомин тут же открыл глаза, дремота мгновенно покинула его тело. Исчезла и свинцовая усталость. От нахлынувшей ярости стало сводить зубы, и он вскочил с лавки.

— Ты упустил Мойзеса?!

— В тайгу убег, гнида. Чекистов его почти всех положили, двое-трое ушли. И он с ними. Вот гад!

— Погоню организовал?! — Фомин не смог удержаться от вопроса, хотя понимал, что ляпнул глупость. Шмайсер возмущенно пожал плечами.

— Обижаешь?!

— Спрашиваю!

— Взвод Ермолаева идет по следу. Худо, что поземка пошла, да тайга большая. А эти стервецы хладнокровные, спокойно собрались и лыжи прихватили. С Мойзесом и проводник из местных.

— Худо, — печально произнес Фомин. Надежда на поимку заклятого врага рухнула — он отчетливо осознал, что торжества не будет. Шмайсер в сердцах пнул по стенке, как бы молчаливо разделяя сделанный другом вывод.

— Да не бесись ты! — Фомин закурил, предложив сделать то же самое и Шмайсеру. Тот чиниться не стал и целую минуту друзья молча курили, переживая оплошку. Вроде все продумали, а чекист их перехитрил.

— Ладно. Хрен с ним, все равно изловлю. Не сейчас, так позже. — Немец успокоился. — Никуда он не денется, я ему ту шахту вовек не забуду.

— Шут с ним, — согласился Фомин, но добавил таким шипящим тоном, что Шмайсеру сразу стало ясно, что тот так просто дело не оставит. — Тысячу рублей золотом Мики выделит в качестве награды. Оповести всех местных, может, и помогут.

— За такие деньги охотники найдутся, да и мои парни землю носом рыть будут. Вернее, снег...

— Ладно, — подытожил Фомин. — Мойзес ушел, зато Лапина завалили, и всю его дивизию. Теперь шансы стали намного больше...

— Фифти-фифти, так, по-моему, говорят англичане.

— Половина на половину. Но если разгромим Неймана, то будет еще лучше. Но не будем хвалиться, на рать идучи. Я о другом хочу с тобой поговорить. Как заноза в голове уже несколько дней сидит.

— Это о ком же?

— Будто не понимаешь? Дурака мне не строй, я тебя как облупленного знаю, — Фомин глянул на хитрое лицо Шмайсера.

— О полковнике Арчегове?!

— О нем, родном. Видишь ли, в тридцатом я на КВЖД был и там с одним командиром познакомился, что в гражданскую у семеновцев служил. На бронепоездах, под началом некоего ротмистра Арчегова. Короче говоря, образ трезвой жизни сей офицер не разделял, храбр до безрассудства, вот только дарованиями полководца не отмечен. Потому и отступил *тогда* от Иркутска. Сейчас я наскоро поискал сослуживцев сего ротмистра...

— И что? — Голос Шмайсера задрожал от еле сдерживаемого интереса. Немец даже наклонился вперед, сцепив пальцы.

— Нашел, к моему удивлению. Генерал Каппель служил с ним в 14-й кавалерийской. Ротмистр эскадронным командиром, сам Владимир Оскарович при штабе. Телеграмма Арчегова была направлена именно Каппелю, а свой дом в Иркутске он семье генерала отдал для проживания, да золотом обеспечил. К чему бы это?

— Да дружили они...

— Ага, щас-с! Они и говорили пару раз только, едва знакомы. Каппель сам в растерянности пребывает от такого поступка сослуживца. И еще больше от того, что Арчегов распластал чехов, как лягушек ланцетом препарировал. Не может быть такого! Владимир Оскарович сказал, как отрезал — эскадрон для Арчегова потолком был, не Суворов он, звезд с небес не хватает. Вот тут я крепко задумался...

— Странно все это, — тихо произнес Шмайсер и вопросительно посмотрел на Фомина, как бы прося продолжить.

— Страннее некуда, — Фомин закурил папиросу, — и более того. План этот, что я «Маятником» окрестил, именно Арчегов предложил. Действуя по внутренним коммуникациям, постоянно обеспечивать превосходство в силах на любом из направлений...

— Это его текст ты цитируешь?

— Его. А потому что-то не складывается в образе ротмистра, чей потолок эскадрон. Не может этого быть. Не вытанцовывается.

— Может, кто-то из генштабистов телеграмму составлял?

— Не исключая. Но тут другое. Чем больше я размышляю, тем крепнет уверенность в том, что именно Арчегов привел к власти новое Сибирское правительство. Иного просто быть не может. Недаром они его командующим назначили, да и другие факты на это указывают.

— Тогда надо крепко потрясти этого полковника за волосатую грудь, да поспрошать, за

большевиков он али за коммунистов, — съерничал Шмайсер, но глаза немца не смеялись, а стали колючими.

— Боюсь, что не потрясти тебе его. А вот наоборот может быть...

— Ты уверен?

— Я тут с Румшой пообщался — полякам стали известны подробности боя, в котором чехи потерпели поражение и пошли на мировую. Ночная атака по железной дороге бронедивизионом, захват двух чешских бронепоездов диверсионными группами, высадка десанта, четкое взаимодействие кораблей, броневиков, артиллерии и пехоты. При поддержке аэропланов...

— Ни хрена себе. — Лицо Шмайсера вытянулось от изумления. — Я своих егерей хорошо натаскал, но чтобы вот так просто бронепоезда захватывать?! Я за эти полтора года войны ни разу не видел, чтобы кто-то из колчаковских генералов такую операцию предпринял, да еще взаимодействие обеспечил! И это при численном перевесе противника, ведь чехов было вдвое больше...

— Втрое, ты еще восставших в расчет возьми. Тех вообще раскатали, как Бог черепаху. Весь Политцентр прихлопнули как муху.

— Это очень серьезно, Сеня. Я тебе сразу скажу — подготовка диверсантов, тем более такая, сейчас невозможна. Нет пока здесь таких знаний и умений, быть просто не может. Я думаю, что этот Арчegov...

— Не торопись, Шмайсер. Только держись на лавке крепче, я тебе сейчас телеграмму Арчегова дам почитать. Видишь, где красным карандашом я все обвел, там и читай, — Фомин протянул немцу листок бумаги. Тот схватил его, как хорь курицу, придвинулся к лампе и стал негромко читать. По мере прочтения его лицо стало снова вытягиваться от удивления.

— В течение месяца ижевские мастера в обозных мастерских Иркутска начнут мелкосерийное производство, до 10 штук в день, автоматов Шмайсера (ППС-43), под патрон «Намбу».

— Ради этого я и приехал, хотя мне надо там быть, — Фомин с усмешкой посмотрел на побледневшего Шмайсера, что в растерянности продолжал шевелить губами.

— Это он мне вечером прислал, и я сразу сюда рванул из Ачинска. А теперь обратно поеду, ночь длинная, к утру успею. В поезде часок посплю, пока к Кемчугу доползем.

— ППС-43. Зачем он это дал нам знать? Что нас расшифровал?!

— Потому за грудь ты его не поддержишь. Понятно?

— Еще бы. Если он такое дело провернул, то это птица высокого полета.

— Такой же «попаданец», как и мы...

— Потому и дает знать!

— Не только. Он нас поддерживает, как бы просит прислушаться к его советам, ибо много знает и умеет. Наши генералы его всерьез не воспримут, для них он вчерашний ротмистр, пусть и вознесенный на должность командующего. А мы другое дело. Вот потому-то он себя и раскрыл.

— А до того нас «расколол». Одно слово, умелец. А потому, Сеня, с ним нужно крепко пообщаться. Думаю, его появление здесь неспроста...

Заиркутный военный городок

— Есть хорошие новости, Миша. — Молодой офицер, на погонах которого уместились три звездочки капитана Сибирской императорской армии, оживленно потер озябшие руки. И лишь

потом протянул их к раскаленному боку «буржуйки», присев рядом с ней на корточки.

— Крепчает морозец...

— Не томи душу, Саша, — Михаил Воцилло заерзал на стуле от нетерпения. По радостному лицу командира пробежала гримаса наслаждения, ведь замерз, дорога от Иркутска не близкая.

— Отбирают наш «Сопвич», в летную школу передают.

— И это ты называешь хорошей новостью? — удивился Воцилло. — Он, конечно, рухлядь порядочная. Но ведь летал же. А так на земле сиднем будем, а наши на выручку к Красноярску пойдут!

Поручик машинально скосил взглядом на свою грудь, где на ленте поблескивал краями зеленый крестик с перекрещенными сверху шашками. Орден «За освобождение Сибири» ему недавно вручил сам премьер-министр Вологодский, отметив тем самым успешную бомбардировку чехословацких эшелонов. Такой же орден и чин капитана в придачу, получил и Саша Сергеев, его командир, ставший за эти две недели знакомства близким другом.

— Нам новенькие на днях самолеты дадут, — с радостью произнес капитан. — Пароход из Франции во Владивосток пришел, аэропланы уже разгрузили и сюда отправили.

— Здорово! — выдохнул Воцилло. — Хорошо, что не из Америки. А то «стерв» нам еще не хватало, не к ночи будь упомянуты.

Прибывшие летом из САСШ десяток самолетов с двигателями «Стюреван» оставили недобрую память. Американцы продали их по 12 тысяч долларов за штуку чехам. Те их облетали, и, живенько сообразив, что самоубийство грех тяжкий, тут же перепродали белой армии полдюжины аэропланов. Русским летать было почти не на чем, а потому самолеты сразу купили... но уже за 13 тысяч. Полетали пару раз, и тут же окрестили их «стервами» за непредсказуемость и ненадежность моторов. И будь сейчас опять эти «Стюреваны», Михаил категорически отказался бы летать, хотя его прямо-таки тянуло в голубую синеву неба.

— «Сальмсоны», — с придыханием вымолвил Сергеев. — Движок «звездой», в 265 «лошадей». Говорят, очень надежный!

— Ух, ты! — вместе с командиром восхитился и Воцилло.

«Мотор вдвое мощнее, чем у „стервы“». Расщедрились союзнички, мать их. А то все время гнилье норовили всучить втридорога. Штук пять получим, и то хлеб, будет на чем летать», — мысли стучали в голове радостным биллом.

— Десять аэропланов предназначены нам, столько же передадут во второй авиаотряд. Еще пять будут в резерве, на случай потерь или поломок.

— Сколько-сколько?! — цифры ошарашили Воцилло, и он сразу подумал, что французы сволочи еще те — тянули с отправкой техники до последнего. Еще бы чуть-чуть, и катастрофа. Если бы не полковник Арчegov. И тогда все эти долгожданные самолеты попали в руки красным.

— То-то же, — подытожил Сергеев, понимая, что повторять цифру незачем — приятель и так хорошо ее расслышал. И продолжил говорить, сдерживая радостное возбуждение.

— В каждом из отрядов приказано сформировать истребительную группу, японцы передают по четыре «Ньюпора» и еще три в резерв. И еще получим бензин, запчасти, бомбы и оборудование.

— Откуда у них французские аэропланы? — удивился Воцилло.

— Я сам удивился, но военный министр пояснил, что делали их на островах по лицензии, и называли Ко 3. Надеюсь, что летать будут, хоть япошки их и мастерили. Французская все же конструкция. Но получим их, дай бог, только в феврале, вряд ли они торопиться будут.

— Ничего, нам «Сальмсонов» хватит, — Воцилло радостно потер ладони, хлопнул по

бедрам. Много ли надо летчику для счастья?! Он прямо сейчас бы побежал к самолетам, если бы они уже стояли на расчищенной от снега взлетной полосе или в теплом бараке, что ангары заменяли.

— Хватит, — согласился Сергеев, и вкрадчивым голосом спросил:

— Хочешь в историю попасть, Миша?

— А что делать? — сразу насторожился Воцилло. — А то вместо анналов можно и в анал попасть! Это у нас запросто!

— Получим аэропланы, облетаем. Затем грузимся на платформы и идем до Нижнеудинска. Оттуда полетим парой к Красноярску. К императору Михаилу Александровичу для поддержки.

— Хоть сейчас готов! Был бы самолет!

— Будет, будет, — притворно взмахнул рукой Сергеев. — Только за эти дни про сон забудем, дел, сам знаешь, сколько стоит. Да и сам командующий с инспекцией послезавтра будет.

— Полковник Арчegov к нам прибудет?

— Ага. Спуску нам не даст, не надейся. Въедлив! — с нескрываемым восхищением отозвался Сергеев. Таково было отношение к возмутительно молодому, но талантливому командующему Сибирской армией. Или ненавидели, но втихую, сторонников данной позиции было немного, да и те «сычи»...

Иркутск

— Все готово, — бывший командующий НРА Политцентра Калашников говорил спокойным до жути голосом, вот только сцепленные до белизны костяшек пальцы могли бы поведать об ином. Хорошо, что его собеседник не мог этого видеть.

Это было не возбуждение — душа Калашникова клокотала яростью. Но Николаю Сергеевичу приходилось сдерживаться, ведь дешевая солдатская харчевня не лучшее место для встречи с товарищем по партии.

Они с Линдбергом сидели почти рядом, за грязным столом «забегаловки». Работа в эсеровском подполье многому их научила. Потому эсеры, демонстрируя равнодушие друг к другу, незаметно переговаривались краешками губ. Только здесь и сейчас они смогли встретиться — рядом с солдатскими казармами. Служивых в зале было множество — пообедать они могли исключительно в харчевне, ведь в холодном казенном здании из красного кирпича штрафникам по утрам и вечерам давали только кипяток с хлебом.

— Завтра в полдень, — тихо отозвался Линдберг. — Вологодский приедет. Он ваш, не промахнитесь.

— Сделаем, — прошептал Калашников и уткнулся в железную миску, неторопливо ковыряясь в ней ложкой. Перловка с мясом в глотку не лезла, что-что, а штрафников кормили днем хорошо. Но какая тут еда, когда ярость мщенья колокольным звоном отбивала в мозгу только одно слово — «завтра».

— Иуду мы возьмем, у нас все готово, — донесся в ответ шепот Линдберга. И тут же заскрипела лавка, затем донеслось сытое рыгание с причмокиванием. Калашников скосил глазом в сторону, и в первое мгновение совершенно не узнал Марка Яковлевича. Типичный пролетарий в треухе и жеваном полушубке с испитым лицом, лишь только пронзительный знакомый блеск глаз сверкнул на секунду.

— Завтра, — прошептал Калашников и снова уткнулся взглядом в перловку. Неожиданно ему захотелось есть, и он принялся греметь ложкой, стараясь подхватить побольше кусочков

мяса. На душе стало легче, ярость схлынула, уступив место ликованию. Ведь завтра все изменится — Вологодский и этот мерзкий иуда Яковлев будут убиты, жертвы их тирании отомщены, а партия снова выйдет из подполья и понесет слова правды людям. Партия вечна — выдержав колчаковщину, она переживет и жестокости археговщины.

И тут Калашникова снова захлестнуло яростью — он вспомнил, как избитый и истерзанный лежал на ледяном полу пакгауза. За окном слышался перестук колесных пар, а перед ним стоял этот полковник, что свирепее всех жандармов, вместе взятых.

Пережитое чувство дикого унижения неумолимо вырвалось из памяти и обрушилось на душу. Николай Сергеевич закричал зубами от гнева — такого прощать нельзя. Никогда! Этот полковник, а также его жена, что чешской подстилкой служила, должны ответить за все эти мерзости. Только тогда он снова почувствует себя нормальным человеком и не будет стыдиться смотреть в глаза товарищей по партии...

— Заканчивайте обедать, господа!

Зычный голос выдернул Калашникова от созидательных планов мести. Собрали в казармах штрафной роты каждой твари по паре, в основном разжалованных офицеров, хотя встречались и штатские. Командовал ротой, вот гримаса судьбы, бывший семеновский генерал Скипетров, что сейчас надрывал горло. Посмеяться можно — революционеры и отпетые черносотенцы в одной команде, в кошмарном сне такое не приснится. Загнали всех воевать под их паршивое бело-зеленое знамя.

Николай Сергеевич быстро доел кашу и, облизав ложку, засунул ее за голенище. За эту неделю он настолько втянулся в солдатскую лямку, что не замечал ни вони от немытых тел, ни дурного запаха в казарме. Пушечное мясо — штрафники — вся жизнь может уместиться в одну атаку на красные пулеметы. И не сбежишь, вон они, трупы незадачливых офицеров на сучьях висят, для пущей наглядности и поддержания дисциплины. Тоже хотели сбежать, но только китаезы бдят как церберы, за одного сбежавшего могут двух косоглазых запросто повесить. Но до сегодняшнего дня такого события еще не случалось...

Черемхово

— Выступление на Красноярск преждевременно, Федор Артурович. Нам пока не нужно торопиться. Железная дорога плотно забита чешскими эшелонами, требуется время на ее очистку. А потому необходимо продолжить подготовку батальонов, в пути это будет сделать невозможно...

— Я понимаю, Константин Иванович, — отозвался его собеседник, седоватый, рослый генерал явно преклонных, с точки зрения самого Арчегова, лет. Легендарному графу Келлеру зашкаливало за шестой десяток, но выглядел старик молодцевато, а глаза его прямо светились каким-то юношеским блеском. А уж здоров был, как медведь, и сложение такое же. Дуб прямо!

— Граф, завтра будут проведены учения, на которых будет отрабатываться атака бронепоездами при поддержке пехоты и артиллерии. Пока есть время, нужно наладить взаимодействие между частями. Потом просто не будет возможности для обучения. К сожалению, я не могу задействовать авиацию — новые аэропланы подойдут только через неделю, хотя есть надежда на лучшую работу железнодорожников.

— По крайней мере, пока я ехал, на Кругобайкальской дороге был порядок, почти такой же, как до войны.

Ермаков встал и прошелся по салону — союзники лишились значительной части подвижного состава, особенно комфортабельных «пульманов». А этот вагон вообще

принадлежал генералу Сырову, что придавало определенную перчинку в его обладании. Константин вспомнил, как гневно сверкал глаз этого чешского Кутузова, и усмехнулся. Приятно осознавать, что поговорка «из грязи в князи» может иметь и обратный ход.

Но внутри он чувствовал холодок — не таким он представлял разговор с Келлером. Он настаивал перед Вологодским на назначении командующим именно графа, ведь тот имел в русской армии определенный вес и оваянное славой имя. Но премьер-министр как-то странно посмотрел на Константина, хотя между ними стали складываться вполне дружеские отношения, несмотря на возрастную разницу.

А может, и благодаря которой, ведь Петр Васильевич в отцы годился. Но тут Вологодский ему и резанул прямо, что Келлер сам категорически отказался принимать армию и будет служить на той должности, которую определит ему командующий. И снова бросил странный взгляд на Константина.

Встретившись сегодня первый раз с графом, приехавшим с утра из Иркутска, Константин был немного озадачен. Старый генерал больше слушал, чем говорил, а внимал так, что бывший подполковник ВДВ не уловил даже малейшей нотки фальши или наигранности. Зато расспрашивал за троих — генерала интересовало буквально все, начиная от ночной атаки Глазково и захвата чешских бронепоездов, до тактического взаимодействия различных родов войск, включая авиацию.

И это было удивительно — ведь Константин ожидал старческого тщеславия и некоторого высокомерного снобизма, пообщался за эти две недели с генералами как «старыми», так и новыми, «семеновской» или «колчаковской» выпечки. И не уловил в них интереса к военному искусству. Но Келлер держался совершенно иначе, а такое поведение, не укладывавшееся в представления, озадачивало настолько, что сейчас Арчegov-Ермаков решил рискнуть и спросить напрямую. Вряд ли генерал будет лукавить...

— Вы можете мне ответить на один вопрос, Федор Артурович?

— На любой, ваше превосходительство. — Старик сверкнул глазами. Ермаков крикнул — в голосе Келлера не было скрытой издевки при таком обращении к полковнику, как у других царских «воевод». Титуловать его таким тоном могли только адмиралы, Колчак и Смирнов, да престарелый казачий генерал Катанаев, намыкавшийся в эвакуации. И еще атаман Оглоблин, но тот на войне с немцами полковником был.

— Служить под вашим началом для меня, как и для многих других офицеров, будет великой честью. Вы генерал от кавалерии, одно из легендарных имен русской армии! И потому мне непонятен ваш отказ Петру Васильевичу Вологодскому! Извините великодушно, но и я сейчас обращаюсь к вам с покорной просьбой возглавить армию.

— Прошу простить, ваше превосходительство, но я отказываюсь. И попрошу вас, Константин Иванович, не возвращаться к этой теме.

— Но почему, Федор Артурович? — Ермаков не справился с удивлением, ведь и Артемьев, Ханжин и многие другие генералы вели себя совсем иначе.

С руками бы вырвали назначение, а тут такой резкий отказ.

— Вам знакома одна поговорка, ваше превосходительство? Что коней на переправе не меняют. Тем более не заменяют их старыми клячами!

— Федор Артурович! — Ермаков ошалел от слов Келлера. И только смог возмущенно прошипеть, ошарашенно взирая на ухмыльнувшегося генерала. Тот, словно не заметив изумления своего молодого собеседника от такой прямоты, продолжал чеканить слова, блестя юношескими глазами.

— Когда началась война с германцами, наши генералы зачастую не знали, что делать с пулеметами и пушками. А сейчас бой ведут бронепоезда, аэропланы, блиндированные

автомобили и танки. Я внимательно вас слушал, а потому представил, что произошло бы с кавалерийской дивизией, будь она атакована тремя десятками аэропланов. Массированная воздушно-штурмовая атака, как вы говорили...

Келлер остановился, прикрыв веки, беззвучно пошевелил губами, будто смакуя услышанный от Арчегова термин. В такт мыслям покачал головой.

— Страшное дело... Война меняется до неузнаваемости. Тут не переучиваться, тут заново учиться надо. Нет, Константин Иванович, мне, старику, этого сейчас не потянуть. А раз вы и знаете войну по-новому, и, главное, умеете так воевать, — Келлер обвел взглядом трофейный салон, на стенке которого был нарисован чешский флажок, — вам и карты в руки. А я помогать буду. Как говорится, на подхвате. Вот так-то, ваше превосходительство, и иначе нельзя, в этом я убежден, и не только я один...

Вот, значит, как! Теперь Ермаков был убежден, что Келлер имел приватный разговор на эту тему не только с Вологодским, но и с Колчаком. И те не только смогли убедить генерала, но и заочно сделать его сторонником молодого командующего. И что старик постоянно употреблял «ваше превосходительство», стараясь не переходить на имя-отчество, в этом случае имело обоснование. Демонстрируя такое обращение перед всеми, старый граф не только укреплял его авторитет, но и приручал его самого к мысли, что иного он на должности командующего не видит.

«А ведь он меня своим именем, как щитом прикрывает. Ведь каппелевцы супротив шипеть будут — не может быть молодой полковник Арчегов, выскочка, главноком. А раз у него в замах граф Келлер, полный генерал, к тому же полностью поддерживающий, то пересуды разом утихнут. Против такого имени, как говорится, не попляшешь!»

Ермаков отвлекся от раздумий и бросил короткий взгляд на генерала. Старик в ответ блеснул глазами, вроде как усмехнулся, и этого Косте хватило, чтобы понять, что графу все его затаенные мысли видны, будто облачко летним днем на голубом небушке. Да что говорить, он все зубы съел на службе, и если Колчак в отцы годится, то этот в деды. Хитрить перед ним бесполезно, и для дела вредно, ведь помочь Келлер может изрядно. Недаром говорят, что старый конь борозды не портит.

— Хорошо, граф, — подытожил Ермаков. — У нас есть еще дней пять, чтобы натаскать авангард, а вам наладить взаимодействие между частями. С офицерами бронепоездов и десантно-штурмового батальона я вас сегодня познакомлю. С пехотой и казаками завтра учения. Посмотрите на тактику...

— Есть, ваше превосходительство, — коротко отозвался Келлер.

— Я приказал собрать все старые аэропланы, потому послезавтра надо провести учения с участием пяти самолетов. Пилотам тоже предстоит многому научиться. И еще одно — вы не только мой заместитель и командующий авангардом. Вы сами блестящий кавалерийский генерал. А потому приказываю вам немедленно подтянуть казаков, другой конницы у нас нет. Атаман Оглоблин окажет вам всю помощь, которая потребуется.

— Есть, ваше превосходительство.

— Через неделю железную дорогу полностью очистят, ее берут под охрану роты государственной стражи и «шпализованные» бронепоезда. Вы же эти дни только натаскиваете свои части, их еще готовить и готовить. Нужно время, но что делать, если его нет. И как только путь будет полностью свободен, тогда с бронепоездами и десантом вы совершите молниеносный бросок к Красноярску...

Давненько Генрих Шульц не испытывал такого душевного наслаждения, как за эти две недели. И как давно было то постоянное чувство унижения и незащищенности, когда любой из этих сумасшедших русских мог запросто убить его. Когда от местных бауэров немец чаще получал не обесцененную бумажку с двуглавым орлом, а кусок черствого хлеба.

И все изменилось в одночасье, когда он послушал этого русского генерала, что носил офицерские погоны, и предложил ему в залог свое наградное оружие. Да и не только это — устав от революционного безобразия, Генрих увидел, что русские опаматовались от безумия, и стали наводить порядок и дисциплину. И пусть было им далеко до родного сердцу Шульца орднунга, но на станциях стали прибираться, вагоны тщательно прибирать, а путейцы снова начали уважать власть.

Именно эти долгожданные перемены и подтолкнули Шульца к тому, от чего раньше он отбрыкивался. Оказавшись снова на службе, ощутив на плечах жесткость погон, Генрих почувствовал, что словно переродился. И этот бой с чехами, что алчно присвоили не только тысячи вагонов русского добра, но и нагло оторвали большой кусок милой сердцу Германии — Судеты.

И той ночью, сражаясь с ними, слыша, как свистят над головой пули, видя, как твой снаряд сносит вражескую пушку за секунду до ее ответного выстрела, он сражался не только за русских, но и за Германию. А вместе с ним дрались и три десятка немцев, воевали умело и расчетливо...

— Генрих, ты чего задумался?!

Тычок в бок вывел Шульца из воспоминаний. И первым делом он скосил глазом на грудь, еще раз полюбовавшись на серебряный крестик на колодке из чередующихся оранжевых и черных полосок. Русскую боевую награду — Георгиевский крест, что аналогичен Железному кресту 2-го класса, час назад ему вручил сам командующий флотом, контр-адмирал Смирнов. Да еще в присутствии бывшего Верховного правителя, вице-адмирала Колчака, с горящими глазами и усталым лицом. Такого же креста вместе с ним были удостоены многие немцы — матросы и стрелки, а обер-лейтенант Кноппе получил зеленый сибирский крест — редчайшую награду.

Шульц был очень рад, даже если бы дело ограничилось этим, но русские еще выдали по десять маленьких золотых кругляшков, их полуимператоров. Огромная по нынешним временам сумма, Генрих был просто ошарашен — целая сотня золотых довоенных марок, в нынешней Германии можно чувствовать себя Крезом...

— Зволле, ты чего в окно уставился. Все не можешь со своей лоханкой попрощаться?! — Зычный голос кого-то из гренадер снова вывел Шульца из приятных воспоминаний. Он поднялся с лавки и подошел к оттаявшему окну вагона. И пусть третий класс, но немцам он показался настоящей роскошью. Вагон жарко натопили и навели самый настоящий порядок, как на императорской яхте «Гогенцоллерн».

Далеко на «вилке» грозно высился бортами ледакол «Ангара». А вот за ним, полностью спрятавшись за корпусом, высунул мачту его «Кругобайкалец». И невольно в горле запершил комок — первый раз в жизни Генрих не хотел покидать корабль, который за эти дни стал его вторым домом. Но приказ есть приказ, и теперь лежит дорога в дальний город Владивосток, где ему предстоит служить на русском вспомогательном крейсере.

Признаться честно, и Генрих, и его матросы втайне надеялись, что всю зиму простоят в Мысовой, ничего не делая, только отдыхая, ведь Байкал затянется льдом. Но русские научились считать денежки, и вот они едут в вагоне. С ними адмиралы и какой-то генерал из Иркутска. Пронырливый Зволле уже выяснил, что того назначили командующим округом в Приморье.

Сейчас Шульц предвкушал дальнейшее путешествие в роскошном вагоне, он побывает в

загадочном Китае и получить незабываемые впечатления. Потому что сейчас у него, как говорят русские, в кармане не блоха на аркане, а самые настоящие золотые, ох и кутнет он. Найдёт настоящий немецкий ресторан, закажет сосиски, рюмку шнапса и кружку, нет, он закажет целых две кружки пива с белоснежной пеной. Нет, кутить, так кутить, будет ещё гороховый суп с гренками и ещё одна рюмка шнапса...

— Встать! Смирно!

Хлесткая команда вывела Шульца из блаженства мечтаний, и немец проворно соскочил с лавки, выскочил в проход и замер, прижав ладони к бедрам. Рядом с ним живо пристроились и замерли в напряженном ожидании матросы и морские пехотинцы — ещё бы, капитан-лейтенант Миллер не понимает бездельников, постоянно приговаривая — «служить, не картавить».

За русским офицером, чистокровным немцем, высился глыбой бывший обер-лейтенант померанских гренадер, а ныне командир взвода морской пехоты, младший лейтенант русского флота Кноппе. Чрезвычайно гордый собой — единственный из немцев, он снова стал офицером, причем враждебной пять лет назад армии, и был награжден настоящим орденом.

— Слушайте меня внимательно, — Миллер ударил перчатками по рукаву черной флотской шинели, стряхивая снег.

— Старшина первой статьи Шульц!

— Я, господин капитан-лейтенант, — Генрих немедленно отозвался на русском языке, за долгие годы плена он на нем научился говорить почти без акцента. И замер, вперив взгляд в офицера.

— Подберешь двух матросов денщиками к господам адмиралам. Лично отвечаешь. Чтоб все умели и на русском говорили. И на вахту в адмиральский вагонставляешь матроса. Да склянки отбивать. Понятно?

— Так точно, господин капитан-лейтенант! — Генрих старательно пучил глаза, ведь герр офицер любит лихой вид у своего лучшего канонира. И лишь скосил глаз на свои погоны, где уже шеренгой шли три лычки.

— А вам, господин лейтенант, — Миллер чуть повернулся в сторону застывшего Кноппе, — следует заниматься со своими пехотинцами в дороге военным делом. И надо отрабатывать рукопашный бой, согласно наставлению. В свободное от караулов время. И еще — вы не на курорте, господа стрелки, а потому приказываю быть вам при оружии. Да, вот еще — на флоте любят порядок, а у вас тут в вагоне сплошное безобразие. Немедленно прибраться, через два часа адмиральский смотр.

Миллер повернулся и пошел в тамбур, а Шульц вздохнул и, нагнетая в себя ярость, окрысился. Такой чересчур горячей выволочки он еще не получал. Ну все — сейчас матросы и стрелки у него всем скопом будут чистоту наводить. А то разленились на сытой русской службе, разжирили на жареных пирогах, шаньгах, ветчине и пельменях со сметаной и забыли, что такое настоящий немецкий орднунг!

Минино

Минино было конечной точкой пути, далее дороги не было. Поляки обещали эсеровской власти, что не пропустят белых на восток, пока не пройдут их последние эшелоны. Но это соглашение уже было нарушено панами — вступать в конфликт с Сибирским правительством они не посмели и только просили генерала Войцеховского не отправлять со станции эшелоны, дабы не потерять внезапности — мало ли что могли эсеры заподозрить.

Впрочем, все белые эшелоны, растянувшиеся на сотню верст, и так стояли, потому что

судорожная эвакуация была закончена, и на кон Марсова поля были брошены последние ставки и козыри. Первыми зашли красные, но их ставка — 30-я дивизия — была бита. Но сейчас должны заходить белые своим вторым корпусом, супротив которого встали мятежные сибирские полки и партизаны Минусинского фронта. Козырей противоборствующие стороны не жалели, но и цель была велика — Красноярск.

Удержат город на Енисее повстанцы, и все, финита ля комедия. Армия может и прорвется стороной, но десятки эшелонов с беженцами погибнут. А если белые займут Красноярск, то, установив связь с Иркутском, и перебросив оттуда подкрепления, могут изменить ход войны в свою пользу. И только поземка на белоснежном покрывале готовила перину для вечного сна многих русских, готовых вцепиться в горло друг другу в отчаянной схватке...

— За что воюете, мужики? — Михаил Александрович в накинута на плечи шинели с интересом посмотрел на двух мужиков. Партизаны или повстанцы, шут их разберет, попытались обстрелять подходящих к Красноярску уфимцев, но были сами атакованы кавалерией и рассеяны. Гусары порубили их изрядно, но двоих взяли в плен и доставили на станцию.

— За царя Михаила и советскую власть! — дерзко отозвался молодой парень в изодранном полушубке, отчаянно сверкнув правым глазом. А вот левый затек фиолетовым синяком, а на лбу осталась кровавая полоса — кто-то из гусар рубанул пленного клинком плашмя.

Михаил Александрович от такого искреннего признания только удивленно кхекнул, закашлялся, сдерживая неуместный смех, и кивнул Фомину, показав глазами на связанные руки. Тот быстро встал с лавки, подошел к мужикам, но мучиться с развязыванием узлов не стал. Взял у охранника, что бдительно стоял рядом с царем, кинжал и разрезал веревки. Крестьяне тут же принялись растирать затекшие запястья.

— Озадачили вы меня, мужики, — потянул слова Михаил Александрович. — Супротив меня воюете... И за меня... А ну, живо, православные, к той стене отойдите, на портреты царской фамилии посмотрите. Только на меня внимательно гляньте, чтоб заново не обмишулиться!

Повстанцы опешили от такого странного приказа, но послушно повернулись и отошли к красному углу, где под иконами богатый хозяин, крепенький старожил, до сих пор, презрев революционный угар на четвертом году, вывесил множество фотографий членов царствующего дома Романовых. Вырезанных ножницами из различных журналов.

— Он... Да он же!

— Похож-то как! Тятя, это он!

— Читай, Гриня, че написано-то.

Фомин с хитрой веселинкой подмигнул «царю Сибирскому», незаметно показав большой палец. А тот с усмешкой посмотрел на мужиков, как выяснилось, отца и сына, что шепотом переговаривались, уставившись в фотографии. Снимок самого Михаила Александровича они нашли сразу и сейчас внимательно на него смотрели.

— Его... Императорское... Высочество... Ипать, тятя! Это ж сам царь Михаил Лександрыч! — Молодой повстанец впал в изумление, отвесив челюсть и выпучив глаза. Его отец выглядел не лучше, было смешно смотреть на красное отверстие рта посредине черной густой растительности усов и бороды. Теперь Михаил Александрович с Фоминым захекали уже вдвоем, сдерживая смех при виде ошарашенных крестьян.

— Че деется?! Так ты и есть наш царь?!!! — изумленно прохрипел старший, лет сорока пяти, повстанец, и захлопал ресницами. Его лицо неожиданно исказилось мучительной гримасой, и после секундного размышления он рухнул на колени, взыв во весь голос:

— Прости, царь-батюшка, неразумного. Тятка до смертушки забьет, коли узнает, что я с

оружьем супротив тебя пошел. Побьет точно. Не помилует. У него рука чижелая!!!

— И меня прости, государь! — рядом встал на колени и сын, уставив на царя лицо, обезображенное сабельным ударом. — Запорет деда, без жалости запорет, меня и тятюку!

Неимоверными усилиями Михаил Александрович и Фомин сдержали рвущийся наружу смех. За эти дни Семен Федотович повидал немало пленных, но вот такую семейную парочку впервые. Парадокс времени — большинство красных партизан составляли как раз такие обеспеченные старожилы, которым коммунистическая власть нужна была, как сорняки на пшеничном поле. У крестьян от демагогии все извилины заплелись, вот оно, революционное лихолетье...

— Вы супротив Колчака поднялись? Так? — грозно спросил император и нахмурил брови, хотя ему хотелось смеяться.

— Да, всем миром, за тебя поднялись, царь-батюшка. По призыву твоему. — Отец отвесил степенный поклон. Он уже пришел в себя от удивления, и отвечал с достоинством. Но подчеркнуто почтительно, ибо царь наверняка отождествлялся с грозным тятей, что мог запросто запороть сына, несмотря на его седоватую бороду.

Патриархальные нравы у селян не редкость, а норма жизни. Что убьют, так то крестьяне воспринимали с фатализмом, а вот если дед запорет сына и внука, так это намного страшнее. Да и на само восстание поднимались миром, таковы нравы. А этим и ловко пользовались большевики, смущая народ столь противоречивыми лозунгами. Ведь царь у крестьян отождествлялся с той жизнью, когда все текло размеренно, порядок и спокойствие окутывали всю страну.

А Советская власть отождествлялась в мужицких умах с народовластием, да еще с семнадцатым годом, когда среди селян в ходу была забористая частушка, по которой они начали жить.

Бога нет, царя не стало,
Мы урядника убьем,
Податей платить не станем,
И в солдаты не пойдем.

Этого и хотелось крестьянам, вот только они на четвертом году революции осознали, что свобода свободой, но спокойствие и порядок им только царь дать может, и никто иной.

— Колчака я убрал, вся армия мне присягнула. Сибирское правительство меня царем признало. Так почто вы на мое войско войной пошли?! — В голосе Михаила Александровича лязгнула сталь.

— Омманули нас! — разом возопили отец с сыном. — С Красного Яра к нам в Зеледеево пришли, сказали буржуи идут, грабят хозяйства да баб с девками сильничают. Вот мы и поднялись... Прости неразумных!

— Мои солдаты за Сибирь дерутся, чтоб красных отсюда выгнать. Буржуев у меня быть не может, я за народную власть. Царство каиново на Руси утвердилось, церкви разрушают, народ развращают. В Москве памятник Иуде поставили! Бесы завсегда соблазняют, и вы, мужики, поддались. А неужто неведомо вам, что они сладко стелют, вот только спать жестко будет?!

— Прости, государь...

— Да, ладно. Голодны, чай? — Михаил Александрович ласково улыбнулся, повернулся к занавеске, что кутью от залы отгораживала, и позвал:

— Хозяюшка! Покорми чем-нибудь меня и мужиков. А то они намерзлись, настрадались.

Дородная женщина в красивом платье, с убранными под платок волосами, с бусами на шее, не вошла, а вплыла в комнату. Поклонилась низко.

— Сейчас накрою, царь-батюшка! Девки!

В комнату ворвались две девчонки, дочери лет пятнадцати, двойняшки, и забежали, захлопотали. Не прошло и пяти минут, как стол был заставлен сельскими разносолами, какими богата таежная земля. Миски, блюда и тарелки буквально накрыли скатерть с бахромой. Семен Федотович сглотнул, ведь с ночи не ел, так, сухарей пожевал в поезде.

Тут было на что посмотреть — хозяйка расстаралась, хоть предпоследний день поста рождественского идет. Видно, для разговения приготовлено, но служивые пост-то не соблюдают, Господь на то освобождение дает. А глаза радовались, во рту скопилась слюна — холодное отварное мясо, копченая и соленая рыба как целая, так и кусками, жареная дичина, фаршированные курицы, соленые грибы, квашеная капуста, маринованные огурчики, всевозможные пироги, кренделя и заедки. Перечислять можно долго, эт сеттера, эт сеттера, эт сеттера...

Хозяюшка прямо увивалась возле Михаила Александровича, лучший кусок в тарелку подкладывала. А на мужиков посмотрела так, будто скалкой ударила, и прошипела тихо: «Ох и злыдни дурные!»

Семен Федотович ел все, что пригожие девицы сноровисто подкладывали царскому генералу, гордые от такой чести. Михаил Александрович объяснял мужикам, как говорилось в это смутное время, текущий момент, и изредка хвалил хозяйку, а бывшие повстанцы все виноватились и хоть пытались есть, но кусок в горло не лез...

— Так вот, мужики! Пойдете ли вы всем миром за меня, и долю лучшую обретете, или с красными поганцами Бога предадите, как иуды. Только вряд ли они тридцать сребреников вам платить будут!

— Вели, государь, все умрем!

— Ну что ж. Верю вам! Семен Федотович, подай воззвание Сибирского правительства и мой манифест. Час назад мне первые оттиски принесли, всю ночь печатать будут в типографском вагоне.

Семен Федотович быстро взял с комода большие листки и положил перед Михаилом Александровичем на освобожденный от тарелок стол. Пододвинул чернильницу и ручку.

— Ну, смотрите, мужики. Не подведите, отнесите своим и всем прочитайте. — Император обмакнул перо в чернила и стал быстро подписывать листы бумаги, откладывая их в сторону Фомина. Семен Федотович тоже обмакнул перо второй ручки в чернильницу и быстро пробежал глазами текст возвания и манифеста, уткнувшись взглядом в знакомые строки: «На подлинном Собственною Его Величества рукою написано». Далее чернильный росчерк «Быть по сему», и следом — «Михаил». А на манифесте вообще стояла только одна высочайшая роспись без всяких сопутствующих слов.

Генерал вздохнул и принялся черкать листы — писать ему было намного больше — заверяя своим «подлинным верно» и ставя чуть более короткую, чем у императора подпись.

Красноярск

— Но кто же знал, кто знал! — Бронислав Зиневич не находил себе места, мечась из угла в угол по кабинету. Хорошо, что хоть эсеры оставили помещение за ним и продолжали называть его командующим народно-революционной армией, а иначе было бы совсем худо. Даже поспать хоть немного в спокойствии негде.

Прошло трое суток с того страшного часа, когда он прочитал на ленте — «мавр сделал свое дело». Красному начдиву не откажешь в чувстве черного юмора. Вернее, уже откажешь — сегодня в городе напечатали во всех газетах, что 30-я дивизия красных наголову разгромлена, а ее начдив Лапин убит.

И тут же прогремело второе известие, потрясшее разом весь город, — в Иркутске пришедшее к власти Сибирское правительство признало царем Сибирским, с сохранением права на императорский титул, великого князя Михаила Александровича. Известие, что царь жив, а вся армия ему присягнула и уже идет штурмовать Красноярск, моментально взбудоражило весь город. словно большой булыжник с чудовищной силой метнули в коровью «лепеху» — брызги во все стороны полетели!

Вышедшие из подполья большевики с наиболее упертыми «красными», с упрямством, достойным лучшего применения, твердили о самозванце, и с самоотверженностью Сизифа строили укрепленные позиции на западных рубежах, вытягивая тяжелую артиллерию. Вот только ряды желающих повоевать за них таяли словно брошенный на горячую печку лед.

Эсеры, земцы и прочие «розовые» от одной мысли, что сейчас их будут лупить в хвост и гриву сразу с трех сторон — запада, востока и внутри города, — заматались как в Камаринской. Кто-то горланил о революционных завоеваниях, но их мало слушали. Большинство разом замолчало, будто в рот воды набрало. И, как умелые хамелеоны, стали совершать чудеса мимикрии — розоватые оттенки всех цветов стали стремительно белеть, словно грязные подштанники после хорошей стирки с кипячением.

Вошедшие в город партизаны Щетинкина и Кравченко разом забурлили, словно теплое дерьмо, в которое щедро сыпанули дрожжей. Мозги у крестьян окончательно съехали набекрень — ведь их подняли на восстание именами царя Михаила и великого князя Николая Николаевича. А теперь призывают с царем драться? Ну уж нет — кое где уже слышалась стрельба и дикие, душераздирающие вопли жестоко истязаемых большевистских вожаков. Как же — обманывать грешно! Не хватало еще малой искры на бочку с порохом — вот тогда партизанская вольница бросилась бы громить город, не разбирая политические окраски обывателей.

Самые умные, вернее трусливые, что всю войну отсиживались по укромным местам, совсем затихарились. Бежать из города некуда, запросто попадешь из огня да в полымя...

— Что делать?! Что делать?! — Генерал выплевывал из себя извечный русский вопрос и метался по кабинету. Он осязаемо ощущал, как на его шею накидывают веревку, даже тер ее ладонями, стараясь прогнать ужасное наваждение. Судорожные мысли металась в голове, но спасительной из них не находилось. Он даже бросил взгляд на револьвер, но тут же отказался от позыва — не для того он пытался сохранить себе жизнь, чтоб так ее закончить...

— Ваше превосходительство, разрешите? Позвольте, я сниму шинель, а то в комнате жарко.

Голос адъютанта Потоцкого вывел генерала из панического состояния, и Зиневич привычно кивнул. Тот быстро повесил шинель, и «командующий» захлопал ресницами от удивления — на офицере была надета польская военная форма, вернее, английская, но с атрибутикой Войска Польского, с красно-белым шевроном на рукаве. И на меховой зимней шапке раскинул в стороны свои крылья белый орел Пястов.

— Как это понимать, капитан?!

— Поручик, пан генерал. Всего поручик. Со вчерашнего дня я на польской службе, вернулся, так сказать, в лоно исторической родины.

— Так, — задумчиво протянул Зиневич, и его сердце учащенно забилося. Он впервые почувствовал, что шею уже не давит невидимая петля, и надежда на спасение ожила в душе.

— Да и вам, ваше превосходительство, не мешало бы вспомнить свое польское

происхождение.

— Даже так?! А что это даст мне? Вы говорите от себя лично или...

— Я пришел по поручению полковника Валериана Чумы. Согласитесь, ваше превосходительство, но ситуация сейчас несколько двусмысленная. Вы, испытывающий внутренние симпатии к монархии, вынуждены командовать этим революционным сбродом. А между тем впервые появилась возможность опереться на твердое государственное начало и избавиться от большевиков, хотя бы путем независимости Сибири.

«Желательно бы. Но я не могу командовать этой вольницей, того и гляди, что они меня сами... Того... А чем не выход?!» — генерал почесал переносицу, пребывая в раздумьях. Он уже понял, куда клонит его бывший адъютант, а ныне польский офицер.

— Вы можете поднять за императора свой 4-й Енисейский полк, где солдаты еще вам верят. — Голос Потоцкого был вкрадчив, но скрытая издевка вырвалась помимо воли в этом «еще».

— Откройте дорогу белой армии, и вы можете стать спасителем монарха и России, господин генерал...

— А если солдаты меня не послушают?! Ведь полк разagitирован.

— Для усмирения горлопанов Чума подведет штурмовой батальон. Мы их немедленно разоружим. С вами или без вас, но польские войска займут город. Но вот тогда...

Потоцкий не договорил, оборвал на недосказанном, но Зиневич мысленно закончил за офицером. Выбора не было — если он не поднимет полк, то его ждет смерть, неважно от кого. Если поднимет — то появится совсем немалый шанс на жизнь. Ибо все мятежники будут в дерьме, но он предстанет уже в белом, непорочном цвете.

— Если ваше выступление увенчается успехом, генерал, то вы можете вернуться на историческую родину. Чума гарантирует вам чин полковника, Польше нужны опытные офицеры. Никто вас здесь тогда не осудит — вы ведь перейдете из стана победителей!

— Я согласен, — после короткой паузы сказал Зиневич. Это действительно был выход из ситуации, ведь даже при самом лучшем раскладе среди русского офицерства на него будет навечно приклеен ярлык предателя. Со службы выпрут, как пить дать. А Польша это действительно хороший шанс начать жизнь по-новому.

Иркутск

— Ну, Арчegov, ну, песий сын! Как медведя в берлоге обложили, со всех сторон подступили, — Ефим Георгиевич подошел к заветному шкафчику, достал бутылку водки и налил полстакана. Хлобыстнул по-гвардейски, тычком. Живительная влага жарким ручейком разлилась по горлу, согрела душу.

Не такой представлял генерал Сычев должность военного министра, не такой. Где долгожданный почет, слава и уважение?! Какие возможности открывались, ведь именно он, никто другой, ну может быть, еще этот выскочка Арчegov, привел к власти Сибирское правительство. И как они его отблагодарили?! Генеральский чин дали, который он и так имел, да крестом наградили, вот и вся их забота да ласка.

Должность военного министра оказалась ловушкой — самого главного, прав назначений на должности, он не имел. Потому, что на всей территории, да где-нибудь воевали, а это не забота министра, а дело командующего армией. Два дня назад, в обход его, Вологодский назначил с одобрения Арчegovа командующим войсками Приамурского округа генерал-лейтенанта Лохвицкого. Розанова давно пора со службы уволить, безынициативен старый генерал, на

старых лаврах поживает. Это Ефим Георгиевич и сам сделал, но вот назначить другого, более достойного — фигушки.

Та же контрразведка в руках Арчегова, война же идет. Тыловые и запасные формирования — опять его епархия. Все сладкое прибрал на себя ротмистр, а что оставил — соль да полынь, всю грязь разгребать, да непосильной работой надрываться.

Вооружить и снарядить армию — его забота, тут голову сломать можно. Выпуск автоматов и патронов на него взвалили. С беженцами и семьями, выплатой пенсий ему морока. Да еще эти кляузники, кого он «сычами» сделал, — та еще головная боль. Чуть что случилось, сразу вопрос у правительства — кто виноват? И ответ тут же — Сычев, его недосмотр! Зато Арчегов у них спаситель, чуть ли не лобзаются от счастья.

А еще каппелевцы подойдут — интриганы разом воспрянут. Сожрут тебя, Ефим Георгиевич, и не подавятся. Да и свои братья-казаки рыло воротят. Гришка Семенов чуть ли не матом на всех углах кроет, Оглоблин сквозь зубы цедит, уже забыл, с чьих рук недавно кормился. Арчегов ему свет в окошке. И не получить ему ни от кого даже маленькой поддержки — всем стал ненавистен генерал Сычев, как же — любимые мозоли оттоптал. Везде кричат в его адрес — не по Сеньке шапка!

Ефим Георгиевич прошелся по кабинету, с тоской посмотрел на стол, где лежал перечень неотложных мероприятий. Как все обрыдло за эти десять дней министерства. Плюнуть на все, выпить водки и забыться. Желание стало нестерпимым, и он тут же подошел к заветному шкафчику. Налил уже полный стакан водки и выцедил сквозь зубы. Постоял, задержав дыхание, и потом по-казацки занюхал рукавом. Хорошо!

И тут его осенило — Арчегов, конечно, та еще бестия, но на него можно положиться. На Амуре совсем хреново, партизаны распоясались окончательно. А если ему самому, как Оглоблину, финт такой же сделать. Попросить должность наказного атамана родного Амурского войска, провести реформирование, крестьян поверстать — землицы же много, всем можно по сотне десятин дать, чего жлобиться. Так, а это выход!

Сычев задумался, и чем он больше крутил в голове этот вариант, тем сильнее он ему нравился. На Амуре он станет полным хозяином, а в Иркутске ему житья не будет. И атаманские возможности тоже ого-го какие. Сычев повеселел и снова открыл заветный шкафчик...

Глава пятая

Вот новый поворот

(6 января 1920 года)

Бугач

— Ну, идите же вперед, братцы. Нельзя стоять! — Генерал Павел Петрович Петров поморщился, словно от боли. Атакующие цепи уфимцев смешались, попав под плотный пулеметный огонь. Патроны красные, в отличие от атакующих их белых, не жалели.

До города оставалось всего ничего, пара верст, вдалеке виднелась многочисленная россыпь огоньков. Бой шел почти час, но успеха не было. Солдаты и так рвались вперед, но не было главного — патронов. Шесть обойм на стрелка — эти жалкие 30 патронов уже почти истратили. А две ленты на станковый пулемет вызывали только горькую усмешку у издававшего виды генерала. И пушки не поддержат, у артиллеристов со снарядами та же катавасия.

Одно хорошо — красные почти не использовали тяжелую артиллерию, которой у них было много. По приказу Колчака гаубицы и полевые 42-линейные пушки были заблаговременно отправлены с фронта в тыл, чтобы не потерять их при эвакуации. Но кто знал, что в Красноярске эсеры свили гнездо измены, и артиллерия достанется им. Однако почему-то ее не применили, отправив через головы наступающих белых только с десятков «чемоданов», давших большой перелет, взорвавшихся за станцией.

— Что будем делать, Павел Петрович? — Начальник штаба бригады подполковник Ивановский поднял на генерала усталый взгляд. — Патроны кончаются, осталось семь снарядов. И все...

— Пойдемте в цепь. У нас нет выбора — нужно брать Красноярск любой ценой! — Генерал упрямо сжал губы и прислушался. Так и есть, Камская бригада еще наступала севернее, от села Дрокина, вдалеке глухо прогремели два взрыва. Со снарядами у генерала Пучкова чуть лучше положение, пушкари еще стреляют.

— Отправьте посыльного генералу Войцеховскому. Передайте, что бригада пошла в последнюю атаку! Патронов у нас нет!

Генерал с болью выплюнул слова, и снова прислушался. Нет, определенно камцы наступали, донеслась приглушенная пулеметная стрельба. Нужен удар, вот только где взять силы. Павел Петрович достал из кобуры револьвер, оглянулся. Сзади него вытягивался цепью последний резерв — несколько десятков нестроевых, вооруженных винтовками и полсотни спешенных сибирских казаков конвоя — пожилых, степенных, бородатых.

— Ваше превосходительство! Смотрите, со станции идет бронепоезд!

Петров стремительно обернулся, сердце в груди учащенно забилося. Изрыгая клубы черного дыма, хорошо видимые в ярком лунном свете, бронепоезд, уставив по сторонам хищные орудийные стволы в круглых башнях, медленно пошел через позиции красных прямо на наступающие цепи. И тут же остановился, лишь на ветру колыхался темный флаг.

— А вот теперь нам точно хана! — только и смог прошептать побелевшими губами Петров. Темный цвет, а иначе не разглядишь пусть и светлой, но ночью, мог быть только красным.

Душа оледенела вмиг — сейчас бронепоезд тронется, и четыре пушки с двумя десятками пулеметов оставят от его бригады одно воспоминание. Однако генерал не потерял надежды — офицеры батареи очень опытные, командир воюет уже шесть лет с гаком. Хоть и осталось семь

снарядов, но могут и попасть парочкой в этого стального монстра.

Сильный гром взорвал морозный воздух. Из орудийных башен выплеснулись длинные языки пламени, по бортам расцвели огненные цветки — пулеметы стреляли непрерывно.

Генерал машинально пригнулся, но привычного свиста пуль над головой не услышал. Зато на позициях красных начался самый настоящий апокалипсис — в воздух полетели люди и пулеметы, какие-то ящики и обломки, взрывы окутали ледяные окопы белой крошкой, будто дымовой завесой. И страшные крики, полные нечеловеческой боли и ужаса, полностью накрыли неприступные прежде укрепления.

Бронепоезд, не прекращая убийственной стрельбы в упор, тронулся назад, и медленно пошел обратно на станцию. На январском ветерку весело затрепетало знамя, но только теперь генерал Петров разглядел, что оно состоит из двух полос — светлой и темной. Вернее, белой и красной, других цветов просто не могло быть.

— Это поляки, ваше превосходительство! — Ликующий выкрик Ивановского на секунду прорвался через орудийные выстрелы. Куда девалась усталость — подполковник приплясывал на месте, словно игривый жеребец.

— Немедленно атаковать всеми силами, пока красные не опомнились! — прокричал команду генерал и с револьвером в руке быстро пошел вперед. За ним гурьбой побежали солдаты и казаки, радостно крича «ура!». Еще бы не ликовать — «дверь» в город была настезь распахнута...

Красноярск

В просторных казармах, где размещался 4-й Енисейский Сибирский стрелковый полк, было не продохнуть от густого табачного дыма, застарелого запаха грязного белья и перепревших портянок, что даже свежий морозный ветерок, прорываясь сквозь выбитые стекла, не мог выдуть из помещения всю эту тошнотворную вонь.

Генерал Зиневич надрывал горло, стараясь привлечь внимание тысячной солдатской массы, набившейся как селетки в бочку. И он чувствовал, что это ему удалось. Тем более что по солдатским рукам ходили листки с манифестом императора Михаила, где обещалось все, чуть ли не молочные реки с кисельными берегами и птичье молоко до пуза.

Но, может, дело было в другом — тускло светившиеся электрические лампочки постоянно мерцали, а оконные стекла дребезжали от гулких, и оттого страшных, орудийных разрывов.

— Братья! Вы слышите взрывы?! Это императорская армия уже в Красноярске! Вы читали манифест нашего государя Михаи...

— Да пошел он!

— Царя недобитого на шею сажать?!

— За что воевали, братцы?!

— На штык бери эту генеральскую контру!

Договорить генералу Зиневичу не дали — солдаты-большевики, громко матерясь, шустро поснимали с плеч винтовки, громко лязгнули затворы. Их было немного, всего три десятка, но именно они две недели назад взбаламутили двухтысячный полк, и солдаты весело пошли на восстание.

Но сейчас серошинельная масса солдат, хотя и вдвое поредевшая от повального дезертирства, повела себя совершенно иначе. Раздались злобные крики, служивые всколыхнулись. Да и куда деваться солдату, коли крестьянское нутро под гимнастеркой больше верило царскому слову, чем обещаниям различных краснобаев, от которых за эти три года даже

уши опухли.

— Хватай большаков, братцы!

— Они воду замутили, а нам пить?!

— Бей их!

— Мы за царя стоим, а не за жида Троцкого!

У кого-то из большевиков не выдержали нервы, и громко хлопнул винтовочный выстрел. Истошно закричал смертельно раненный солдат, и всеобщий гвалт разорвал пронзительный крик, полный безудержной ярости.

— Гришку убили! Брата мово!

Солдатская масса всколыхнулась, и, мгновенно озверев от запаха пороха и пролитой дымящейся крови, тут же исторгла всеобщий рев.

— Бей коммуняк, братцы!!!

Хлопнули несколько выстрелов, но остановить толпу они не смогли — ненависть и ярость к вчерашним вожакам и властителям дум уже застилала сознание солдат. Истошные крики заживо раздираемых в клочья людей еще больше распалили енисейцев. И чей-то громкий выкрик на секунду перекрыл рычание тысячной массы.

— Они нас всех продали! И Христа предали! И царя Михаила!

Солдаты озверели полностью — сейчас они рвали зубами и руками и не могли утолить пролитой кровью свою нестерпимую жажду мести. Они дрались за свою изломанную жизнь, за своих малых деток и баб, от которых были оторваны войной, а ведь царь обещал по домам всех распустить вскорости. Да за свою шкуру, в конце концов, ведь за измену штурмующая сейчас Красноярск армия никого не пощадит...

Генерал Бронислав Зиневич и два десятка насмерть перепуганных офицеров полка спешно прикалывали к шинелям сорванные две недели назад погоны. Годы революции и гражданской войны приучили их к подобным сценам. Утолив жажду крови, солдатская масса потребует ее вести, и вот этот момент нельзя упускать, потому что служивые станут покорны командам.

— Полк!!! Слушай мою команду!!! — Генерал Зиневич надрывал яростным криком горло. — Выходи во двор на построение! Первый батальон — налево, второй батальон — направо! Забрать винтовки и патроны! Пулеметная команда — прямо! Выходи, стройся! Умрем за царя Михаила!!!

Солдатская масса всколыхнулась еще раз, но то было повиновение покорной лошадки хозяйскому хлысту. И потекла во двор. А там вздрагивала и тут же строилась неровными шеренгами. Мысленно солдаты перекрещивались за правильно сделанный выбор, а иначе им бы пришлось умереть всем.

Внутренний двор был оцеплен штурмовым батальоном польской дивизии. На окна казарм хищно и грозно взирали пулеметы, с заправленными лентами, а от яркой луны шли блики на остриях примкнутых штыков.

Назарово

— Опять идут, мать их. Да сколько ж вас?! — бывший командир 49-го Сибирского стрелкового полка Федор Мейбом прищурился. Поземка, не ко времени разгулявшаяся, припорошивала глаза и мешала видеть поле боя. А там было уже привычное со вчерашнего дня зрелище.

Красные колонны вытягивались с тракта, сжатого с двух сторон почти непроходимой тайгой, и тут же разворачивались в цепи. Вот только в атаку, а эта была уже четвертая по счету,

шли не так рьяно, как в первую. Можно даже сказать, неохотно шли. Судорожно залаял пулемет и тут же заткнулся — противоборствующие стороны испытывали жесточайший патронный голод. И немудрено — тылы красных отстали, и трофеями в дороге не разживешься, так как отступавшие белогвардейцы побросали орудия, большую часть пулеметов и патронных ящиков еще двести верст назад в Щегловской тайге.

Мейбом заскрипел зубами — сейчас бы это вооружение да сюда. Вмиг бы так «причесали» красных, что те до Мариинска без оглядки драпали. Но что было, то было — красным еще предстоит отступление, а они свой скорбный крестный путь от самого Омска уже прошли, и больше не будет отхода. В этом капитан был уверен — три дня мимо него тянулись в Назарово отступающие части бывшей 3-й армии.

Устало бредущие солдаты, больные тифом и раненые, вповалку лежат на санях, возницы хриплыми матами понукают совершенно заморенных лошадей. Страшный исход, может быть, потом его назовут Великим Ледяным походом. Другого наименования Федор просто не находил — ведь он прошел с армией от начала до конца, пешком, с боями через всю бескрайнюю Сибирь, от Уральских гор и почти до самого Енисея.

Вышедшую в авангарде его 13-ю Сибирскую дивизию встретил бывший главнокомандующий, генерал-лейтенант Каппель. И тут же ошарашил солдат и офицеров, но добрыми новостями, каких они не слышали уже полгода. Армией командует сам император Михаил, в Иркутске у власти Сибирское правительство, мятеж Политцентра подавлен. А заодно сибирские войска побили и чехов, которые были вынуждены возвратить тысячи вагонов с награбленным русским добром.

Известие о том, что их армия реорганизуется в корпус, командовать которым назначен сам Владимир Оскарович, было встречено тоже с ликованием, но не таким бурным. Стало ясно одно — отступление закончено, и как только подойдут войска из Иркутска, красных погонят обратно, до Омска, а то и до Уральских гор. Впрочем, это была мечта, и только мечта, а сам Мейбом, как и большинство офицеров, на такой фарт даже не надеялся. Загнать бы красное воинство за Щегловскую тайгу да запереть проходы — вот тогда можно будет взять передышку, привести армию в порядок, дать ей отдых.

Даже короткий отдых благотворно влияет на войска — Мейбом в этом убедился на собственном полку. Он гордился им — за время долгого отступления почти не было дезертиров, и реорганизованный в батальон, он насчитывал без малого тысячу штыков, столько же было и в другом батальоне, сведенном в три роты из трех других полков дивизии. Два других батальона 1-й Сибирской императорской стрелковой бригады сформировали из изрядно потрепанной Омской дивизии. Плюс оренбургская казачья бригада, вернее сведенный из нее полк в четыре полнокровных сотни, егеря, саперы и обозники. Не было только «бога войны» — пушки были давно брошены, поделиться же своими польский батальон отказался категорически.

Мейбом впервые увидел этих гонористых союзников, с чехами он имел опыт общения раньше. Отъелись на гречневой каше с убоиной, ряшки откормленные, но ведут себя, к великому удивлению русских, весьма прилично. Уже не грабят поселян, к девкам и бабам не пристают, будто враз импотентами стали, дисциплина на уровне. Впрочем, как по секрету сказал генерал Иван Ромеров, назначенный командовать бригадой, панов взяло за горло Сибирское правительство, пообещав, что если они взбрыкнут, то сам полковник Арчegov ими плотно займется, да так что поляки своим «братушкам» чехам завидовать станут...

— Обходят, Федор Федорович. Вон, там, у опушки, смотрите! — К Мейбому обратился молодой поручик с исхудалым лицом, на котором багровели обмороженные раньше щеки.

Капитан пригляделся — действительно у зеленого клина тайги, что выдавался вперед, сновали многочисленные людские фигурки. Да, командиры красных многому научились за этот

год. Демонстративные атаки в лоб, не слишком настойчивые, с глубоким фланговым обходом. И как они прошли дремучую тайгу, где сугробы уже чуть ли не по пояс?! Видно, налегке, а значит, патронов у них в обрез и пулеметов мало — на солдата много не загрузишь, если ему сутки в дебрях продирается, да еще провиант нести.

Мейбом лихорадочно просчитывал ситуацию — снять даже одну роту он не мог, ведь красные запросто прорвут ослабленные позиции с фронта. В резерве команда конных разведчиков с двумя пулеметами, но долго они не продержатся, три десятка сабель против на первый взгляд двухсот красноармейцев. Но это так, прикидка. Вряд ли красные послали меньше батальона, а в нем у них не меньше четырехсот бойцов. Пулеметы их задержат, но ненадолго, пары лент на четверть часа боя только и хватит.

Может, генерал видит обход, и отправит свой резерв на поддержку. Казачий полк рядом, должны помочь. Тракт нужно запереть плотно, и держать все обходные дороги. Потому что стоит красным вырваться у Назарова, как их уже не удержишь. Железная дорога от Ачинска на юг будет перерезана, так же как телеграф, и 35-я дивизия Неймана соединится с наступающими от Минусинска партизанами...

— Федор Федорович, смотрите!

Мейбом взглянул назад, туда, куда показывал адъютант. Из Назарова торопилась густая колонна пехоты, на помощь его пулеметчикам и стрелкам. И тут же стала разворачиваться отнюдь не жидкими цепями, умело, выдвигая пулеметные расчеты. А следом промчались две орудийные упряжки, развернулись на позиции, и через пару минут над красной пехотой вспухли белые облачка шрапнельных разрывов.

Атака с фланга тут же захлебнулась, красные попадали в снег, многие поползли на четвереньках обратно, к спасительной тайге. Зато наступление с фронта стало вестись намного энергичнее — несмотря на потери, красноармейцы рвались к Назарово.

Однако боем со стороны белых управляла уже умелая рука. Орудийный огонь был немедленно перенаправлен, стреляли шрапнелью и гранатами вперемешку. Правее выскочила из-за леса казачья лава, растянулась и, склонив пики и сверкая шашками, с устрашающим гиканьем устремилась в атаку. Левый фланг красных был смят за минуту, началась безжалостная рубка.

Это стало последней соломинкой, той, которая по пословице, надломила хребет верблюда. Красные начали отступать обратно в тайгу, втягиваясь змеей. Казаки их не преследовали, а занялись своим любимым делом — сбором трофеев. Мейбом хотел отдать приказ о преследовании отходящего противника, но был остановлен знакомым до боли голосом.

— А вот контратаковать не надо, Федор Федорович. Пусть отойдут, перегруппируются. И попробуют еще раз. Грабли на то и существуют...

— Для дураков инструмент сей наипервейший! — Молодой голос вклинился, и его Федор узнал сразу. Старый сослуживец со времен занятия Казани в 1918 г., ставший недавно генерал-майором. А вот Мейбом так и был эти два года гражданской войны всего лишь капитаном, категорически отказываясь от производства в следующие чины. Только монарх имел на это право, на его взгляд, но, придерживаясь принципов, сам Федор Федорович понимал, что чин генерала стал для него недостижимой мечтой.

Обернувшись, он подчеркнуто почтительно козырнул двум генералам, с которыми был давно знаком, с Волги, когда там воевали под красной тряпкой КОМУЧа, та еще была эсеровская говорильня. Каппель был тогда подполковником, а они с Сахаровым капитанами. Вспомнил, и тут же резануло по душе — только сейчас Федор разглядел, что на генеральских погонах Владимира Оскаровича не три привычные звездочки, а две.

Можно было подумать, что с плеч они одновременно отвалились, только почему тогда

Сахаров перед ним стоит в пустых полковничьих погонах на потрепанной шинели, а не в своих, с зигзагами.

Увидев ошеломленный взгляд Мейбома, взирающего в растерянности на их погоны, Каппель и Сахаров раскатисто рассмеялись. И со смешком командующий корпусом проговорил:

— Сибирское правительство постановило вернуться к императорскому чинопроизводству. А потому офицерам, сражающимся с большевиками с 18-го года, но только в боевых частях, дано ускоренное производство на два чина за отличие, полковникам и генералам на один чин, но при наличии предшествующего производства в этот чин. Это решение уже одобрено его величеством, государем Михаилом Александровичем.

Последняя фраза адресовалась лично Мейбому — Каппель прекрасно знал, как тот относится к «колчаковской выпечке», и тем более к чинам времен приснопамятной эсеровщины, не к ночи будь она упомянута.

— Так что держите новые погоны, Федор Федорович. — Генерал достал из кармана пару полковничьих погон.

— Мои, сам недавно их носил. Они вами давно заслужены, а потому вручаю вам их от имени его величества.

Мейбом совершенно растерялся, а ведь такого с ним никогда еще не было, в любом бою он действовал с чрезвычайным хладнокровием. А потому он смог вымолвить совсем неуставное:

— Рад стараться, ваше превосходительство!

— Да, полноте, Федор Федорович, мы друг друга давно знаем, — Каппель огляделся по сторонам, но рядом с ними никого не было — офицеры и солдаты приводили вырытые в снегу окопы в порядок и, глухо ругаясь сквозь зубы, подсчитывали оставшийся боекомплект.

— Контратаковать без патронов — безумие. Только потери напрасные. Но положение резко улучшится на днях, буквально завтра-послезавтра. Наши части штурмом взяли Красноярск, дорога на восток, для подхода частей Сибирской армии от Иркутска, открыта. Патроны будут доставлены, и снаряды, и пушки. А здесь...

Каппель остановился, и пристально посмотрел на капитана. Тот понял, что сейчас услышит нечто важное, и не ошибся.

— Смотрите, Федор Федорович, с запада на восток есть только две параллельных дороги. Вдоль железнодорожной магистрали, где отступала 2-я армия, и переселенческий тракт, по которому отходили наши части. А также множество дорог, которые идут от сел к станциям. Получается своеобразная «лестница». — Генерал носком сапога изобразил на снегу нечто подобное.

— Красные далеко зарвались, у них потери в живой силе, нехватка боеприпасов — тылы ведь отстали. И вот что получается. Их 30-я дивизия полностью уничтожена под Ачинском нашим первым корпусом генерала Молчанова, ее начдив Лапин убит, — Каппель ткнул в самый конец верхней длинной направляющей. Потом коснулся противоположного конца и пояснил:

— Ижевцы и воткинцы сейчас идут сюда, на станцию Боготол, полсотни верст вперед. Оставляют сильные заслоны из пехоты и казаков на всех станциях, полностью перекрывая поперечные дороги. И как вы думаете, капитан, что произойдет в самые ближайшие дни?

— Красные окажутся в окружении, — Мейбому все стало ясно. Он восхитился дерзким замыслом. — Рокадные пути к магистрали закрыты, в тылу ижевцы, а с этой стороны тракта ударим мы. А их 35-я дивизия истратила в бесплодных атаках на Назарово последние патроны и понесла потери. Отступать некуда — с юга непроходимая тайга. Можно только рассеяться...

— Вы верно оцениваете положение, Федор Федорович. А потому ваш батальон завтра пойдет вперед, в авангарде корпуса. Это наша единственная кадровая часть, прежняя, ведь все остальные батальоны новые, сводные из бригад и даже дивизий. А потому дерзайте, полковник

В просторных краснокирпичных казармах, где размещались китайцы из 1-го Маньчжурского стрелкового батальона с приданной штрафной ротой, Ефим Георгиевич ощутил дуновение того старого, почти потерянного мира. Главных революционных примет — вони от загаженных полов и густого махорочного дыма — не ощущалось и в помине. Что и говорить, бывший «семеновский» генерал Скипетров свое дело знал туго, и поставленный командовать всей этой разношерстной сволочью — наемной китайской и разгильдяйской русской — сумел навести порядок, пусть и драконовскими мерами.

Именно эти его действия вызвали инспекцию правительства — сам Вологодский, по жалобе министра внутренних дел Яковлева, прибыл в казармы, приказав явиться и Сычеву как военному министру.

Однако Петр Васильевич, вначале недовольно морщившийся, глядя на трупы казненных дезертиров, получив необходимые разъяснения от военного юриста, признал действия Скипетрова обоснованными, ведь лица, объявленные в проскрипционных списках, могут быть казнены за малейшие преступления, коим безусловно является дезертирство и противодействие начальству, без суда и следствия, по приказу командира.

Вологодский только попросил убрать трупы, мол, не стоит так демонстрировать и в дальнейшем вешать только по ночам и тут же снимать, дабы не смущать обывателей.

«Да, уж», — решил про себя Сычев, — «общение с Арчegovым и Яковлевым премьеру явно пошло на пользу. От первого набрался жестокости, необходимой в это время, а от второго получил изрядную долю цинизма».

Скосив глазом на бывшего каторжника, Ефим Георгиевич тут же помечтал, видя, что на суку тополя, где качался на ветру висельник, найдется еще местечко и для этого хитреца. Веревку найти можно, а от щедрот своих кусок мыла добавить. Ради этого Сычев бы и недельку в бане не помылся.

Смущало поведение Яковлева — тот не скрывал своего удовлетворения визитом, и сейчас уже пошел в раскрытые ворота, где у правительственных автомобилей толпились обыватели и настороженно замерли несколько охранников. Вологодский чуть помедлил и, сопровождаемый двумя офицерами, пошел за главой МВД.

А сам Сычев не удержался от маленькой мести, от которой он не смог отказаться. Уж больно ненавидел военный министр атамана Семенова, этого мужлана с испытанным лицом и грязными ногтями, и его окружение, в котором были одни бездельники и холуи.

— Я доволен вами, Леонид Николаевич, — со слащавой улыбкой обратился он к Скипетрову, который бросил на него ненавидящий взгляд, но молчал, скованный по рукам и ногам субординацией.

— Если отличитесь, то я поставлю вопрос о присвоении вам вашего давно заслуженного чина... Подполковника!

И тут же милостиво улыбнулся бывшему генералу, который мгновенно побагровел и раздулся, как болотная жаба, от еле сдерживаемого бешенства. И руки не подал Сычев, демонстративно показав Скипетрову надетые перчатки. Вот так-то, пусть знает свое нынешнее место бывший помощник атамана Семенова. И стало Ефиму Георгиевичу на душе приятно — унизив выскочку, он отомстил за давнюю обиду.

Сычев повернулся спиной и хотел пойти за Вологодским, но тут по затылку словно

стеганули кнутом, настолько острым было мысленное ощущение. Генерал чуть повернул голову, и его тут же ожгли ненавидящие глаза.

Смотревшего на него он узнал сразу. Еще один самозванец на его голову, бывший командующий разгромленной десять дней назад эсеровской НРА, бывший штабс-капитан Калашников. Ну, этому есть за что ненавидеть, решил генерал, и тут до него дошло — ненависть понятна, но почему глаза эсера светятся и торжеством одновременно.

Звериный инстинкт мгновенно проснулся в генерале, Сычев ощерился, словно волк, попавший в капкан. А потому успел отреагировать, когда из застывших рядов штрафников выскочил солдат и вскинул револьвер.

И словно в кинематографе стали медленно крутить ленту — так, будто тягучий песок, все потянулось перед глазами генерала. Солдат выстрелил в Вологодского — Сычев увидел, как от лица премьер-министра полетели капли крови. И тут же падающего Петра Васильевича заслонили офицеры, лихорадочно расстегивая кобуры.

Ефим Георгиевич выхватил свой наган и вскинул его, наведя ствол на террориста. И в то же мгновение понял, что он сам у него на мушке. Грохнул выстрел, за ним другой, и на какую-то долю секунды Сычев растерялся — ведь ни он сам, ни этот боевик не стреляли. И только сейчас потянул за спусковой крючок. Наган жажнул, немного подбросил руку вверх.

Револьвер террориста выплюнул клубок белого дыма, и в сердце что-то ударило, но не сильно. Генерал устоял на ногах и увидел, как падает на снег боевик, ничком, безвольно откинув руку и выронив свой короткоствольный «бульдог». Сычев воевал, много раз видел смерть, а потому сразу понял, что так падают только убитые. Он не промахнулся в боевика, стрелял точно в голову — рука до сих пор тверда.

— Твою мать! — сквозь зубы выругался генерал и посмотрел на свою шинель. Так и есть — точно напротив сердца, метким стрелком был покойничек, виднелась аккуратная дырочка.

Сычев похолодел, но почему он тогда не чувствует боли, и чуть ли не взвыл от страха, торопливо расстегивая крючки. Засунул руку за отворот и тут все понял. Пальцами он вытащил из кармана френча массивный серебряный портсигар — на нем была вмятина.

Генерал сложил в голове два к двум и все понял — «бульдожек» слабоват, не оружие, а пукалка для легкомысленных французов и их мадам с мадемуазель. Офицеры на него только презрительно фыркали — ствол короткий, а патрон слабый. Потому портсигар пуля и не пробила, оставив на толстой стенке вмятину.

— Спаси и сохрани! — громко обратился генерал с молитвой и тут же грязно выругался, помянув эсеров и прочих террористов до седьмого колена. Лишь потом посмотрел на Вологодского, вокруг которого копошились люди. И у ворот была суতোлка, а в глаза сразу бросилось лежащее на снегу тело в знакомом черном пальто с барашковым воротником.

Сычев непроизвольно сглотнул — комок в горле исчез. Мысль материальна — подумалось генералу, мечтал на веревку главу МВД подвесить, а его тут же того... Застрелили...

— Ваше превосходительство! Ваше превосходительство! Вы невредимы?! — Перед глазами материализовался главный адъютант Лыба, с бледным лицом и трясущимися руками.

— Да цел я! — громко отозвался Сычев и протянул капитану портсигар. — Он уберег, от пули защитил!

— Ух! — облегченно выдохнул Лыба и зачастил скороговоркой, возбужденно тряся руками. — Министра внутренних дел в упор, девка какая-то. Орала: «Смерть предателю партии»! Два в голову, а третий в грудь! Напоевал!

— А что с премьер-министром?! — Внутри у Сычева похолодело, смерть Вологодского была очень некстати.

— Повезло, Петру Васильевичу, в трех рубашках родился! — ликующим голосом сообщил

капитан.

— Пуля касательно переносицу зацепила. Разбила, конечно, крови много. Но цел его высокопревосходительство. Даже контузии вроде бы не получил. Идите к нему, ваше превосходительство, он звал вас!

Сычев на негнущихся ногах резво подбежал к председателю правительства. Вологодский гневно сверкал глазами, прижимая к переносице окровавленный платок.

— Ваше высокопревосходительство! Петр Васильевич! Пожалуйста в машину, вам в больницу нужно!

— Отстаньте от меня, сейчас поедem! — отшил Вологодский суесящихся вокруг него свитских. И повернулся к Сычеву.

— Ефим Георгиевич! Немедленно телеграфируйте полковнику Арчегову о случившемся. Это эсеры! Опять за револьверы и бомбы взялись, террором напугать хотят!

— Эту партию нужно немедленно запретить! Убийцам не место в Сибири! Их нужно стрелять как бешеных собак! — Сычева заколотило от бешенства, он только сейчас осознал, что минуту назад он сам мог лежать на этом снегу — холодеющий и бездыханный.

— Я сам слышал, как эта суч...

Вологодский поперхнулся, закашлялся и смущенно прикрыл рот. Даже сейчас, когда он был готов выругаться, его натура взяла верх.

— Я сам слышал, как эта террористка кричала нам «предатели». Но лучше предать их революцию, которая губит Россию и Сибирь, чем собственными руками принести народ свой на алтарь кровавой междоусобицы!

Вологодский заговорил быстро, с видимым надрывом и трагичностью в голосе. Премьер-министр уже полностью пришел в себя и тут же стал выполнять свой долг, понимая, что сказанные им слова через несколько часов станут всеобщим достоянием, их будут передавать друг другу.

— Они не запугают нас! Зря стараются! Но мы дадим им на эту подлую выходку достойный ответ. Смерть Павла Дмитриевича, этого прекрасного человека, патриота, за свои убеждения познавшего каторгу, но верного своему народу, не останется безнаказанной! И пусть не надеются избежать расплаты! Она настигнет организаторов этого подлого убийства, и гнев народа обрушится на их головы!

Военный министр слушал Вологодского в пол-уха. Только сейчас он понял, что вчера мысль об отставке не зря пришла ему в голову. Момент для этого сейчас очень удобный. Сослаться на покушение и испросить отпуск для поправки здоровья. Заодно назначения на должность атамана родного Амурского войска попросить. Военное министерство, троянского коня и прокрустово ложе для него одновременно, нужно отдать Арчегову. Он молод и справится, за ним поддержка Вологодского и правительства. Тот будет благодарен Сычеву за столь широкий жест, а таким покровительством стоит заручиться. Да и ни одна собака не упрекнет в стяжательстве или трусости, на Амуре партизаны господствуют на большей части территории. И тут генерал неожиданно вспомнил ненавидяще-торжествующий взгляд, что кольнул его в спину несколько минут назад. И вздрогнул от понимания, что яркой вспышкой озарило его. И Ефим Георгиевич закричал:

— Хватайте Калашникова, он не должен уйти!

Черемхово

— Ваше превосходительство! Вам экстренная телеграмма из Иркутска! — Адъютант,

бледный как мел, протянул полковнику Арчегову листок бумаги. И добавил звенящим от гнева голосом:

— Я только что говорил с Иркутском по телеграфу!

Командующий армией прочитал телеграмму, нахмурился, заиграл желваками на скулах. Затем спросил адъютанта таким страшным голосом, что граф Келлер, находившийся в салоне, непроизвольно приподнялся в кресле.

— Какие есть подробности?

— Петр Васильевич ранен в переносицу, но пуля зацепила касательно. Довольно сильное кровотечение и легкая контузия. Военному министру генералу Сычеву пуля попала в грудь, но угодила в портсигар. Большой кровоподтек и межреберная контузия. Министр внутренних дел Яковлев убит двумя выстрелами в голову, еще одна пуля попала в грудь. Все террористы схвачены, организаторы тоже. Ими оказались бывшие члены Политцентра Линдберг и Калашников. Они уже дали признательные показания. Яковлев убит по решению ЦК партии эсеров за предательство. И еще одно — генерал Сычев настоятельно просит вас принять у него военное министерство и немедленно прибыть в Иркутск. Вологодский уже одобрил это решение.

— Немедленно отправьте телеграмму Петру Васильевичу от моего имени. Армия возмущена коварным нападением на вас и военного министра. И желает вам быстрой поправки от ран. За подлое убийство министра внутренних дел Яковлева партия социалистов-революционеров должна быть немедленно запрещена. Ее члены должны дать подписку в течение 48 часов. Всех эсеров черновского толка, как союзников большевиков, ведущих подрывную работу в Сибири, объявить вне закона, семьи выслать за границу, а имущество конфисковать. Необходимо запретить любые организации и партии левого направления как деструктивные, ведущие Россию в пропасть. Армия помнит завет убитого эсерами Петра Столыпина, чью судьбу они хотели приготовить и вам. «Им нужны великие потрясения, а нам нужна Великая Россия! Не запугаете!» Поставьте мою подпись.

— Извините, Константин Иванович, — Келлер встал с кресла. — Разрешите и мне поставить свою подпись, я полностью разделяю изложенное вами.

— Хорошо, Федор Артурович! И еще, — Арчegov глянул на адъютанта, который торопливо дописывал в блокнот надиктованное.

— Добавьте следующее. Принимаю на себя должность военного министра с отправлением обязанностей командующего Сибирской армией. Генерала от кавалерии графа Келлера назначаю командующим 1-м Сибирским армейским корпусом, в который будут реорганизованы находящиеся в моем подчинении части. Прошу утвердить назначение. Принимайте командование над корпусом, граф, мне нужно отбыть в Иркутск.

— Есть, ваше превосходительство! — Келлер застыл по стойке «смирно», расправив плечи. Арчegov снова повернулся к адъютанту.

— Отправьте телеграмму войсковому атаману Оглоблину. Как командующий армией и военный министр отменяю отсрочку приговора осужденным членам Политцентра, находящимся под арестом вверенной вам дисциплинарной роты. Ввиду предательского нападения эсеров, развязанного ими террора, любое милосердие к подлым убийцам преступно. Приказываю привести отсроченный приговор в исполнение. Доложить при выполнении. Поставьте мою подпись.

Арчegov достал из портсигара папиросу, закурил, прошелся по вагону. Усмехнулся каким-то своим мыслям и, поймав вопросительный взгляд адъютанта, кивком отпустил его. А сам продолжал ходить по салону, Келлер покачал головой — старый генерал видел, что теракт эсеров сильно расстроил молодого командующего армией, на плечи которого свалилась

чудовищная ноша. Взять которую, как граф признался честно самому себе, никто не смог бы, а не то, что вынести. А этот вчерашний ротмистр сможет — Россия, наконец, дождалась своего нового Суворова, — припомнил он слова Колчака...

«Так, все просто отлично, — размышлял про себя Ермаков, не забывая стянуть лицо в привычную маску, хотя ему хотелось смеяться. — Насонов с Черепановым молодцы, такое дело провернули. И моя задумка с резиновыми пулями свою роль сыграла, правда, не так, как планировал. Вологодский эти дни панцирь под пальто носит, заставили. Но кто ж знал, что этот долбаный боевик в лицо стрелять будет, хотя ему Калашников раз семь сказал, чтоб стрелял в грудь — там цель больше. С Сычевым он так и поступил, вот только генерал оказался проворнее, и успел первым. Будь пули нормальные, и портсигар бы не спас. А Калашников полный дурень, его втемную „купили“, а он даже проверять не стал странные пули, поверил, что они отравлены. Тут мы Вологодского уберегли, а что в нос резинкой запулили, и то в благо. Теперь Петр Васильевич от иллюзий окончательно избавился, злее будет к этой сволочи, что готова Россию ради своих идей в пепелище обратить!»

Арчegov глухо выругался — в том времени он представить не мог, какими поганцами на самом деле были эсеры. И как их использовали большевики к своей выгоде. А потом выбросили, как использованный презерватив. Меньшевики туда же лезут — для них умозрительные социалистические идеи дороже родины, ради тараканов в голове, они готовы всячески вредить любым попыткам создания нормальной государственности.

— Все, игры закончились! Теперь я убедился, что опоры на серьезные слои населения у них нет. Воздействие на умы есть, а опоры нет. Да, нет. А потому им хана, этот теракт развязал нам руки. А за нами стоит поддержка, — Ермаков стал мысленно загибать пальцы. — Монархические слои, подавляющая масса казаков, старообрядцев и лояльных инородцев. А их вместе не менее трети от всего населения. Плюс большая часть старожильческого населения и обеспеченных новоселов, последних мало, но они есть. Добавим торгово-промышленные слои, мещан, большую часть горожан — еще 10 % наскребли. Это наша главная опора, примерно три пятых населения, 60 %. Колеблющихся вполовину меньше, но весомо, до 30 %, сейчас они одурманены агитацией, и многие в партизанах. Еще бы — падающего надо подтолкнуть... И ограбить! Тут наши мужички носом выгоду чувствуют. Однако ветер переменился, и они на нашу сторону готовы перевернуться. Мы можем дать новоселам пособие и льготы, облигации и часть чешского добра. Купим, короче. Ну а инородцам дадим автономию, тем, кого в казаки не причислим.

Арчegov прошелся по салону еще раз, снова закурил. Келлер слушал размышления вслух, и видел, как прояснилось лицо командующего, видимо, что-то придумал. Но старый граф сидел молча и тихо, будто его и не было, и только слушал и наблюдал — занятие это оказалось очень увлекательным.

— Упертых до 10 %, именно они заварили всю кашу. Пролетарии и каторжане, которых Керенский выпустил на волю, новосельная гольтьба, что работать никогда не будет, ибо познала, что слаще грабить. Ну и та интеллигенция, что социалистическим безумством охвачена. Мы таких или запугаем, граф, или уничтожим под корень. Если хоть одну тварь с партийным билетом в живых оставим, то эта гниль заново пойдет.

Арчegov остановился напротив Келлера и так посмотрел на него, что старый граф, помимо воли, почувствовал, как по спине пробежали ледяные мурашки. Он непроизвольно поднялся с кресла.

— Мы победим, граф! Иначе быть просто не может!

— Я знаю это, ваше превосходительство! — отчеканил в ответ Келлер и посмотрел прямо в глаза.

— Знание великую пользу приносит. Нужно еще и умение. Ваша военная репутация намного весомее моей, но дело в том, что гражданская война не есть межгосударственное столкновение. Людской потенциал, экономика, армия здесь вторичны. На первом месте здесь стоит борьба идеологий. И вот тут белое движение определенно проигрывает. Оно обречено, генерал!

— Но ведь здесь, в Иркутске... Да и в Красноярске...

Впервые граф выглядел несколько озадаченным, даже растерянным, и Арчegov улыбнулся.

— В Иркутске, мой генерал, произошло первое столкновение народившейся Сибирской армии с той красной сворой, что была в восемнадцатом году. Это так. А регулярная армия, пусть и плохая, в таком столкновении побеждает. Прошло две недели, и мы уже имеем боеспособную организацию, которая контролирует гигантскую территорию, Европа уместится, и еще одну впихнуть можно. Вот только белым движением это назвать уже затруднительно. Почему, вы так можете спросить. Да потому, что хотя в основе армии лежит «белое» ядро, но вот идеология начинает формироваться другая. И главное здесь — независимость Сибири. Если нам в ближайший месяц удастся заметно улучшить жизнь населения, то армия получит сильную подпитку. И война станет не столько гражданской, сколько межгосударственной. Борьбой сибиряков против красного большевистского нашествия, за спокойную жизнь на сытой и богатой земле. Вот так-то!

— А как же Россия?! Государь-император?! — В голосе Келлера звякнул металл. — На куски разволочь нашу несчастную державу?!

— Скажите, генерал, — голос Арчегова стал вкрадчивым, — что изучают школьники раньше — арифметику или алгебру с тригонометрией?

— Первое, — несколько растерянно сказал Келлер. Вспышка возмущения мгновенно прошла, и генерал ощутил себя мышкой, с которой начала играть мягкая и ласковая кошка. Только свои острые зубы и когти до поры и времени спрятала.

— У Екклесиаста сказано — время разбрасывать камни, время собирать камни. И собирать Россию будет Сибирь. К старому не вернуться, а потому надо создавать новую империю, на совершенно иной основе.

— И какой же, Константин Иванович, позвольте осведомиться?

— Неограниченной монархии быть не может! К чему может привести дурак на троне, мы уже видели. Или вы считаете самодержца Николая великим правителем?

— Тут я с вами согласен, — только и ответил Келлер на язвительность командующего.

— Пора покончить и с тем, чтобы столица всех учила жить, и ни за что не отвечала. Нельзя паразитировать им над Россией и считать, что так будет продолжаться бесконечно. Особенно по привитому принципу — я начальник, ты дурак. А ты начальник, я дурак. Или вы считаете, что вековое московское холопство полезно для развития страны?

— Нет, я так не считаю, — глухо отозвался Келлер, слова Арчегова жгли ему душу.

— А потому пусть составные части бывшей Российской империи будут иметь собственные правительства и законодательства, решать самостоятельно социально-экономические, культурные и прочие вопросы. Это относится и к казачьим войскам, у них вековой опыт внутреннего самоуправления. Пример есть, и серьезный. Британия отнюдь не слабой стала, когда предоставила права доминионов Канаде, Австралии и другим частям империи. И рядом с английскими дивизиями воевали австралийские, новозеландские и другие.

— И какое место вы отводите монарху? — В голосе Келлера не было язвительности, а один жгучий интерес.

— Он гарант прав и свобод всех составных частей Российской имперской федерации, или содружества, если взять пример тех же англичан. Главнокомандующий армией и флотом, ему

дают присягу в первую очередь. А чтобы в будущем не возникли центробежные устремления, то необходимо иметь три главных принципа, общих для всех частей империи.

— Интересно, никогда не думал о таком, — глухо сказал Келлер и попросил: — А какие это принципы?

— Единый рубль, обеспеченный золотом. Единая внешняя политика. И единый император, с правом вето, если кто-то попытается раскачивать государственную ладью. А право вето подкреплено армией, которая, как я говорил, дает присягу монарху, и лишь потом государству.

— Это ваше мнение или мнение правительства?

— За эту точку зрения высказались все министры Сибирского правительства. Ее, пусть и в неполном виде, доверять телеграфу нельзя, поддержал и сам государь Михаил Александрович, принявший титул царя Сибирского. А от данного шага недалеко и до императорского престола.

— Я понимаю, — отозвался старый генерал и с нескрываемым уважением посмотрел на Арчегова. — Полностью вас поддерживаю, можете в этом быть уверены, ваше превосходительство!

— Благодарю, Федор Артурович. Хочу вас спросить об одном — каково ваше мнение об увиденных учениях? Какие особенности бросились в глаза?

— Постоянный маневр частей, взаимная поддержка огнем, рассекающие удары в глубину позиций. Сильно удивили вы меня отработкой действий малыми группами, оснащение их пулеметами. Обильное оснащение, я бы так сказал. И связь, которую вы постоянно заставляете поддерживать. Но в то же время предоставляете инициативу командирам. Исходите из принципа — каждый солдат должен знать свой маневр?

— Да. Просто у нас мало солдат, и терять мы их не можем. А потому...

— «Сычам» армию вы не доверите. Прошу простить меня за бесцеремонность. Я сейчас подумал об одном — смогу ли я так воевать?

— Вы сможете, генерал. Но только вы, и никто другой. Есть в вас искра, и талант есть. Я видел, как вы занимались с казаками и егерями. А потому скажу вам честно — раньше я хотел использовать только ваше имя, но за эти дни убедился, что вы любите военное дело. И любите учиться. А потому доверяю вам свои войска — я их сам учил, берегите их. Это армия нового типа, и как только она получит новое оружие под новую же тактику, она станет спасением России. Наставления и новый устав отпечатаны и переданы в войска. Учите солдат и казаков самостоятельно действовать, генерал, больше нельзя воевать одной только кровью. Как умеют «сычи»...

Арчевов горько усмехнулся и закурил очередную папиросу, привычно смяв картонный мундштук. Во рту от табака горчило — эти две недели он смолил папиросы, что паровоз уголь. Но накуриться никак не мог, постоянный стресс выматывал его, опустошал без остатка. На секунду он вспомнил мягкое и податливое тело жены, ее ласковые руки, он жаждал хоть на миг преклонить голову к ее груди и хоть немного отдохнуть. И тут же взял себя в руки — если его, двухжильного, выматывал навязанный им же самим ритм работы, то каково другим.

Келлер смотрел на полковника с отцовской хитринкой — сейчас он был уверен в том, что знает, о чем думает этот выдавший виды и умный генерал. Да, генерал, так он называл его даже мысленно. И такая детская улыбка была на лице Арчегова в ту секунду, мечтательная, а ведь так только думают о жене и детях, но скорее именно о жене. А ведь командующий еще молод, очень молод...

— Сеня, так он такой же, как ты со Шмайсером, пришелец из будущего. — Михаил Александрович порывисто встал из кресла и прошелся по комнате. Возбужденно потер руки и потянулся к раскрытой пачке папирос.

У Фомина от удивления выгнулись брови — ведь Мики стал почти некурящим, и лишь в моменты радостного возбуждения мог засмолить папиросу. А тут взяли Красноярск, выбили проход на восток, захватили богатые трофеи, включая несколько миллионов нужных как воздух патронов, а на его вечно хмуром лице не было даже подобия улыбки. А стоило объяснить, в чем суть ППС-43, как императора будто подменили.

— И еще одно, Мики, — осторожно сказал Фомин. — Я догадываюсь, как этот незнакомец попал в тело Арчегова. Он, скажем так, не самозванец, а реальное лицо, правда, с совершенно иной «начинкой».

— Я понимаю, — Михаил в одно мгновение стал серьезным. Взгляд впился в друга, требуя объяснений.

— Тут еще один момент, мы со Шмайсером сломали головы, — Семен Федотович протянул листок той интригующей телеграммы. Император взял ее и стал негромко читать обведенное место.

— «К лету будет налажено производство „АКМ“ и „РПК“ под японский патрон 6,5/50». — Михаил поднял на генерала глаза и сказал: — Мне понятно про патрон, ведь винтовочный, к «арисакам». Указаны калибр и длина гильзы. Но что такое АКМ и РПК?

— И мне хотелось бы знать!

— Ну, вы хоть разобрались, что это за оружие?

— Мозговали, Мики, почти час. И пришли к следующим соображениям. Вначале я предложил вариант — автомат конструкции «М». Фамилий на эту букву превеликое множество. С ручным пулеметом то же самое, но тогда почему не указана буквой фамилия конструктора. Обслюнявили мои соображения и пришли к выводу, что они ошибочны, за исключением букв, обозначающих тип оружия. То есть автомат или ручной пулемет.

— Логично. Я думаю, тут вы правы. — Михаил в задумчивости почесал пальцем переносицу.

— И тут Шмайсера осенило. Патрон один, но и тип оружия может быть один. И конструктор один. Только пулемет, в отличие от автомата, имеет сошки для удобства стрельбы, длинный ствол и большую емкость магазина. Ведь ленточное питание для ручного пулемета не подходит.

— Так, так...

— А потому «К» есть фамилия оружейника!

— А что тогда «М»?

— Модернизированный вариант, — Фомин чуть хмыкнул, глядя на задумчивое лицо друга.

— А тогда почему пулемет не модернизировали?

— Резонный вопрос. Мы также им задались и прикинули варианты. Я тебе рассказывал об унификации оружия?! Может быть, их сделали похожими, допустим прикладами. Но с пулемета стреляют с упора, с сошек. А потому приклад к АК не подошел.

Или вместо деревянного приклада, автомат модернизировали и снабдили складным металлическим, как у ППС. Тот намного удобнее, и можно стрелять с рук очередями.

— Молодцы вы у меня! — Михаил возбужденно привстал, затушил окурок в пепельнице, и тут же потянулся за новой папиросой. Однако закурить не успел — дверь отворилась и в комнату вошел генерал Войцеховский.

— Простите, ваше величество! Но новости безотлагательные!

— Что случилось в городе? — вскинулся Михаил Александрович.

— Телеграмма от Каппеля или Молчанова? — тут же спросил Фомин. Таким расстроенным он Сергея Николаевича еще не видел.

— Я только что говорил по телеграфу с Черемхово, с полковником Арчegovым. В Иркутске эсеры перешли к террору. Убит министр внутренних дел Яковлев, ранены председатель правительства и военный министр. Генерал Сычев, по всей видимости, тяжело, так как сложил с себя должность. Военным министром назначен полковник Арчegov, оставаясь при этом командующим армией.

Войцеховский говорил напряженно, но при слове «полковник», Фомин уловил некоторые нотки сарказма. Он искоса глянул на Михаила, стремясь понять, уловил ли тот эту неуместную язвительность.

— Новый военный министр, с одобрения правительства, приказывает немедленно произвести массовые аресты эсеров, их партия объявлена вне закона. И взять подписку. Кроме эсеров черновского толка — тех немедленно предать военно-полевому суду. Участникам мятежей и террористам никакого снисхождения. Приказ адресован коменданту города.

— Выполняйте его, Сергей Николаевич, раз вы таковым являетесь, — тихо произнес Михаил Александрович. — Со своей стороны обещаю помощь. Полковник Макри со своим отрядом особого назначения и все военные юристы в вашем распоряжении. Приказ я отдам незамедлительно.

— Ваше величество, я...

— Когда у больного высокая температура, — неожиданно вмешался Фомин, понимая, что сейчас Войцеховский может наговорить резкостей, типа я не жандарм или каратель. — То прежде чем его лечить, сбивают жар. Так вот, эсеры и есть этот жар, если его не сбить, то высокая температура приведет к смерти. В отдельном случае человека, а в целом — государство. Вы, надеюсь, Сергей Николаевич, хотите спасения смертельно больной России? Лекарство противно, мерзостно, но оно необходимо. Но вначале надо сбить жар, а потом лечить организм. Сибирское правительство такое лечение начало. Теперь вы понимаете, почему в них стали стрелять?

— Да, понимаю, — Войцеховский несколько стушевался.

— Вам мало примеров Новониколаевска, Томска, Красноярска и Иркутска, — звенящим от гнева голосом проговорил Михаил Александрович и подошел к генералу, пристально глянул ему в глаза.

— Вам надо чтобы они дальше плели заговоры и стреляли нам в спину. Вы этого хотите? Или вы хотите увидеть, чтобы они застрелили и меня?! Ну, что ж, генерал...

— Ваше величество! Простите, я все понял. Приказ будет выполнен незамедлительно! — Генерал Войцеховский ожесточился лицом, на скулах заходили желваки. — Разрешите идти, государь?!

— Идите, Сергей Николаевич. Я надеюсь на вас!

После ухода командующего 2-м корпусом, Михаил Александрович еще немного прошелся по комнате и невесело рассмеялся, будто выдавливая из себя сарказм.

— А генерал сильно недолгобливает полковника Арчegovа, Сеня. С такой язвительностью напирает на чин. А сам уже запомнил, что всего два года назад был сам подполковником, а от Арчegovа его отделяла одна ступенька.

— Недолгобливает. Он же его любимых «братушек» под Иркутском раскатал. Я представляю, как генералы вскинутся, когда Сибирская армия подойдет. Такой разброд пойдет...

— А потому его надо на корню пресечь. Я подготовил Вологодскому телеграмму. Так как Арчegov категорически отказался от производства в генерал-майоры, а это говорит о том, что он

умный человек, то надо принудить его стать генералом. Я ходатайствую перед Петром Васильевичем об утверждении моими генерал-адъютантами тебя и Арчегова. С определенными правами и обязанностями. Вы сможете готовить армию к будущей войне, тогда как наши генералы, — последние два слова Михаил Александрович произнес с особым нажимом, в котором чувствовался невеселый смешок. И закончил твердым голосом, как рубанул шашкой.

— Будут готовить армию к вчерашней. Да еще они будут надеяться выиграть ее оружием прошлой войны. Я не желаю такого. Мы не настолько богаты, чтобы впустую растратить золотой запас империи. Хм... АКМ и РПК, значит. Хотелось бы мне посмотреть на эти штуки.

— Да и меня любопытство прямо распирает. Тогда давай подумаем, под каким соусом мы ему телеграмму отправим, Мики. Нам нужно поторопиться, времени в обрез!

Петровский завод

Интересная велась беседа в вагоне контр-адмирала Смирнова, командующего военно-морским флотом Сибири. Да и собрались за широким столом из пяти присутствующих трое, кто хоть раз, но оттоптал своим собеседникам любимые мозоли. И было отчего...

Кряжистый и плечистый походный атаман казачьих войск войсковой старшина Семенов был самым младшим и по чину, и по возрасту. Но именно он насмерть сцепился год назад с Верховным Правителем России адмиралом Колчаком, который как раз и находился напротив атамана. Вернее, уже бывший правитель и бывший адмирал. И орден святого Георгия 3-й степени на шее уже отсутствовал.

Слева от Колчака сидел в кресле бывший командующий Восточным фронтом генерал-лейтенант Дитерихс, уставив в стороны кончики своих знаменитых усов. Правитель отстранил его от должности, когда тот предложил начать эвакуацию заблаговременно, отдав красным столицу — Омск. Но прошло совсем немного времени, и город был взят красными, а в отступающей белой армии начались генеральские раздоры.

В начале декабря генералы потребовали у Колчака вернуть Дитерихса. Но тот отклонил предложение Колчака, заявив, что пока адмирал у власти, в армию не вернется. И вот они сидят за одним столом.

Двое других — генерал-лейтенант Лохвицкий и хозяин салона, сидели рядышком. Они хорошо понимали некоторую щекотливость момента, пытались сгладить острые углы, но напряженность не спадала. Дело было в том, что генералы снова были, фигурально выражаясь, «на коне». Правительство назначило их на высокие должности — командующими военными округами.

Николай Александрович Лохвицкий вернулся из Франции, где командовал Особой русской дивизией, посланной на помощь союзникам для борьбы с германцами. И вот он в Сибири, где успел какое-то время повоевать, пока Правитель не снял его и не отправил в резерв чинов в Иркутск.

Аналогичную должность, тоже за границей, но в Греции на Салоникском фронте, занимал и Михаил Константинович Дитерихс. Он в начале ноября 1917 года получил назначение начальником штаба Главнокомандующего генерала Духонина в Могилеве, прибыл в ставку и стал свидетелем жестокой расправы, устроенной большевиками и матросами Крыленко. Избежав страшной участи Духонина, которого красные, по их циничному заявлению, «отправили в Могилевскую губернию», Дитерихс оказался в Сибири. А после отставки Колчаком успел с семьей перебраться в относительно спокойный Китай, в зону отчуждения КВЖД.

И вот их выдернула из забвения сильная рука полковника Арчегова, и вскинула на высокие посты — Лохвицкого командовать Приамурским, а Дитерихса Иркутским военными округами. И отправившись к месту назначения, они встретились здесь, на станции Петровского завода, в Забайкалье.

Нет, здесь сидели русские офицеры, а потому в сторону Колчака никто не стал бросать камень, что было, то быльем поросло. Главное, нашелся офицер, что смог дать надежду на победу. И именно о нем зашла речь, но не в пересудах, чай не бабки на базаре. А в обмене мнениями о сложившейся ситуации. Первыми начали адмиралы, сразу и категорично выступив в поддержку всех начинаний молодого командующего армией...

Атаман Семенов задумался, он испытывал двойственные чувства, а потому тщательно подбирал слова, припомнив, как сдавал экзамены в училище. С одной стороны, Арчегов тот еще сын — его Григорий Михайлович сам выкормил, а тот свою игру затеял. Фортуна полюбила ротмистра, и сейчас он самого атамана за глотку взял, да так крепко держит, что ни вздохнуть, ни..., ветры, короче, не пустишь.

Но с другой стороны, благое дело сделал, а Семенов был патриот и монархист. А потому обида в душе сильно смягчилась и перестала жечь. Свой брат казак, и для казачества много сделал и будет делать. И генералов прижал, пусть и руками Сычева. Вот тут атаман и решил высказаться.

— Я думаю, Константин Иванович проводит необходимые реформы, они нужны. Александр Васильевич и Михаил Иванович, — Семенов чуть наклонил голову в сторону адмиралов, — полностью правы. Перемены назрели давно, и отмена того же «старшинства» позволит выдвигать на командные должности знающих и умеющих воевать офицеров.

— Я согласен с вами, Григорий Михайлович. — Слова никак не вязались с возмущенным голосом Дитерихса. — Но вот так просто отказываться от помощи знающих и заслуженных генералов несколько легкомысленно и свойственно молодости. И к тому же старшинство в чине позволяет регулировать порядок прохождения офицерами службы...

— Только в мирное время, уважаемый Михаил Константинович, — Смирнов сверкнул глазами. — А в войну должна играть решающую роль именно боевая репутация. Вы же сами знаете, что есть множество офицеров, с прекрасными послужными списками, но в бою совершенно теряющихся.

— Тем более мирное время вряд ли скоро наступит, — поддержал давнего друга Колчак. Взгляд Дитерихса метнулся к Лохвицкому за поддержкой. Он знал, что генерал недоволен Колчаком, когда летом тот убрал его из армии, несмотря на заступничество многих, в том числе и его самого.

— Я считаю, что командующий армией здесь прав. Те же генералы Ханжин и Артемьев просто растерялись, и ситуация стала критической. Если бы не решительность полковника Арчегова, то все закончилось бы катастрофой. Я был в Иркутске и видел ситуацию собственными глазами.

Заявление Лохвицкого удивило всех присутствующих, а самого Дитерихса больше всех. Он уже знал, что генерал чуть не стал «сычом», а потому вряд ли был должен поддерживать Арчегова.

Но, посмотрев в гневно сверкнувшие глаза, задумался, вряд ли Николай Александрович кривил душой.

— В отличие от военного министра, что увольняет всех огульно, его превосходительство согласился поговорить со мной. Мы беседовали больше часа. И знаете что, господа? Я почувствовал себя слушателем в академии, потому что командующий армией фактически экзаменовал меня. Но не только. Мы с ним говорили о боях на Западном фронте, и, понимаете,

откровенно меня «отвозил» за большие потери. А ведь я вдвое старше его! — Лицо Лохвицкого искажилось, но генерал тут же взял себя в руки.

— Он говорил мне о тактике действий штурмовых групп, той, которая позволила немцам в марте прошлого года трижды прорвать фронт. О танковой операции при Камбре и о возможностях танковых войск. Именно войск, а не отдельных танковых рот или батальонов. О массировании атак авиации, о... Да о многом говорили. И я чувствовал себя как юнкер, которому старый, заслуженный полковник объясняет азы тактики. И мне не стыдно признаться в этом! — Лохвицкий вскинул подбородок и ожег присутствующих взглядом.

— То же чувствовал и я, когда Константин Иванович растолковывал мне программу будущего развития русского флота и важность соответствия тактико-технических характеристик боевых кораблей и катеров, — звенящим голосом вклинился Смирнов. — А с Морского корпуса мы имели пренебрежение к «сапогам», простите за это слово, господа.

— Ну что может знать молодой кавалерийский ротмистр о питании операции, о нормах снабжения корпусов и дивизий боеприпасами, снаряжением и продовольствием?! — в сердцах воскликнул Лохвицкий.

— Он знает это намного лучше меня, да что там говорить. У меня только представление о том. Хотя я, в отличие от него, академию закончил. Не может он это знать, но знает же ведь! Константин Иванович мне рассказал, ничего не утаивая, как он готовил Глазковскую операцию, как осуществил прорыв бронепоездов, как наладил взаимодействие между флотом и армией. С вами, Михаил Иванович, вы же воевали вместе и видели, как он действует! Это военный гений! Да, господа! Я выполню любой его приказ! И нет стыда признаться, что у него есть чему поучиться даже заслуженным генералам! Я отвечаю за свои слова!

Лохвицкого прорвало, лицо покраснело — генерал говорил все, что у него накипело в душе. Генерал Дитерихс слушал оторопело, чуть не выпучив глаза. Адмиралы многозначительно переглянулись, и Семенов уловил этот молчаливый разговор. Они явно знали больше Лохвицкого.

И тут Семенова ослепила мысль в мозгу — в Иркутске не Арчegov, а некто другой. Ротмистр не просыхал от водки, какая там морская программа, если он броненосец от миноносца не отличит. И знать о том, как действовали на Западном фронте немецкие штурмовые группы или английские танки, он не может по определению.

Сам Григорий Михайлович говорил с Арчegovым много раз, но никаких проблесков таланта, не говоря о гениальности, не ощутил. Обычный кавалерийский офицер, любитель «цука», на бронепоезда был поставлен за неимением лучшего. Тем более что знающие офицеры наотрез отказывались служить на шпалированных убожествах, прекрасно понимая, что первая же граната или шрапнель, поставленная на удар, превратит их в пылающий катафалк. Нет, тут что-то неладно. Надо в этом деле разобраться тщательно и осторожно, благо в городе на Ангаре у него имеются люди, которые могут помочь в этом запутанном деле.

Иркутск

— Зачем так, — Арчegov недовольно поморщился, но ничего другого сделать не мог, только смириться. На перроне у парадного входа вокзала, который между собой путейцы называли губернаторским, толпились встречающие. Его самого, ставшего в одночасье еще и военным министром.

За ними ровными шеренгами выстроился казачий взвод. Станичники были одеты по форме. Но с белыми ремнями, туго затянутыми на шинелях с накинутыми башлыками. Именно ремни

бросились в глаза — ведь белый цвет полагался только гвардии, в которой иркутские казаки никогда не служили.

Арчegov отошел от окна и нахмурился. Криво улыбнулся — «привыкай, брат, к почету. По „железке“ с бронепоездом ездить будешь, с постоянной охраной ходить, да почетный караул приветствовать. Ныне ты не хухры-мухры, а военный министр и командующий армией. Удавиться можно».

Сходил со ступенек вагона Константин несколько вальяжно, раньше он просто прыгивал. Но тут, как говорится, положение обязывает. Адъютант поддержал его за локоток, а сам полковник придерживал рукой шашку, которая так и норовила залезть между ног и принудить его к падению. Обошлось, и Константин остановился, глядя, как к нему, взяв под козырек, чеканят шаг два генерала. Атаман ИКВ Оглоблин и и.о. начальника Иркутского военного округа и одновременно и.о. начальника Генерального штаба и заместитель военного министра генерал Вагин, получивший этот чин вчера во второй раз. Первое производство было еще при Колчаке.

Вокзальные фонари тускло светили, но главное освещение давала яркая луна, да и россыпь звездочек ей в подмогу. Выслушав доклады генералов, Константин подошел к строю и поприветствовал казаков, получив в ответ их дружное рывканье с повышением до «вашего высокопревосходительства». Да уж, чем меньше народа в государстве, тем больше чинов и прочей начальственной мишуры. Недаром половина генералиссимусов и фельдмаршалов приходится на страны, которые и на карте толком не разглядишь, только если лупу в руки взять.

— К Петру Васильевичу немедленно, потом отдыхать. Завтра с утра заеду к Ефиму Георгиевичу!

Генерал Вагин послушно кивнул и отошел отдать распоряжения. К Арчegovу сразу подошел атаман Оглоблин и тихо произнес:

— Ваше приказание выполнено! Эсеры ликвидированы!

— Надеюсь, без шума? — осведомился Арчegov, выстрелы в центре города могли вызвать нездоровый интерес.

— Мой помощник есаул Лукин по одному вызывал их к себе, а там колотушкой по голове. Ни один не пискнул. Тела на подводы погрузили, и в прорубь на Ангаре у Ушаковки покидали. Улицы пустынные — комендантский час. Полночь близится.

— Кх, кх, — поперхнулся Константин. История повторяется, какие бы выкрутасы до того она бы ни делала. В *прошлый* раз членов Политцентра казнили на ледоколе «Ангара», их по одному выводили на палубу, а там Лукин насмерть бил по голове. Тело затем скидывали в Байкал, под крошащийся лед. Вот так-то. Сейчас произошло почти то же самое, только без ледокола дело обошлось. Вот такая гримаса истории.

Жалости к жертвам, как ни странно, Константин совершенно не испытывал. За эти дни он прочитал десятки документов и донесений, в которых описывалось, что творят красные и особенно партизаны. Колотушка Лукина жалкий лепет и верх гуманизма, если цинично признаться.

В *той* жизни Костя носил пионерский галстук и маршировал в дружине, названной именем легендарного партизана Бурлова. А что делает сей достойный муж сейчас? Летом прошлого года приказывал убивать крестьян, что отказывались поддержать партизан. Способы умерщвления различные — любой маньяк удавится от зависти. Одна Сизовская резня чего стоит, когда семью казака Сизова, чьи предки назвали остров на Ангаре своей фамилией, истребили. Мороз по коже и рвота, когда прочитал. А сейчас лютует, как Дракула, под лед живыми людей спускает, что красную власть принимать не желают. Но не он один такой — другие партизаны тоже зверствуют.

Или еще один «герой» революции, чьим именем что только не названо было в то время и

которого похоронили у парка культуры и отдыха. Типа — идете на отдых, поклонитесь пионеры «дедушке» Каландарашвили. А отдыхать будете на костях своих предков, попирая ножками их могилы, — парк-то разбит прямо на кладбище. Памятники снесли, детские площадки и аттракционы построили, и веселись, детвора. И рачительность коммунисты проявили — чего памятники выбрасывать, камень хороший, добротный. И приспособили в основание дома на Горького, и сверху прикрепили — «авиакассы». Летайте самолетами! Красота! Аж слезу вышибает...

А погибший от пуль казаков в Якутии «дедушка» тот еще кадр, очень пылкий грузин. Сослали из теплой Картлии в холодную Сибирь, тут он и прижился. Под теплым боком вдовиц. Вернее, мужа они теряли после того, как с молодым джигитом сходились, потеряв голову в пылу огненной страсти. А дальше стаканчик вина с цианидом или подушка на личико пьяному супругу, и на погост относит. А «герой», прибрав к грязным ручонкам барахлишко и золотишко, бросал любовницу, отчаливал и приставал к «новому теплему бережку». А отвергнутая «любовь» молчала, как в рот воды набрала — не на себя же в полицию доносить.

Но карьера брачного афериста для джигита была лишь хобби — больше он любил фальшивую денежку гнать стахановскими темпами. Ну а когда революция началась, то полная лафа наступила. Сколотил грузинскую дружину, и во время боев в городе принялся потрошить обывателей, устанавливая Советскую власть. Потрошить в прямом смысле — юнкера часто отлавливали борцов за революцию с золотыми серьгами и перстнями, которые, из доблести, те срезали вместе с ушами и пальцами. И искренне недоумевали, за что же их эти злые мальчишки в погонах норовили штыком пырнуть. Ведь они за революцию дрались! За лучшую жизнь!

«Пламенных борцов» за отъем чужого добра, коммунисты не забыли, улицы их именем называли, пионеры рядами маршировали. Ну а биографии историкам изрядно подправлять пришлось — вернее, большую часть они попросту вырезали, ну а меньшую переписали, дополнив и обновив, согласно требованиям текущего момента и указаниям партии. Недаром Ильич говорил, что историю должны писать победители! Вот только после такой правки можно назвать то, что получилось, историей?

Константин поежился на холодном ветру — автомобиль дребезжал так, словно был готов на ходу рассыпаться, как легендарная «Антилопа-Гну». И задумался над той кровавой вакханалией, что творилась сейчас на территории огромной страны. Да, белые убивали, иногда и невинных, но чаще пороли, чем вешали. Это была не целенаправленная политика, а именно эксцессы. Никому и в голову не приходило уничтожать *слоями*. Даже тасеевские партизаны, и те не уничтожались. Колчак подписал закон об их выселении, и только. Случались казни, порой часто, но в тюрьмах было много коммунистов и эсеров, и их предавали суду, причем смертных приговоров выносилось до прискорбности мало.

А вот ходатаев было пруд-пруди — «несчастливых» жертв белого «террора» выпускали на поруки, и те охотно брали в руки оружие. Причем некоторые ухитрялись сделать это несколько раз. Но нет — красных и белых поставили на одну доску, мол, убивали они все. Да, убивали, но масштаб каков у красных. Террор введен в статус государственной политики, уничтожение целыми слоями и сословиями. поголовное истребление недовольных!

За эти дни Константин прочитал массу трофейных директив, благо из Омска вывезли, одна по казачеству чего стоит. Волосы дыбом встают — ни один генерал даже сотую долю такого не помыслит. А белых рядышком в его время ставили — террор, мол, обе стороны вели. Как в скверном анекдоте, когда адвокат насильника негодуяще указывает перстом на жертву. Мол, я, конечно, все понимаю. Но мой подзащитный сам стал несчастной жертвой своего сексуального возбуждения и попытался его удовлетворить в несколько непривычной форме. Но то была всего лишь легкая эротическая фантазия! И эта женщина должна была помочь ему в этом, и, может

быть, она сама получила бы от этого удовольствие! Но вы посмотрите, как эта стерва и мерзавка ему лицо исцарапала...

Встреча с Вологодским не состоялась — премьер принял снотворное и спал, а врач попросил не будить Петра Васильевича, если в этом нет крайней необходимости. Таковой не имелось, и Арчegov поехал в станицу вместе с Оглоблиным — отказывать атаману в его давней просьбе, Константин считал невозможным. Тем более завтра Рождество Христово — большой светлый праздник, разговение после поста. Жаль, что жена в Михалево...

На казачьих улицах был полный порядок — Спасская станица хорошо охранялась конными патрулями, и Ермаков впервые увидел, как в старом кинофильме, настоящий казачий быт и устройство. Богато жили станичники, справно. Теперь и он будет жить вместе с ними, домом здесь обзаведется.

Усадьба атамана встретила их освещенными окнами, там их приезда ожидали. Арчegov вопросительно посмотрел на Прокофия Петровича, но тот только загадочно улыбнулся. Сердце в груди учащенно забилося, Константин прибавил шагу и птицей взлетел на крыльцо. Открыл рывком дверь, миновал холодную комнату и зашел в горницу.

Теплый воздух пахнул в лицо, снежинки с ресниц растаяли, и влага попала в глаза. Целую секунду он потратил, чтобы проморгаться, а потом увидел ее — нарядную, долгожданную, любимую...

Глава шестая

Один ответ, другого нет...

(19 января 1920 года)

Иркутск

Еле слышное кукареканье соседского петуха, ошалевшего сидеть в тесном курятнике, донеслось до сонного разума, подобно грохоту колокольного била. Привык за эти дни Арчegov просыпаться по этому пернатому будильнику. Хотя поначалу даже решился попросить бородатого казака прирезать хвостатого, больно выматывался и хотелось выпасться.

И тут он ощутил, как лба чуть коснулись теплые губы жены, услышал ласковый шепот: «Поспи еще немного, мой генерал, поспи, любимый».

И правда, как военное министерство принял, так даже не мылся ни разу в бане, хорошо, что жена дома, а то бы и не поел толком. На службе только чай с бутербродами в лучшем случае. Работы непочатый край, хоть вешайся — Сычев приличный воз тянул, теперь за двоих приходится. Хорошо, что Дитерихс приехал — теперь хоть обустройство округа на него взвалил...

Мысли окончательно разбудили Ермакова — новый день начался. По привычке он хотел вскочить с широкой и мягкой кровати, но тут в голову пришла идея: «А может, устроить себе расслабуху на пару часов?»

— Солнышко, дай испить, во рту пересохло. — Он приоткрыл глаза. За окошком рассветало, но было еще темно, а свечи Нина не зажгла. К чему бы это?

Но не успел подумать, как ласковая рука жены приподняла его за спину, а к губам ткнулся стакан.

— Ну что ты, как ребенка, право слово, — проворчал Костя, но заботливость жены ему пришлась по сердцу. Теплый компот выпил большими глотками и повеселел.

— Покури, милый. — В пальцы была втиснута уже закуренная папироса, и тут Ермаков разом проснулся. Такого еще не было — Нина настояла, чтобы он не курил в спальне, а тут сама подала, да еще раскурила. Вопрос снова возник в голове — к чему бы это? Но мысль тут же свернула на насущные проблемы — ожидает их через пару часов комфортабельный вагон военного министра, в котором он, со всей семьей, да, да, Ниной и Ваняткой, отправятся в Красноярск. Правда, он сам заскочит в окружной штаб, а жену с сыном доставят прямо на вокзал.

За сутки дочапают до Нижнеудинска, а там с утра один хороший рывок через опасную зону, где свирепствуют партизаны, до Канска. Там ночь придется стоять, под надежной охраной бронепоездов и иркутских казаков. С рассветом эшелоны двинутся к Енисею, а вечером он уже плотно поговорит с этими «попаданцами», крепко поговорит...

Жена прилегла рядом, прижалась горячим крепким телом, и мысли сразу улетучились — ее ласковые пальцы гладили его по груди и животу. Косте было приятно от Нининых прикосновений, более того, она вскоре стала его пощипывать, довольно шаловливо.

— Милый, а ты не забыл со службой, что у нас медовый месяц еще? — Волнующий, с придыханьем шепот обдал ухо. Тут Костю бросило в краску стыда, и было от чего. Дома жена-красавица, а он как приплетется со службы, поест, и сразу на боковую — три часа сна выгадывает. Уставал зверски все эти дни, как приехал из Черемхово.

— Мы с Рождества не миловались, а сейчас Крещение. — Посвягательства жены приняли настолько откровенный характер, что Ермаков стал разгораться. За ночь он отдохнул, а мысли о делах улетучились из головы.

— Костик, мне нужны пять рублей, золотом...

Неожиданная просьба озадачила мужа, и он приподнялся на локте. И спросил, непонимающе глядя на жену:

— Деньги же у тебя все, ими и распоряжайся.

— Ты не понял, любый. Вспомни, как ты говорил Петру Васильевичу. — Нина чуть приподнялась и заговорила, довольно точно пародируя его голос: неужели он такой скрипучий и жесткий?

— Для увеличения призывных контингентов к сороковому году требуется поощрить рождаемость для исправления демографического ущерба, нанесенного войнами. А потому выплата полуимпериалами за каждого новорожденного должна стать государственной политикой.

Нина посмотрела на вытянувшееся лицо мужа и счастливо засмеялась. Потом добавила и просящим, завлекательным шепотом:

— Ванятке нужен братик или сестренка, а лучше близнятки. А милый?! Где я их возьму, если ты дома наездами, а в постели спать норовишь?! А это от меня задаток!

Жена откинула с себя одеяло, и Костя задохнулся от вожделения, глядя на тугое, молочной белизны, тело. Как в Михалево, в их первую ночь. Но тогда он еще не знал, что это самый родной и близкий ему человек. А сейчас...

«А ну на фиг эту службу! Должен я себе хоть не медовый месяц, а медовый день сделать?! Рядом с любимой... Святое дело — супружеский долг. Тем более государственную программу выполняя!»

Красноярск

— Когда же мы последний раз виделись с вами, граф? — Михаил Александрович на секунду задумался, и улыбнулся. — А ведь ровно три года тому назад, в Крещение!

— Так точно, государь! У вас превосходная память!

Граф Келлер вздохнул. Он вспомнил те дни, ведь до отречения покойного императора Николая оставалось только шесть недель, после которого и грянула Смута.

— Тогда, надеюсь, вы меня пригласите в свой вагон, хочется посмотреть на знаменитый трофей военного министра. — Император посмотрел на салон и чуть скрипнул зубами. Союзники заграбастали все самое лучшее, стали, по сути, оккупантами, вершителями судеб, а хозяева на собственной земле превратились в просителей. И так бы стояли с протянутой рукой, а он сам и сейчас ехал на морозе в санях, если бы не решительность Арчегова, который непонятно кто и такой.

— Да, кстати, Федор Артурович, а когда прибывает сам?

Михаил Александрович надавил на окончание, и оглядел еще раз авангард прибывших из Иркутска частей. Увиденное впечатляло — три угловатых, с массивными башнями, бронепоезда дымили трубами. Их корпуса были разрисованы серо-бело-черными изломанными линиями, на тендерах старославянской вязью, в бело-зеленых цветах протянулись названия — «Блестящий», «Бойкий» и «Бодрый».

Возле двух эшелонов столпотворение, громкий смех и разговоры — шло братание солдат двух армий. Отступившей от Урала русской, и пришедшей от Байкала Сибирской. Вот только

внешний вид был чересчур разительный, режущий глаз. Первые в потрепанных полушубках и шинелях, а сибиряки в новеньких меховых куртках, многие в белых маскировочных накидках, нарядные и блестящие, словно только что отчеканенные пятаки.

— Сегодня до полудня выедет из Иркутска, ваше величество, — тихо ответил Келлер, и уже громче добавил: — Послезавтра будет здесь, один путь полностью свободен. Прошу вас пройти, государь.

В вагоне было тепло и уютно, просторный салон поразил императора забытым комфортом. Скользя глазами по обстановке, удобным креслам, накрытому зеленым сукном столу, мягким коврам, Михаил Александрович остановил взгляд на знакомом флажке. И усмехнулся в усы — чешский стяг навечно остался от прежних «хозяев», отнюдь не по доброй воле расставшихся с награбленным в России имуществом.

— Ваши солдаты просто великолепно выглядят, Федор Артурович. Я давно такого не видывал. Впрочем, иного от вас я не ожидал, граф!

— Они так же и обучены, государь. Только моей заслуги в этом нет! — ответил старый генерал и криво усмехнулся. Михаил Александрович удивленно поднял брови, хотя прямога Келлера вошла в русской армии в поговорку.

— Их выпестовал генерал Арчegov. Это его гвардия, если можно употребить это слово. С ними Константин Иванович вышиб чехов из Иркутска, за ним они пойдут куда угодно. Я их только сюда привел, и то дорогу для продвижения заранее очистили. Как раз для старика и дело...

— Не прибедняйтесь, Федор Артурович! Все равно не поверю, — ответил Михаил Александрович со смешком, посмотрел на бронепоезда и тут же заговорил построжавшим голосом:

— Под Мариинском закончились бои, красные вышиблены из города, но и наши корпуса полностью выдохлись. И так дивизии красных, 30-ю и 35-ю почти полностью уничтожили, их начдивы убиты. Еще одну, 27-ю, основательно потрепали, принудили к бегству. Так что ваши войска для нас просто спасение! Сколько вы привели, граф?

— Броневая бригада подполковника Белых здесь полностью. Это шесть башенных бронепоездов, их передали чехи, две блиндированные батареи, десантно-штурмовой и ремонтный батальоны, технические команды. Бригаде также придан 1-й Маньчжурский батальон майора Огаты. Это японцы, государь, даже в своей форме, только бело-зеленые нашивки на рукавах, вот и все отличие. Они с нашими и атаковали чехов в конце декабря.

— Даже так, — задумчиво протянул Михаил Александрович. Он уже знал, что восточный сосед поддержал Сибирское правительство, начал поставки вооружения и снаряжения. Но чтобы вот так направить свою военную силу, открыто?!

Но ведь Забайкалье и Дальний Восток буквально наводнены японскими войсками, чего же им стесняться. Один вопрос только — удастся ли потом вывести отсюда таких союзников, или они воспользуются силой, чтобы надавить на хозяев? Положение еще то!

— Японцы начинают постепенный вывод своих войск, — заговорил Келлер, будто прочитав затаенные мысли.

— Этот батальон укомплектован резервистами, что согласились служить нам за вознаграждение. Как и китайцы из 2-го Маньчжурского батальона. По крайней мере, мы так можем отвечать по поводу присутствия иностранных войск на нашей территории.

— Понятно.

Михаила Александровича все же одолевали сомнения, он понимал, почему колебался в свое время Колчак. Не вышло бы, согласно народной мудрости, которая во всей красе проявилась прошлым летом — «дорогие гости, а не надоели ли вам хозяева».

— С военным министром прибудет 1-я Сибирская стрелковая бригада в составе трех стрелковых и Маньчжурского батальона, артиллерийского дивизиона и саперной роты. В Канске к бригаде присоединится Иркутский казачий полк. В ней почти три тысячи штыков и пятьсот сабель. Плюс авиаотряд в десяток аэропланов, различные команды. Еще в Иркутске формируется 2-я бригада, примерно такого же состава. Вот и все наши силы, ваше величество, что входят в 1-й Сибирский корпус.

— Не густо, — резюмировал император, — я думал, что у вас намного больше штыков.

— Больше, государь. В Забайкалье 3-я стрелковая и три казачьих бригады. В Приамурье дислоцированы еще две бригады, 4-я и 5-я стрелковые. Несколько батальонов стрелков и егерей задействованы пока отдельными. Они заняты войной с партизанами. Как только будет сформирована государственная стража МВД, что возьмет на себя охрану, войска будут усилены за их счет. Это еще одна бригада.

— И то хлеб, — Михаил Александрович улыбнулся. — Наши силы удвоились, вот только распылены они по большой территории. Ну, то поправимо... Что еще хорошего можете сказать, Федор Артурович?

— В эшелонах обмундирования и снаряжения на десять тысяч солдат, с Арчegovым придет еще столько же, патроны, снаряды, продовольствие и фураж. Эшелон с углем из Черемхово.

— Хм. Богато вы живете!

— Так чехи нашими интендантами давно стали, ваше величество, исправными. Да и вы тут не сильно бедствуете, как я посмотрю, хотя польская дивизия победнее гуситов будет.

Собеседники понимающе переглянулись и весело засмеялись, несмотря на морозный воздух, щипавший иглами. Но через минуту Михаил Александрович снова стал серьезным и негромко спросил:

— Здесь много пересудов, генералы ропщут. Ответьте честно, граф, кто такой Арчegov? Сами понимаете, я произвел его в свои генерал-адъютанты не за красивые глаза. Но некоторое сомнение, скажем так, остается, ведь он молод. Справится ли он с такой ношей?

— Если бы сейчас воевали с германцами, я бы отдал ему свой корпус, а сам бы вернулся на дивизию. — В голосе Келлера еле слышно звякнул металл. — Он знает, как нам воевать сейчас и в будущем. И, главное, сможет подготовить армию. Это мое мнение, государь, от него я не откажусь.

— Я знаю, граф, вы человек, верный слову. Ну что ж, я рад, весьма обрадован, что вы развеяли опасения и укрепили в принятом решении. Спасибо, милый Федор Артурович. Теперь есть ответ Вологодскому. Я знаю, что мой человек нашел вас, потому вы здесь. Надеюсь, с ним ничего не случилось?

— Нет, государь. Он мне передал ваше письмо, и я немедленно уехал, попросив, этот грех на мне, у кайзера проезда в Швейцарию. А оттуда, через Америку во Владивосток Там и получил ваше второе письмо и деньги.

— Ну что ж, я рад, что все благополучно окончилось. Да, хочу вас спросить — у вас на стене карта, но почему там иголки торчат с разноцветными головками и нитками. Они что-то обозначают?

— Осталось в наследство от Константина Ивановича. Контроль над территорией и полосой железной дороги. Синие нитки обозначают ведение нами активных действий там против партизан. Белые — уже спокойные зоны, очищенные от повстанцев. Ну а красный цвет сам за себя говорит.

Император взгляделся в карту, и мороз жесткой щеткой прошелся по коже. Вдоль Ангары сплошная красная зона, на Лене тоже. На север и юг от Красноярска такая же печальная картина. Зато почти вся линия железной дороги в бело-синих цветах, а юг Иркутской губернии

так вообще одним белым обведен. В Забайкалье красного цвета много, но в восточной части. А по Селенге больше белого и синего, лишь торчат мухоморами кое-где красные булавки, да по Баргузину протянута кровавая нить.

— Сейчас, ваше величество, началась операция по очищению западного Забайкалья от красных, — уловив, куда направлен напряженный взгляд императора, тут же пояснил Келлер. — Туда брошен полк бронепоездов охраны и два батальона, переведена в Мысовую флотилия, на месте формируются три батальона стражи и два полка из казаков и инородцев. После умиротворения они усилят войска восточно-забайкальского фронта.

— Так, а здесь что будет делать военный министр?! — Палец императора ткнул в Ангарско-Ленское междуречье.

— Три дня назад отправлены две группы. Отряд войскового старшины Красильникова выступил по Лене до Якутии, формируя по пути местную стражу и полицию. Второй отряд, более сильный, под командованием атамана Оглоблина уже занял Балаганск — это войсковая территория. Дальше пойдет до Илимска, взяв местных партизан там в клещи и соединившись с Красильниковым. Летом, как установится навигация, можно будет на судах перебросить десанты и уже окончательно очистить Ангару от партизан на всем ее протяжении. Сейчас нужно подготовить и провести операции по очистке Енисея от партизан...

— Хорошая карта, — задумчиво проговорил император. И посмотрел на Келлера — тот взгляд правильно понял.

— Ее составляет по ежедневным сводкам генерального штаба полковник Степанов. Он был начальником штаба у Арчегова с первых дней. Знающий офицер, генерал отдал мне его с большой неохотой, лишь бы дело не потерпело ущерба, как он сам сказал.

— Граф, я хочу с ним поговорить.

— Слушаюсь, ваше величество, — Келлер нажал кнопку звонка, и почти сразу дверь в салон открылась, и на пороге застыл адъютант в ожидании приказа командующего.

— Пригласите Ивана Петровича, поручик!

Владивосток

— Смешно, милый Александр Васильевич, но я никогда не думала, что снова попаду сюда. — Анна Тимирева чуть улыбнулась краешками губ, глядя на раскинувшийся вдоль залива город.

— И название какое чудное. Владей востоком!

Колчак не отвечал, он стоял на чуть покачивающейся палубе вспомогательного крейсера «Орел», и с наслаждением, в полную грудь, вдыхал соленый морской воздух. Как давно он не был на море, на котором всегда чувствовал себя словно дома. И тут адмирал вспомнил, что еще не прошло и месяца, как события самым чудесным образом переменились, и из пучины отчаяния он попал на качающуюся под ногами палубу, осененную славным Андреевским флагом. И все благодаря одному человеку...

— Он очень странный, этот молодой генерал. — От голоса Анны Васильевны адмирал вздрогнул, и в который раз удивился созвучию их мыслей.

— Я вышла тогда погулять, когда ты говорил с Константином Ивановичем в купе. Вы долго с ним говорили, а потом Арчегов вышел из вагона и застыл. Я подошла ближе — он стоял и смотрел на закат, багровый круг, я хорошо запомнила. И знаешь что, милый Александр Васильевич, по его щекам текли слезы. Не от скорби, нет, я не думаю. Так плачут, когда затронуты самые благородные чувства. Такими слезами мужчины могут гордиться.

Колчак чуть отвернулся в сторону, и прихватил пальцами козырек фуражки — порыв ветра чуть не сорвал ее с головы. Он не отвечал Анне Васильевне, так у них порой проходили беседы. Она говорила, а ему нравилось вслушиваться в ее голос, что был подобен или журчанию ручейка, или легкому бризу. Адмирал очень любил такие редкие минуты, в которые чувствовал себя счастливым.

— Меня поразили его глаза — подернутые пленкой, они выглядели не по возрасту, так смотрят только старики. На секунду мне показалось, что он намного старше тебя, милый Саша, намного. Я не выдержала, подошла поближе и, каюсь, не удержалась от вопроса. Будто что-то меня толкнуло, и я тихо спросила, сколько ему лет. Константин Иванович как-то механически, будто и не человек вовсе, ответил, что тридцать семь, чуть сгорбился, и пошел как старик, потеряв сразу свою молодцеватую выправку. Это меня тогда удивило, ведь все говорят, что он возмутительно молод. Но это же не так?!

Колчак слушал голос своей запоздавшей любви и не внимал словам, но тут словно взвыл ревун, поднимая боевую тревогу.

— Что?! Что ты сказала?! Сколько ему лет?! — Адмирал чувствовал, как в груди растет напряжение, и если бы Анна Васильевна промедлила с ответом, то сердце выскочило бы из груди, настолько оно сильно забилось.

— Это он сказал, Александр Васильевич, — Тимирева удивленно посмотрела на побледневшего моряка. — Что ему тридцать семь лет.

Под флотской шинелью в один миг стало невыносимо жарко, и адмирал машинально расстегнул несколько пуговиц дрожащими пальцами. В голове роем проносились мысли, его затрясло.

— А вон и Михаил Иванович, — Анна Васильевна показала рукой на автомобиль, что распугал гудком собравшихся на пирсе. Потом посмотрела на Колчака и заботливо спросила: — Александр Васильевич, что с тобой?

— Просквозило немного, озяб. — Адмирал не хотел говорить правду.

— Ты же в фуражке и шинели, — Анна Васильевна нежно коснулась его щеки, но тут же опустила руку. — Пойдем в каюту, попьем чаю! А там и Миша подойдет.

Они медленно пошли по палубе на ют, спустились вниз — Колчак бережно поддерживал свою любовь, непривычную спускаться по железным трапам. В каюте было тепло, чуть вибрировал пол — машины крейсера работали на холостом ходу. Отправив вестового за чаем, адмирал снял с Анны Васильевны пальто, сам повесил на «плечики» и убрал в шкафчик.

Они только присели на диван, как в дверь громко постучали и в каюту вошел командующий флотом Смирнов. Колчак хорошо знал своего старинного друга, а потому сразу понял, что случилось нечто экстраординарное, — на том лица не было.

Тимирева, с милой улыбкой, сослалась на какую-то важную необходимость и вышла из кабинета. Умная женщина видела, что морякам нужно переговорить наедине.

— Получены новости из Севастополя, Александр Васильевич, и важные. — Смирнов сразу взял быка за рога, присев в кресло. Колчак устроился напротив на диване, таковы законы флотского гостеприимства. Пусть даже друг и комфлот, но «Орел» уже поднял его вице-адмиральский флаг.

— Командующий Черноморским флотом Саблин начал эвакуацию войск генерала Бредова из Одессы. Докладывает, что уговорить «сапога» удалось с трудом, тот хотел отходить в Румынию, но последняя отказалась принимать наши части. — В голосе контр-адмирала звучало такое ехидство, что Колчака передернуло. Он не понимал причину, и оттого пожал плечами.

— Ты не удивлен? — только и спросил Смирнов, криво улыбнувшись. — Тогда добавлю, что Саблину удалось увести с Николаевских верфей недостроенные на плаву корабли, среди

которых крейсер «Адмирал Нахимов», два «ушаковца», «барсы» и прочие корабли и суда. И списочек приложил, господин командующий, отрапортовал.

— Миша, не ехидничай. Я действительно не понимаю причину твоего ерничества, когда нужно радоваться. Одессу не удержали, это плохо. Но армию и корабли увезли, что не может не радовать.

— Я и радуюсь, Александр Васильевич. — Смирнов сразу стал серьезным, с лица словно смахнули кривую ухмылку. Он расстегнул карман кителя и достал листки бумаги. Положил на стол.

— Это моя телеграмма Саблину, отправленная еще до Нового года, я еще был морским министром. А это его ответ, прочитай. Он искренне удивляется моей прозорливости, что меня и взбесило.

Колчак взял два листка и впился в них взглядом. По мере чтения лицо адмирала вытянулось, а брови выгнулись. Изумление было настолько велико, что даже хваленая английская выдержка, привитая гардемаринам в Морском корпусе, дала сбой.

— Мне понятны корни твоего «предвидения», Михаил Иванович. — Лицо Колчака стремительно побледнело, затем вспыхнуло от ярости.

— Он знает о событиях задолго до того, как они произошли, и даже тогда, когда генералы не только колеблются в принятии нужного решения, но еще не думают над таковым. Да еще Константин Иванович странным образом заглядывает через плечо в дела румынского кабинета, зная об их декларациях за две недели до обнародования таковых.

Листки были скомканы и зашвырнуты в угол, Колчак вскочил с дивана. Смирнов быстро привстал с кресла, стараясь успокоить друга и бывшего начальника — у того началась знаменитая истерика. Но каким-то невероятным усилием воли вице-адмирал взял себя в руки и так резко опустился на диван, что кожа обивки протестующе скрипнула.

— Знаешь, Миша, что мне сказала Анна Васильевна за полчаса до твоего прибытия? — Голос Колчака стал ровен, будто припадка не было и в помине. И адмирал коротко, рублеными фразами, передал содержание ее слов. Смирнов вытер пот со лба.

— Так-с... И что сие означает?

— Многое, Миша, очень многое. В расстройстве или сильной усталости наш генерал проговаривается, и тем дает возможность поразмышлять над загадкой. Он обронил про «Нагато» и «Муцу», обмолвился про свой настоящий возраст, а это почти на десять лет больше, чем в послужном списке. Вот так-то, Михаил Иванович.

— Тогда, выходит, — лицо Смирнова ожесточилось, — что он мне... Что он нам лгал?!

— Ты торопишься с выводом, — Колчак, напротив, полностью успокоился и, протянув руку к портсигару, взял папиросу. Чиркнул спичкой, прикурил — пальцы адмирала не дрожали, движения были уверенными.

— Он не лгал нам, Миша! Он просто не говорил всей правды! А это совершенно иное, ты сам понимаешь! Вспомни наш разговор с Николаем Георгиевичем?! Ведь он первый уловил неясности, когда произошел его конфликт с ротмистром в Порт Байкале! О чем и рассказал нам весьма подробно, и не скрывая своих изысканий.

— Каприз Фомин тогда был не прав...

— Дело не в том, Михаил Иванович. Видишь ли, уже тогда многим бросилось в глаза, что ротмистр Арчegov и генерал Арчegov два совершенно разных человека, отличных от друг друга по разговору, поведению, образу жизни да знаниям, в конце концов.

— Подмена? Брат-близнец?! — Смирнов пожал плечами. — Зачем все это? И в поезде? Где люди знают его как облупленного! Да жена та же? Что она, новая Марина Мнишек, чтоб за очередного «Лжедмитрия» замуж выходить? Извини, Александр Васильевич, но я общался с

Ниней Юрьевной не раз или два, на свадьбе у них был...

— Я не говорил о подмене. — Голос Колчака менялся, как ветер, от «свежего» до штиля. — Ты слышал о людях, одержимых бесом?

— Ты хочешь сказать...

Смирнов оторопел и с некоторым испугом посмотрел на Колчака. Тот поймал взгляд друга и рассмеялся.

— Не то, что ты подумал, совсем не то! Ты же с ним в церкви был, там и я в свое время венчался. — На последних словах адмирал нахмурился, он если не любил, то очень уважал свою жену.

— Так что лукавый ни при чем! Я случаи припомнил о непризнанных гениях, что свои открытия задолго до их появления в жизни сделали. И будущее предсказывали, причем верно. Это было либо великое озарение, которое и Откровением назвать можно, либо...

— Либо в их теле оказалась совсем иная душа, — Смирнов закончил за друга мысль и пристально посмотрел на него. — Ведь если люди могут быть одержимы, то почему не сделать противоположное допущение, тогда все получит определенное объяснение.

— Если только нас самих безумцами за это не сочтут, — хрипло рассмеялся Колчак. — Но в том-то и дело, что такое невозможно, а потому генерал чувствует себя огражденным надежным щитом.

— И кто он такой тогда?

— Давай вместе подумаем, Миша. — Адмирал потянулся за папиросой. — Знает то, что сейчас знать просто невозможно. А это все говорит о том, что Арчegov попал к нам из будущего...

Иркутск

— Да уж, такого в моей жизни еще не было, — задумчиво проговорил военный министр, глядя на здание штаба Иркутского военного округа, где по нынешнему, весьма неприхотливому времени разместилось дополнительно и военное министерство, и генеральный штаб.

— Со «звездой» я служил, с «крестом» приходилось. Два раза побывал под «полумесяцем». А теперь с израильской «звездой Давида»?! Такого еще не было! Как же я раньше не обратил внимания?!

Ермаков задумчиво посмотрел на «библиотеку», как привык называть здание по *той* жизни. На фасаде здания желтела шестиконечная звезда.

— Никогда б не подумал тогда, что в ней на семьдесят лет раньше был окружной штаб?! Дела...

Он оглянулся — знакомого здания цирка за спиной не высилось, зато здание суда присутствовало. Видно, любят юристы преемственность, на старых местах обживаться. И «дворец пионеров» стоял, как всегда, только весь изрядно потрепанный от революционного лихолетья.

Вернее, дом купцов Второвых. Был еще и их знаменитый «пассаж», как раз напротив, на другой стороне, но там пепелище — сгорел два года назад во время боев в городе. А на этом месте должно возвышаться в будущем высокое здание «аграриев», но его, понятное дело, не имелось.

Константин стоял посередине улицы, которую в его времени называли именем народовольца Желябова, того самого, что приложил руку к убийству императора Александра 1 марта 1881 года. В душе росла ненависть к прежнему. Это надо же — именами убийц и террористов улицы

называют, и мертвой хваткой за эти проклятые Богом и людьми имена держатся, вернуть старинные, исконные, не желают. Денег, мол, нет, на переименования. «Бабки» давно разворованы чиновниками.

А потом удивляются — как же нам с террористами бороться. Вот с этого бы и начинали — улиц в одном Иркутске было пруд-пруди — Перовской, Желябова, Халтурина и прочих «пламенных» революционеров, что всю страну в пепелище, духовное и материальное, превращают. На костях и горе людском шабаш свой проводят...

— Не выйдет! — Ермаков от омерзения сплюнул, и широким солдатским шагом направился к предупредительно открытым перед ним дверям. За ним шла охрана, к которой за эти две недели он уже привык. И ни шагу без нее уже не делал, хоть и посмеивался в душе. Но пререкаться с Вологодским на эту тему не стал, премьер-министр после «покушения» стал другим, жестким и волевым, и работать с ним одно удовольствие.

Интеллигенция просто преображается, когда вместо привычной дискуссии с оппонентами она по морде плюху получает. Большинство покорно утирается, шепчет в спину — «сам дурак» да строит в мозгу планы изощренной мести, которые так и остаются на бумаге. Но может втихую напакостить, если есть возможность сохранить инкогнито.

И лишь немногие отвечают на удар ударом, те, в ком жив дух, идущий от корней и не замутненный политкорректностью и трепотней. В это время, а Константин мог сравнивать, таких интеллигентов намного больше, причем тех, кто стоит именно на государственных позициях, и не заглядывает в рот Западу, как делают *те*, выпрашивая очередные тридцать сребреников, кои камуфлируются названиями фондов, грантов и прочего. Политкорректность, мать ее, когда предательство Родины именуют выбором оптимального решения, а роющихся на помойке голодных стариков в упор не замечают. Зато у них в ходу «благотворящее рыночное развитие» и «животворные демократические преобразования».

Даже сейчас, когда страна охвачена огнем гражданской войны, больше честности и совестливости, чем в будущие благополучные «рыночные» времена. Да и многое другое — тут Константин усмехнулся, вспомнив, как купил в магазине, а было это аккурат в 93-м году, палочку французской колбасы в блестящей вакуумной упаковке, совершенно неизвестной у нас, а потому и нахваливаемой (западное ведь качество). А заодно, чтоб веселее было, только появившегося в продаже спирта «Рояль» — он тогда приехал погостить к матери в Иркутск — литровую бутыл.

Удача немислимая — на полках везде шаром покати, зато высится рядами морская капуста и трехлитровые банки сока — хвала «Меченому»!

Молодой майор решил поджарить себе колбаски и со стаканчиком разведенной спиртяги отпраздновать свое возвращение в родные пенаты. Размечтался, твою мать! Колбаса, качественный импорт, как гласила упаковка русскими буквами, просто растаяла на сковородке. Есть жидкий и горячий клейстер Ермаков не стал, его вид внушал ему опасение. Пришлось сбегать за «даром морей» и, матерясь потихоньку, закусывать «капусткой» и «курятинкой», благо удалось прикупить ростовского «Ермака».

А здесь даже сейчас можно хорошо покушать, и недорого. И не тухлятину, напичканную консервантами и ароматизаторами, а вполне приличную натуральную еду. Даже сравнивать неприлично здешнюю ветчину с лучшим советским изделием этого типа, что по 3 рубля 50 копеек нарасхват шла. Или ностальгическую «докторскую» по 2,20, с добавлением туалетной бумаги. А уж про «рыночные» образцы новой эпохи капитализма лучше промолчать, бородатый классик иногда писал прозорливо и правду, когда утверждал, что нет такого преступления, на которое не пошел бы буржуй ради трехсот процентов прибыли.

Вот здесь и проходит граница между «старым» и «новым» капитализмом. Тут пока есть

совесть, и дорожат честным именем, не рассматривают свой народ как быдло, которое нужно травить такой пищей. За похабель сейчас можно не только по морде получить, прибьют. Ермаков трех интендантов уже повесил, заодно с поставщиками, чтоб на том свете совокупные барыши подсчитывали, больше желающих что-то не находилось.

А в то время даже не жуют за дерьмо, что едой называется, даже облегчили изготовление — недаром строгий ГОСТ подлым ТУ заменили. Богатей, братцы, сейчас все нравственно, что служит делу обогащения. Можно даже биологическое оружие на корм пустить, какие уж тут канцерогены или ГМО. Перевешать бы сук!

Воспоминания не мешали генералу — его мозг одновременно выполнял привычную работу. Он принял рапорт дежурного по штабу, сделал несколько распоряжений, «распек» начальника оперода, и многое другое. Все разом засуетились и забежали, но Арчegov не обращал на мельтешение никакого внимания. Привык-с!

Идет война, а в окружном штабе как в мирное время — расписание от 10 до 16 часов, да еще с перерывом на чай. Охренеть можно! Вот тут Ермаков и вломился под «звезду Давида», как озверелый кабан в камыши или слон в посудную лавку. Сычев, конечно, работал, но тут главный мозг и нерв войны, нельзя же так служить, когда кругом все горит и рвется.

Зато сейчас работают, как хвостатые у котла в уютном местечке на том свете, где обхаживают «пречестных» политиков, олигархов и чиновников. И хоть мохната и суетлива прислуга, зато работают с огоньком и взятки не берут. И тут заработали, коли альтернатива одна — взять в руки винтовочку, и на фронт, где нет расписания, а перерыв на чай заменяет обстрел.

Впрочем, Ермаков ввел еще и третий, основной, вариант, который вызвал затаенное недовольство — постоянной ротации кадров через каждые полгода, чтобы все штабные офицеры имели свежий опыт войны.

Причем данный приказ затронул военно-учебные заведения — юнкера такую шокировавшую новость восприняли с нескрываемым одобрением, зато многие из «приспособленцев» откровенно заскучали, и стали дружно подавать рапорта на пенсию. У кого она, конечно, была — четверть века послужить, это не мух считать или груши околачивать...

В кабинете военного министра на втором этаже сплошная казенщина — массивные шкафы с дверцами и дубовый стол с двумя тумбами, неподъемное кресло, обитое кожей, стулья на гнутых ножках, отнюдь не игривых, как те, за которыми охотился великий комбинатор со своим недалеким партнером.

Единственной деталью, никак не вписывающейся в казенную атмосферу, был небольшой портрет жены, стоящий на столе. Ермаков сел в кресло и посмотрел на фотографию. Нина манила его затаенной улыбкой, притягивала словно магнитом. Странно — но он ее полюбил, хотя считал, что такого с ним просто не может быть. А память тут же услужливо перелистала пару часов назад, и Костя снова почувствовал вкус ее сладких губ, увидел искаженное любовной страстью лицо, ощутил истому во всем теле.

Она себя отдала всю, досуха, без остатка. И его испила полностью, да так, что стоя покачивало, когда брился, поглядывая, как жена сладко спит на мягкой перине. Зато сейчас Константин Иванович чувствовал необычайный прилив сил и энергии и искренне пожалел, что не нашел *такую* женщину в то время. Но тут же одернул себя — если бы тогда нашел, то не был бы здесь, когда история страны еще не определена, когда можно изменить очень многое. Хотеть — значит мочь, вспомнил он поговорку и придвинул к себе стопку бумаг, мельком глянув на большую карту на стене.

Положение намного лучше, чем было, но хуже, чем хотелось. А потому нужно работать и работать, и генерал-адъютант наклонился над стопкой и стал внимательно читать, делая

— Преследование должно вестись энергично, Владимир Оскарович! Не давайте красным прийти в себя, и тем более начать разрушение железнодорожной магистрали и станционных построек. — Генерал-адъютант Фомин говорил энергично, с напором, но иногда забывался и машинально постукивал ладонью по столу.

— Части измотаны, патронов осталось мало, Семен Федотович. Необходимо усилить мой корпус резервами, доукомплектовать пополнением. Тогда можно будет продолжать наступление и прежними темпами, — генерал Каппель посмотрел на собеседника красными от усталости глазами.

— Надо через не могу, Владимир Оскарович, очень надо. — Голос Фомина звучал также настойчиво, но в нем проскользнули просительные нотки.

— Через три дня вас сменят части генерала Молчанова и казаки Волкова, но я понимаю, что пять суток для отдыха им мало. Но что делать, других резервов, кроме измотанных солдат ваших с Молчановым корпусов, у нас попросту нет. А там будет легче, намного легче — в Красноярск сегодня утром подошел авангард первого Сибирского корпуса графа Келлера.

— Наконец-то! Заждались. — Каппель вздохнул с облегчением, но, посмотрев на хмурое лицо Фомина, непроизвольно напрягся, ожидая услышать неприятности. И они тут же последовали.

— Сибирское правительство делает реверансы в сторону союзников. А потому объявлено о вхождении отступивших от Урала наших войск в состав Сибирской армии. Погодите морщиться, Владимир Оскарович. Его величество дал уже согласие, сами знаете, что раздоры среди друзей опаснее любого нового врага. Делать нечего, и как только вас сменят сибирские части, вашу дивизию я немедленно отвожу на переформирование и отдых.

— Дивизию?! — от удивления Каппель привстал со стула. Он даже не смог возмутиться, настолько был ошарашен.

— Да. Ваш третий корпус сводится в дивизию. Если быть точнее, только меняет название, как было три бригады, столько и остается.

— У меня их четыре, Семен Федотович.

— Бригады из сибиряков войдут в Сибирские стрелковые дивизии. Реорганизация есть дело отдаленного будущего, так что не думайте над этим, это у меня голова болеть будет. Тем более скоро приедет военный министр Арчegov, он и будет решать.

— А не молод ли он для такой должности, Семен Федотович? К тому же он еще и командующий армией?

В голосе Каппеля прозвучало еле скрытое ехидство, что Фомин не мог не заметить. А потому он сделал необходимую паузу, раскуривая папиросу, а сам лихорадочно обдумывал ответ. Наконец, собрав нервы в кулак, он придал лицу безмятежность. Дело щекотливое — если он убедит Каппеля, то полдела будет разрешено, остальные генералы уже воспримут командование Арчегова без фрондирования.

— Так и мы с вами, Владимир Оскарович, недалеко от него ушли по годам, не так ли? К тому же вы служили раньше с ним в одной дивизии. Что же касается министра? Он несколько раз предлагал генералу Келлеру командование, но тот сам категорически отказался. Можете переговорить с графом, он настаивает на кандидатуре Арчегова и как министра, и как командующего. Более того, бывший верховный правитель адмирал Колчак тоже считает его

наиболее приемлемым на этих должностях.

— Даже так? — помимо воли воскликнул Каппель. — Для меня это неожиданно, я не знал.

— Государь отправил ряд телеграмм, дабы проконсультироваться по поводу назначения генерала Арчегова.

— И что, Семен Федотович?

— Категорически настаивают председатель совета министров Петр Васильевич Вологодский, значит, правительство. Так же настроены командующий флотом контр-адмирал Смирнов, командующий Приамурским округом генерал-лейтенант Лохвицкий, атаманы Оглоблин и Семенов, бывший военный министр генерал-майор Сычев. Не имеют каких-либо возражений управляющий КВЖД генерал Хорват и командующий Иркутским военным округом генерал-лейтенант Дитерихс.

— Даже так?! — Каппель в растерянности покрутил карандаш в пальцах, на лбу собрались капельки пота. Фомин видел, что генерал задумался, и задумался крепко. А потому тем же тоном продолжил, понимая, что еще немного, и он убедит Каппеля.

— Командование должно быть сосредоточено в одних руках, это диктуется необходимостью. Его величество принял решение утвердить назначение Арчегова, и, как вы знаете, произвел его в генерал-адъютанты. Я буду у него начальником штаба, уже дал свое принципиальное согласие. Также дали согласие на назначение генерал-майоры Молчанов и Войцеховский, атаман Сибирского казачьего войска Иванов-Ринов и командующий казачьей группой генерал-майор Волков. Остались только вы, потому я немедленно приехал, хотя мне надо торопиться обратно в Красноярск.

Фомин блефовал, жутко блефовал, но без согласия, причем общего, поставить на пост главнокомандующего Арчегова было невозможно. То требовало обращение правительства. В то же время назначенного, таким образом главкома снять с должности никто не мог. На это требовалось одновременное согласие императора, правительства и Народного Собрания, созыв которого только предполагался, причем не ранее весны.

Пока, за исключением его самого и Михаила Александровича, а также казачьих генералов, письменного согласия никто из командующих корпусами не дал. А прислать бумаги настоятельно требовало правительство.

— Что я должен сделать, ваше превосходительство? — глухо спросил Каппель напряженным голосом.

— Дать письменное согласие на назначение генерал-адъютанта Арчегова главнокомандующим Сибирскими вооруженными силами, то есть всей армией, гвардией, флотом, казачьими войсками, государственной и пограничной стражей. И ополчением, если будет объявлено о его созыве.

— Хорошо, — коротко согласился Каппель, открыл генеральский блокнот и быстро написал на нем несколько строк. Размашисто подписался, вырвал листок и протянул его Фомину. Тот быстро пробежал глазами по бумаге, взглянул на генерала — тому нелегко далось такое согласие, ведь в армии было много заслуженных генералов, совсем не чета лихому ротмистру, пусть и разбившему чехов под Иркутском.

— Так надо, Владимир Оскарович...

Заиркутный военный городок

— Плоскости уложили тщательно, я надеюсь? — Михаил Воцилло пристально посмотрел на мастеровых, что закрывали листами фанеры полотняные фюзеляжи аэропланов.

— Обижаете, ваш бродь, — весело отозвались чумазные механики, — нам же их ремонтировать. Себе дороже.

— Вы уж еще на пять рядов посмотрите, не дай бог в дороге растрясет. Нам дня три ехать, пока до Красноярска доплетемся. — Поручик говорил чуть ли не умоляюще, и интонацией, и глазами. Дорога дальняя предстоит, а эшелон пойдет быстро, под охраной бронепоезда. Хорошо, что один путь от составов полностью свободен, да путейцы из апатии вышли, трудятся как муравьи. Но скребет на сердце, мало ли что, а он слово дал командиру, что довезет новенькие аэропланы в целости и сохранности.

Прибывшие неделю назад из Владивостока французские «Сальмсоны» произвели эффект разорвавшейся бомбы. Русские летчики уже на следующий день облетали аэропланы, и только облегченно вздохнули, радость переполняла их — «стервы» можно было забыть как дурной сон, они в подметки не годились новому самолету.

Однако не успели они с Сергеевым нарадоваться, как прибыл военный министр Арчegov, и началась «учеба». Другого слова Михаил подыскать не мог, это никак не связывалось с привычным обучением. Раньше на фронте было просто — поднялся в воздух, полетал над позициями и чуть дальше, разведал, что на глаза попало. Отправил в штаб донесение — и на боковую, отдыхать. Иной раз заявку от пехоты получали — тогда на бомбежку вылетали, как того аэростата, где он получил злополучное ранение.

Но чаще без всяких затей воздух утюжили, больше опасаясь не красных аэропланов, встречи с которыми были чрезвычайно редкими, а той рухляди, которая была с винтом, и непонятно, как она работала.

Но встреча с Арчegovым, который собрал всех авиаторов, поразила до глубины души, и он словно воочию услышал слова молодого генерала...

— «От захвата господства в воздухе теперь зависит исход любого вооруженного противостояния. Да, это так, господа офицеры. Потому возникает закономерный вопрос — как нам сделать нашу авиацию действительно мощным инструментом войны? Это станет возможным, если мы определим организацию, тактику и обучение и будем точно следовать тому!»

Министр все говорил и говорил, осыпая свою речь примерами. Но когда стал рассказывать об атаках на тот злополучный аэростат, сердце Михаила сжалось, ему показалось, что все смотрят на него. В первую секунду летчик удивился — откуда генерал знает это, но тут же вспомнил, что два дня все пилоты писали о наиболее памятных боях на Восточном фронте. Написал и он. Но Воцилло даже не предполагал, что новый военный министр не только прочитает, но сделает такие выводы, которые не могли прийти в голову никому из летчиков.

И сейчас он заново все вспомнил и переосмыслил — действительно, нужно было бить не растопыренным пальцем одинокого старенького самолета, а всем авиаотрядом, а лучше тремя. Первая группа подавила бы зенитный «максим» и разогнала солдат с винтовками. Вторая группа уничтожила тушу аэростата, а третья все механизмы и установки.

И не гранаты с бомбочками кидали бы из кабин, а имели бы на консолях и под фюзеляжем бомбодержатели. А сами бомбы не по несколько фунтов весом, а по пуду и более, и числом в десятках. А столько «Сальмсон» поднимет — мотор у него мощный. Потом еще бы один заход сделали, и из пулеметов хорошо «причесали». Вот тогда была полная победа! И на секунду Михаил представил, как все пылало бы и горело...

На следующий день «обучение» продолжилось — все начали штудировать арчegovское «наставление», поразительный документ, после которого многие, и он сам, задались вопросом — а откуда министр может знать такое? Но дать ответ на такой вопрос было невозможно, а уточнять у генерала никто не стал. Зато днем случилось то, после чего все авиаторы начали

смотреть на министра, как на гения и отца родного.

Капитан Сергеев предложил Арчегову обычный «провоз», тот охотно согласился, скинул куртку и, оставшись в одном теплом свитере, напялил на себя какой-то рюкзак, застегнув на бедрах и груди толстые лямки. Это вызвало многочисленные смешки, но тут все увидели, как капитан смертельно побледнел, когда генерал стал ему что-то объяснять, стоя у аэроплана.

Дальше был полет, самолет сделал пару кругов на высоте тысячи футов, как тут от него отделился человек и стал падать, раскинув руки. Все разом заорали от ужаса, мгновенно осознав, что военный министр выпал из машины. Именно генерал, так как аэроплан стал делать еще один круг. Но тут же над Арчеговым распахнулся белый купол, и он стал медленно, как осенний лист, снижаться на землю.

— Это же парашют! — заорал кто-то из летчиков. От сердца мгновенно отлегло. Воцилло вспомнил про ранцы Котельникова, которые носили в полетах летчики «Муромцев», но те были жестяные, а этот мягкий, из ткани. Хотя, по слухам, именно такие использовали пилоты на Западном фронте...

Министр задорно рассмеялся, глядя на возбужденные лица собравшихся авиаторов, которые во весь голос называли его героем. Бросил только загадочную фразу: — «Попрыгали бы с мое». Потом добавил строгим голосом: «Это вы герои, на такой рухляди летать опасно, не то что воевать». И это о новеньких самолетах?!

Может, правы те, когда говорят, что в Америке делают аэропланы с 400-сильным мотором «Либерти», тогда «Сальмсоны» действительно рухлядь в сравнении с ними. На таких бы полетать! И тут же в голове опять зазвучал голос генерала, стоящего у скомканного белого купола на заснеженном поле аэродрома:

— В Иркутске начала работать мастерская, которая делает парашюты из китайского шелка. Пока немного, по штуке за неделю. Это первый образец. Но к концу года все пилоты будут иметь парашют — вы самые нужные солдаты, и вас надо беречь. Построим летом вышку — будете тренироваться. А пока займемся укладкой парашюта, каждый из вас должен уметь ее делать. Это спасет вам жизнь...

Владивосток

— Бесспорно! Потому и знает, что читал, интересовался, скажем так, историей, хотя для нас это настоящее. Закончил академию, иначе быть не может, я видел, как он планировал операцию. Еще тогда мимолетно мелькнула мысль, что ротмистр знать такого не может.

— Генерал или полковник, если исходить из настоящего возраста по той случайной обмолвке Анне Васильевне.

— Согласен, — Смирнову понравилось играть в дедукцию, и он откинулся на спинку кресла для лучшего размышления. — Боевой офицер с изрядным опытом войны, а потому скорее генерал, ведь в войну производство быстрее.

— Вопрос только в том, из какого он времени? Интересно все же, что случится с Россией после нашей победы, я теперь в этом полностью уверен!

— Не торопись желать, Миша, — со скепсисом протянул Колчак. — У меня совершенно иное мнение. Большевики должны были победить. Все указывало на это. У нас произошла катастрофа, Деникин уже откатился к Ростову, Юденич отвел войска в Эстонию. И тут появляется лихой ротмистр и начинает махать шашкой в стороны. К чему бы это? А к тому, что он вознамерился переиграть войну, не допустить разгрома белого движения. Вот так-то!

Адмирал шагнул к иллюминатору, посмотрел на раскинувшийся вдоль бухты Золотой Рог

город. Как давно он был здесь и как недавно. Всего ничего прошло, и Нижнеудинск уже стал забываться как кошмарный сон. А ведь тогда он осознал, что все кончено, и Россию ожидает кошмар победившего в стране большевизма. И как все резко изменилось.

— Генерал «Арчegov» знает, что ожидало нашу страну, а потому и вознамерился изменить историю. — Адмирал негромко высказал обуревавшие его мысли. — Со всей энергией, свойственной ему, а не тому пьяному вечно и опустившемуся ротмистру. А разве не так ощущали себя многие?! Я под арестом в Нижнеудинске, Фомин на все махнул рукой в порт Байкала, генералы в Иркутске попрятались мышами под веником...

— Ты забыл сказать и про меня...

— И про крыс, что с корабля побежали. Или к большевикам в услужение бросились, прощение мятежами себе зарабатывая. В спину нас ножом...

— У нас сейчас шаткое положение, но катастрофа уже отодвинута, — тихо сказал Смирнов, и постучал пальцами по подлокотнику. — До победы далеко, говоря о ней, я погорячился. Но и поражение не проглядывается. Обстановка, что и говорить, изменилась кардинально. Есть работоспособное правительство и император, появилась надежда...

— Это золото, Миша, золото. Попади оно к чехам или к большевикам, все было бы кончено. А так появился шанс. Если будет истрачено с пользой, то все может пойти по-другому. Я совершил массу ошибок, и эта была не из последних. Золото нужно было не хранить для будущего, а использовать для исправления ситуации в настоящем. Но я подошел щепетильно...

— Не кори себя, Александр Васильевич. Лучше позже, чем никогда. Зато сейчас ты сможешь распорядиться этим металлом, только вовремя доведи генералу Деникину. «Орел» доберется до Севастополя за семь недель, ход у него приличный. Транспорты подойдут следом, их есть кому повести. Так что поторопитесь, ваше превосходительство!

— Постараюсь успеть, Миша. А ты...

— А я и помогу Арчegovу, чем смогу, и постараюсь вызвать его на откровенность. Мне все же хочется, сильно хочется узнать, какое могло быть у нас будущее. Надеюсь, ты меня понимаешь?

— Еще бы, — улыбнулся Колчак, — только прошу быть осторожнее, выбери удачный момент. Ты когда вернешься в Иркутск?

— Завтра провожу тебя. — Смирнов задумался, молча пошевелил губами, словно подсчитывая.

— Следом отправлю транспорты. Погрузка на арендованные у японцев пароходы будет закончена через неделю. Затем дорога. В общем, к середине февраля буду уже в Иркутске, если чего непредвиденного не случится. Будем держать связь между собой, нужно быть в курсе дел...

Куйтун

Они лежали, крепко обнявшись, на узком диванчике, слушая бешеный перестук своих сердец да ритмичное громохание колесных пар по рельсам. Костя прикоснулся сухими губами к влажному лбу жены, ощутил соленость капелек пота. И жар, опаляющий жар разгоряченного женского тела, будто натопленная печка, еще больше усилил жажду.

«Ниночка стала наркотиком, я не могу без нее», — пронеслась в голове мысль, Ермаков еще крепче прижал к себе податливое тело жены, жадно втянул ноздрями идущий от нее запах ромашки.

— Костя, что с тобой происходит? — Женщина неожиданно ожгла его взглядом, сама теснее прижалась, крепко вцепившись пальцами в его спину. Снова посмотрела ему в глаза.

— Ты стал другой, совсем другой. Иначе говоришь, совсем по-другому ходишь, иначе ведешь себя...

— Наверное, подменили, — с безмятежностью отозвался Ермаков, но внутри все напряглось. Жена не дуручка и за эти три недели не могла не задаться таким вопросом, слишком велика была разница между настоящим Арчegovым и им самим.

— Нет, я тебя до малой родинки знаю, — Нина счастливо улыбнулась, — всего исцеловала. А вот душа твоя другая стала, совсем...

— К добру иль к худу?

— Не знаю, — тихо призналась жена. — Но ты такой мне больше нравишься, ты человечный стал. А то все время свой «цук» по любому поводу применял. И вон как взлетел за эти дни, генерал мой! Так при дворе будешь, еще бы — самим царем отмечен!

Она счастливо засмеялась, еще крепче сжала объятия, а Костя мысленно расслабился, обрадовавшись, что прошел допрос.

— Что с тобой стало, Арчegov, ты ж другой. Так?! — Шепот жены, но резкий и требовательный, был настолько неожиданным, что Константин вздрогнул. И понял, что выдал себя.

Нина тут же разжала руки, приподнялась и села на диване, вызываяще выпятив тугую грудь, упругую, почти девичью, совсем не измененную родами и материнством, с большими коричневыми сосками. Словно заподозрив, что муж постарается свести все к шутке и ласке, она натянула простыню, прикрыв тело. И с вызовом посмотрела на него:

— Хватит темнить, Арчegov! Ты мне скажешь правду или нет?!

— Какую правду? — с деланным изумлением спросил Костя и присел на диване. По виду жены и ее голосу он понял, что отшутиться не удастся, да и от ласк и поцелуев Нина сейчас категорически откажется.

— Что с тобой произошло?! — В голосе женщины лязгнула сталь вынимаемого клинка, и ему стало зябко. Но все же он попытался потянуть время, пытаясь собраться с мыслями. Жена выбрала самый удобный момент для внезапного нападения на него, размякшего после бешеной страсти, и в упор тут же! Не увернуться!

— А что?

— Ты мне скажешь правду?! Ложь я не потерплю, лучше не пытайся! Я люблю тебя! У нас сын! Но я желаю знать правду!

— Один человек сказал, зачем нужна ваша правда, если она мешает нам жить. — Ермаков вспомнил политика из *того* времени, что с цинизмом относился к своему электорату.

— Так может сказать только законченный мерзавец, которому от правды тяжело! — отрезала жена и вперила в него пристальный и довольно тяжелый взгляд. — Что с тобой стало, Арчegov?

— Ты хочешь правду?! — Костя разозлился помимо воли. Сам сел на диван, повернувшись к жене и не замечая наготы. Спросил громко, не боясь подслушивания. За стенкой сейчас пустынный министерский салон, с другой стороны, в отдельном купе спит Ванятка — ночь же, а в поезде всегда хорошо спится. В коридоре всегда дежурит один из ординарцев, стоит чуть дальше, чуть ли не возле уборной, ближе к тамбуру. В других купе сейчас спят, да и услышать там что-нибудь невозможно, сам проверял.

— Да, я хочу знать. — Голос жены был тверд, вот только взгляд на мгновение дрогнул, вильнул в сторону.

— Твой Арчegov умер 24 декабря прошлого года, четыре недели назад, упившись самогона, от которого не просыхал. Скорбь по погибающей России заливал, не в силах что-либо сделать! — резанул Ермаков и заскрипел зубами от сдерживаемой ярости.

— Вернее, умерла его душа, что сама елестеплилась и отделилась от живого тела! А ее место заняла моя душа, что загибалась в умирающем теле! Ты ведь хотела правду?! Тогда получи ее! Только одно прошу — не считай меня безумцем!

— Кто ты? — Жена округлившимися глазами смотрела на него, чуть отодвинувшись. Это был совсем иной взгляд, но именно он еще раз стегнул по мятущейся душе.

— Я гвардии подполковник Ермаков и тоже, по странной прихоти судьбы, Константин Иванович. Тезка ротмистру Арчегову. Я подышал шелудивой собакой, израненным и обожженным инвалидом. Покинутый всеми, и женой, и сыном, и государством, что предало меня и растоптало мою жизнь! Ты хотела правды? Тогда слушай ее, я все скажу!

...Ермаков резким движением потушил о край пепельницы, забитой до краев окурками, папиросу. Во рту горчило от табака, а в купе было бы невозможно дышать, как в газовой камере, если бы не открытая задвижка вентиляции, куда клубками уходил густой папиросный дым.

— Я полюбил тебя, говорю правду. Но моя жизнь принадлежит России, нельзя допустить такого безумного и кровавого будущего. Я не дозволю этой сволочи растерзать мою страну, изнасиловать ее! Даже если ты уйдешь от меня! Все равно! А смерти не боюсь! Я давно умер...

— Нет! Нет! — Нина отчаянно вскрикнула, в ее огромных глазах стояли слезы. Женщина отбросила простыню на пол и вцепилась в Ермакова словно клещ. Прижалась так, будто хотела навечно закрепить его в своих объятиях.

— Я люблю тебя, Ар... Я люблю, тебя, Костя! Люблю, люблю!!! Вымою всего и воду выпью! Глупышка! — Резким движением Нина прижала его лицо к своей напряженной груди и стала целовать макушку.

— Я без тебя умру, мой милый! Моя радость! Возьми меня, я хочу рожать тебе детей, дочку и сына. И Ванятка... Ой! Милый мой! Сколько же ты пережил, Костик?!!!

У Ермакова было много женщин в *той* жизни, но ни с одной из них он не испытывал и сотой доли страсти и любви, что сейчас охватила его. А Нина... Ее накрыло с головой лихорадочное безумие, она исступленно ласкала Костю, плача и горячо шепча такие слова, что эта волна перекинулась на него, полностью утопив с головой. И под ней они остались наедине, ставшие одной плотью, одним вздохом, одной мыслью...

Глава седьмая

Броня крепка, и танки наши быстры...

(20 января 1920 года)

Ижмарская

Шмайсера захлестывала злоба, он был ею переполнен, как раскаленный паровой котел, у которого заклинило выпускной предохранительный клапан. Две недели немец неумоимо преследовал Мойзеса, как ищейка, четырнадцать сумасшедших дней, когда усталость свинцом разливалась в теле.

И пусть от трех красных дивизий остались одни ошметки, но это не радовало — чекист с поразительной ловкостью, как мокрый обмылок в горячей бане, вырвался в очередной раз из приготовленной ему западни.

Судьба словно издевалась над ними, кривляясь и хихикая. В Краснореченской poleg весь отряд чекистов, но их начальник растаял в тайге, как приведение, хотя егеря взяли поначалу след. На станции Боготол они разминулись буквально на час — пока белые добывали гарнизон, сплошь усталых тыловиков 35-й дивизии, Мойзес опять ускользнул.

Шмайсер лично опросил местных жителей и пленных красноармейцев — многие из них видели красного командира с изуродованным лицом и выбитым глазом. Такая характерная примета Мойзеса сразу бросалась в глаза людям, и остывший было след потянулся к Мариинску. Немец отдавал должное чекисту — тот не прятался, не бежал сломя голову, наоборот, старался, где только можно, организовать ожесточенное сопротивление. И отходил вместе с красным арьергардом.

Под Мариинском они снова столкнулись лицом к лицу, Шмайсер узнал его — цейсовский бинокль, служивший ему еще с тех времен, окаянных, право слово, позволил разглядеть ненавистного врага. Но только посмотреть, и не более — 27-я дивизия обороняла Мариинск отчаянно целые сутки, но когда на нее навалились с трех сторон сразу два корпуса и казаки Волкова, не выдержала. Поспешное отступление переросло вскоре в бегство и закончилось здесь, под станцией, почти полным истреблением красных. Но Мойзес опять канул в неизвестность, хотя егеря предприняли глубокий обход. И что ты будешь делать — не иначе судьба!

Шмайсер огляделся — на станции, забитой под завязку брошенными отступающими колчаковцами эшелонами, началась привычная суeta. Ту же картину он видел неоднократно на многочисленных станциях, полустанках и разъездах, что протянулись от Ачинска. И продолжал удивляться, понимая, какую жизнеспособную систему из МПС сделало царское правительство. Вся страна в анархии и разрухе, а железная дорога хоть и плохо, но продолжала функционировать.

Вот и сейчас, захватив станцию, белые, вернее сибирские, войска принялись наводить порядок. Рецепт проверенный — перевод всех железнодорожников на военное положение, за отказ, саботаж, симуляцию болезней или дезертирство — военно-полевой суд с конфискацией всего нажитого имущества. Последнее означало фактическую смерть не только самого путейца, попадающего под расстрел, но и всей его семьи. Ведь выселение на мороз являлось неизбежной гибелью. Так показывали кнут, прибегать к которому, к великому удивлению Шмайсера, еще не приходилось.

Но и пряник был большим и вкусным — путейцам полагались все льготы, как военным, с оплаты квартир до выдачи семьям пайка. И главное — золото. Презренный металл не экономили, жалование выплачивалось по довоенным меркам. Но может быть, играло свою роль и воцарение Михаила с независимостью Сибири, или усталость от «революционных завоеваний», или победоносное наступление белых после панического отхода. Или решимость войск применить оружие — кто знает?

Но пассивного сопротивления не было видно, не говоря уже об активном. Будто обыватели разом порешили — вы воюете, а мы за ту власть, что сильнее, что даст спокойствие и порядок.

Последнее войска наводили быстро и жестоко — Шмайсер спокойно посмотрел на лежащие возле стенки пакгауза трупы расстрелянных мародеров вкупе с двумя большевистскими агитаторами. А может, и эсеровскими — для него революционные оттенки стали безразличными, ведь обе эти партии были объявлены правительством вне закона. А их приверженцы, если публично не выражали свой отказ от партийности и снова пытались вести пропаганду, подлежали поголовному истреблению на месте. Но с приговором суда, правда военно-полевого, и со следствием, которое умещалось в четверть часа. А как иначе, если закон того требует...

— Давай! Давай! — По станции разносились крики офицеров, подгонявших вчерашних красноармейцев, яростно очищавших пути. Тут церемонии не разводились — хорошо поработаете, то накормят, а там, глядишь, и по домам отправят. Не станете — то патронов на вас жалеть не будем! Сурово? Отнюдь, война все спишет.

Приказ есть приказ — генерал-адъютант Фомин не миндальничал с нерадивыми исполнителями, жестко требуя с них, чтобы на перегоне Ачинск — Мариинск один путь был полностью освобожден от замерзших составов за неделю. Спешка необходима для скорейшего прохода мощных бронепоездов Сибирской армии — бить красных нужно бронированным кулаком, наотмашь.

Рядом со станцией, на заснеженном поле, крестьяне готовили длинную взлетно-посадочную полосу для аэропланов связи и разведки, расчищая лопатами и утрамбовывая снег. Селян не принуждали, им платили, и хорошо. И желающие взять в руки винтовки находились — что ж дорогу не поохранять рядом с домом, да еще за это золотишко получить...

Потому кипела на станции жизнь, не прекращаясь даже ночью. А сейчас, днем, веселее пошла, с огоньком. Вот только Шмайсер чувствовал себя скверно — Мойзес-то ушел, опять догонять нужно.

— Господин флигель-адъютант, что мне с больными делать?

Офицер обернулся на просящий простуженный голос — перед ним стоял врач местной земской больницы, его он уже знал.

— Лечить, что же еще делать.

— Тут в пакгаузе много тифозных, помрут ведь. Кормить нечем, многие в бреду. А еще там, на путях, стоит добрый десяток вагонов. Они умершими забиты под завязку. Сотни трупов, если не тысячи.

— Так, — прошипел Шмайсер сквозь зубы и повернулся к адъютанту, молодому офицеру с лихо закрученными усами.

— Передайте приказ коменданту. Трупы сжечь, срок даю три дня. Пусть красноармейцы делают — помрут, не жалко. Дрова взять за плату у жителей. Больных разместить по домам, переписать, выдать продовольствие и деньги за обиход. На то есть приказ военного министра генерал-адъютанта Арчегова. Выполнять! Пойдемте, доктор, посмотрим, что в пакгаузе творится.

Шмайсер повернулся и решительно пошел к длинному строению из красного кирпича. За

ним посеменил маленький врач, пряча лицо в воротник от колючего, пронизывающего ветра. Но дойти они не успели.

— Ты куда вылезла, помрешь ведь, девка! — Солдат выволакивал из сугроба девочку в пальтишке с непокрытой головой. Русые длинные волосы разметались по снегу пшеничными колосками.

— В бреду они, ваш бродь! Жар у их! — Увидев Шмайсера, солдат санитарной команды подтянулся, но девчушку держал крепко. Немец скользнул холодным, но опытным взглядом. Вроде лет четырнадцать, больно исхудала, но, присмотревшись, офицер добавил три года. Из хорошей семьи, как говорят сейчас, из «благородных».

— Бредят и не помнят. Вот на холод и выбрались. — Солдат поволок девчонку к пакгаузным дверям.

— Стой, служивый, — Шмайсер подошел ближе и присмотрелся. — из-под воротника платья вывалился странный зеленый медальон с красным камнем. Офицер тронул его пальцем, потом посмотрел на измотанное болезнью лицо. И тут по сердцу, словно ножом резануло. В голове застучало — она должна выжить, должна. И он сделает все!

— Девочку в наш санитарный вагон. Обеспечить лучший уход. Передать главному врачу — это мой приказ! Она должна жить! И еще — детей собрать, всех. Особенно больных. И лечить! Это наше будущее!

Нижнеудинск

Ермаков стоял у окна, смотря на краснеющий в багровом восходе солнца город. Хотя сравнивать этот с *тем*, привычным, было бы странновато, но сходство имелось. Про тот говорили, что он «большая деревня», этот просто «деревня». Маленький городок — только привокзальные строения каменные.

Константин живо представил, что чувствовал Колчак месяц назад, находясь под назойливой охраной, а если называть вещи своими именами, то под арестом чехов.

Адмирал об этом подробно рассказывал, и генерал просто смотрел в окно, наблюдая с усмешкой. Союзники и сейчас были на станции, вот только на восток полз уже не обожравшийся удав эшелонов, а так, срыгнувшая чужое добро мелкая гадюка. И вели они себя не по-хозяйски, шмыгали осторожненько, боязливо косясь на орудийные башни угрожающе молчаливых бронепоездов. Кстати, их же и бывших, ставших недавно законным трофеем сибирских войск.

В небо уходили многочисленные дымки растопленных печей, на которых сейчас варили и жарили. Тихая, мирная картина. А ведь перед Новым годом здесь зверствовала партизанщина, и горожане тогда, попрятавшись по щелям, только молились о том, чтоб ограбили, но лишь бы не убили, не изнасиловали, не сожгли.

Ермаков усмехнулся — вскоре о спасении начали молиться сами партизаны, попав под мощный удар чехов и авангарда Келлера. Старый вояка действовал решительно, согласовав действия с союзниками и обойдя город с севера егерями, заняв казачьи поселки Бадарановку и Щипицина.

А дальше была бойня — семьсот трупов партизан, большинство из них составляли сбежавшиеся с окрестных сел крестьяне, которые активнее всего участвовали в грабежах, остались лежать в снегу навечно, смотря в голубое небо мертвыми глазами. А потом по селам словно коса прошла...

Сейчас все успокоилось, налеты партизан на железную дорогу прекратились, ибо селяне,

прикинув, чья власть берет верх, дружно возлюбили царя-батюшку. Тем паче новоселам правительство не только показало «морковку», но уже дало ее попробовать.

Теперь город снова стал спокойным центром взбаламученного революцией и войной уезда. На базаре велась торговлишка, заработали лавки, даже открылась парикмахерская. На тумбах стали клеить привезенные из Иркутска газеты, дети потянулись в школы. Лишь где-то по Удеегеря неумоимо преследовали партизан, ведомые проводниками из местных казаков. «Маньчжурцы» примерно наказали мятежные латышские хутора, чтоб другим неповадно было супротив бунтовать, и сейчас перебрасывались в Канск. Кровавого урока хватило, местные крестьяне сразу притихли, поняв, что новая власть крепка и спуска не даст...

Ермаков усмехнулся, решительно пошел из салона. Его потянуло к жене, как магнит к железу, вроде бы и не кончилась безумная ночь. Он был счастлив, вновь обретая любовь. Нет, Нина осталась прежней после ночной исповеди, только смотрела на него так, что сердце замирало в груди от нежности. Он и не ожидал от себя такого, думал, что война навсегда испепелила душу.

В конце вагона, у тамбура он увидел Гришу Пляскина — ординарец нес на руках Ванятку, заменяя ему няньку. Пусть походят вдоль вагонов, в «Буйный» заглянут. Время есть — до отправления еще добрый час. Опять же — в бронированных коробках сухари и сахар мальцу в руки совать будут, любят там сына командующего. Так же, как и его самого, — солдаты недаром «батькой» называют, а он со «стариками» из экипажей на «ты», ибо вместе с ними Глазково брал. А как иначе — он же «их» генерал...

— Нинок, я тебя ревновать скоро начну, — пошутил Арчegov, зайдя в купе. Жена сидела у окошка и смотрела, как гуляют с сыном.

— К кому же? — делано удивилась молодая женщина. И так «стрельнула» выразительными глазами, будто очередью из «Утеса» прошлась. Внутри все разом зажглось, будто и не было безумной ночи, а он просидел целый год на необитаемом острове, в полном монашестве. Охваченный растущим нетерпением, Константин чуть ли не набросился с поцелуями на жену, такую красивую и манящую, желанную, но в самый последний момент сдержался. А та грустно улыбнулась.

— Ты что, Нина? Что случилась, лапочка?

— Гришаня ко мне как к мамке тянется, или как к старшей сестре. Несчастный он, ни кола ни двора.

— Он же казак, в станице живет, — искренне удивился Константин. — А потому дом и родители должны быть.

— Нагулен он. Казак стражи охранной с КВЖД соблазнил девку и сбег, чтоб не прибили.

— Чего ж прибивать-то?! Оженили бы, и всех делов.

— Так женат он. И сбег далеко, с Кубани он, по-хохляцки балакает, черноморец. — Жена хорошо разбиралась в казаках, благо муж с Терека.

— Вот фотография только и осталась от «тятеньки». А мать его от стыда и позора померла, когда Гришке три года было. Затравили бабы в станице. Дед и воспитал мальчика, год назад помер. Вот так оказался наш Гришка один-одинешенек и к нам прикипел, а тебя почитает, как отца родного. Даже более, это хорошо видно.

— Да уж, — только и смог сказать Арчegov, впиваясь взглядом в фотографию. Хатка точно кубанская, хоть большая, в четыре окна по фасаду. Сарай рядом, камышом крытый, да верба странная растет — вилкой в три «зуба» во дворе. Казачина усатый стоит, с кинжалом на поясе, в черкеске, вот только морду не разберешь, староват снимок, двадцать лет прошло.

— Очень хочет он батю родного найти, в глаза посмотреть. Помоги, милый? Ты же министром стал, генерал...

— Будет время, поищу...

— Ты слово дал, — тут же поймала жена, и, видя, что он нахмурился, тут же игриво рассмеялась. — Буду твоей рабой за просьбу свою ровно тридцать три года, и три дня...

— Маловато будет, — прорычал Константин и крепко схватил жену в объятия. Нина притворно стала отбиваться и укусила его за мочку уха. Это его так возбудило, что он не стал сдерживаться и дал волю губам и рукам.

— Что ты... Ах... Ночи дождись...

— Ага, щас! До ночи еще сколько ждать, утро во дворе. Нет, сейчас. Ты моя жена, и слушаться меня должна...

— Ванятка... Полчаса гулять... будет... Дверь хоть закрой, милый... Да, предупреди наших...

Куда за эту ночь подевалась природная стыдливость жены, Ермаков так и не понял. Нина вспыхнула прямо в его руках, лихорадочно прижимаясь и целуя так, что закружилась голова.

— Сейчас, — кое-как отозвался Константин и оторвался от жены. Нина поспешно откинула одеяло с диванчика и стала развязывать пояс на юбке. А Ермаков быстро вышел в коридор и крикнул:

— Дядька Аким! Трофим Платонович! Нас не беспокоить час. В вагон никого не пускать! И Ванятку занять, как придет!

— Есть, ваше высокопревосходительство. — У вышедшего из тамбура коменданта вагона ни малейшей усмешки, одно отческое понимание в глазах светится. Даже вроде одобрения — «у тебя ж медовый месяц, ваш бродь, женушку побаловать нужно, а то вы все врозь и врозь живете».

— Ты что, Костик. Они же все слышать будут, колеса не стучат, — полураздетая жена неожиданно опомнилась и за секунду покрылась стыдливым багрянцем до корней волос.

— Ничего, милая, они нашей молодости по-доброму завидуют. Одобряют зело, — тихо сказал Константин, закрывая дверь. Он тут же крепко обнял жену, поцеловал, и супруги дружно вспыхнули, как сноп сухой соломы, сгорая от бушевавшей в них страсти...

Чита

Атаман Семенов прошелся по комнате, нервно теребя пальцами кончики длинных усов. Вот уже несколько часов он ломал голову, и было от чего — новости, страшные и загадочные, обрушились на него целым водопадом в последние несколько дней.

— Нет, вы не дурак, Григорий Михайлович, вы самый настоящий осел! Но кто знал?! Это же в голове не укладывается!

Атаман глухо выругался и сделал по комнате еще один забег. Потом не выдержал нервного напряжения, подошел к шкафчику и достал бутылку водки. Семенов никогда не пил в одиночку, чай, не алкаш непотребный, последнюю рубаху пропивший запойный питух.

Но тут в голове царил такой сумбур, что без стакана не разберешься. А потому Григорий Михайлович набулькал добрую половину граненой склянки, выдохнул воздух и одним глотком опорожнил емкость.

Настоянная на кедровых орешках, очищенная казенная водка из прежнего времени показалась необычайно вкусной и крепкой. Это не нынешний вонючий китайский ханшин, коим заливалось все Забайкалье. Водка обожгла горло и расплавленным потоком потекла в живот. Атаман судорожно вздохнул и занюхал рукавом по старой казачьей привычке. Через минуту на душе полегчало, и Григорий Михайлович опять смог сосредоточиться на делах,

усевшись за заваленный бумагами стол.

Контрразведка у атамана работала весьма прилично, фактически отловив в Чите всех большевиков и эсеров, тем более что правительство прекратило миндальничать с левыми. В то же время она имела приличный круг агентуры и в Иркутске, а потому вскоре было прислано немало донесений. В основном муть, но встречались и такие, что подобны большому золотому самородку в песчаной гряде пустого отвала. Именно на них Семенов и сосредоточил все свое внимание, перечитывая в ...надцатый раз.

Развернутый отчет Скипетрова, тайно написанный бывшим генералом, напоминал больше дикий вопль: «Батька, спасай!» Но было и то, что заинтересовало больше всего — арест самого помощника в Порт Байкале и его разговор с Арчegovым. Это было нечто — поведение ротмистра категорически не вписалось в привычный образ.

А дальше пошло намного интереснее — удалось подслушать разговор адмиралов Колчака и Смирнова с капитаном первого ранга Фоминым, которому Арчegov на дуэли показал кузькину мать. Интересно тем, что этот офицер, не скрывая личной антипатии к ротмистру, тем не менее отзывался в таких превосходных степенях, что Семенов, читая текст донесения, только цокал языком, по дурной училищной привычке.

Разговор двух адмиралов атаман прочитал с не меньшим восхищением, чем в детстве, когда зачитывался Майном Ридом и Жюлем Верном. Это было нечто — поначалу Семенов решил, что водоплавающие тронулись умишком. Но через минуту, когда перечитал снова, понял, что еще немного, и у него самого ум за разум зайдет, ибо поверил написанному.

Григорий Михайлович тяжело встал из-за стола, подошел к иконам и долго молился, что делал довольно редко — неистовы в вере молодые казаки, неревностны, лишь в старости к Богу полностью приходят. А в молодости шашка и есть молитва делом. Облегчив душу, атаман снова сел за стол, угрюмый и задумчивый — в голове царил раздрай, почти такой, как в революцию семнадцатого на улицах Читы.

— Мистика, — прошептал атаман, и вытер рушником пот со лба. Если бы раньше кто сказал ему, он бы напрочь не поверил, да еще плетью поучил такого шутника. Но тут...

Дрожащими пальцами Семенов взял в руки листочек бумаги и негромко прочитал откровение Доржи-ламы, которое тот отправил ему. Григорий Михайлович свободно разговаривал на монгольском и бурятском, как многие казаки, да и добрая примесь местной крови текла в его жилах, и лицо имело типичные гуранские черты.

— Явится воинственный Сульде, и спасет державу от чужеземного владычества, и возродит древнее царство. Будет он белый, свой в чужом...

Неделей назад Григорий Михайлович соотносил это пророчество со своим старым сослуживцем бароном Романом Федоровичем Унгерном, «даурским вороном», как его называли в этих краях. Потомок тевтонских рыцарей засел на станции Даурия и наводил ужас на всех. Уехать в Китай без его ведома никто не мог, а что он делал с красными и евреями, которые попадали в его руки, и представить страшно. Словно приснопамятные времена Чингис-хана вернулись с его «Ясой».

С белесыми безумными глазами, абсолютный трезвенник, а оттого более ужасный, мало ли что по пьяни русские люди творят. Барон носил синий монгольский халат с генеральскими погонами, постоянно был с крепким ташуром в руках, коим и лупил всех провинившихся смертным боем, наводя среди подчиненных дисциплину.

Эта палка творила чудеса воспитания — конная дивизия Унгерна, сформированная из диких азиатов, имела высочайшую боеспособность, и партизаны боялись ее как огня.

Именно с Унгерном Григорий Михайлович связывал свой план, основанный на идеях панмонголизма и вызвавший сильное раздражение в Омске. Семенов был русским патриотом,

но уже к осени прошлого года он осознал, что поражение белого движения неизбежно. И за Байкалом ему не отсидеться, когда красная волна захлестнет Сибирь.

Потому заблаговременно начал готовить запасные позиции, и оккупация китайцами месяц назад столицы Монголии Урги прекрасно вписалась не только в его планы, но и в пророчество Доржи-ламы. Все складывалось просто великолепно — воинственный Унгерн со своей дивизией уйдет в Монголию и вышибет оттуда китайцев. Хотя, зная баронский нрав, можно ожидать тотального истребления солдат Поднебесной империи в Урге. Именно жестокость барона напечалит монголам о Чингис-хане, о боге войны Сульде. Вот вам и белое воплощение. А на престол будет возведен духовный глава Богдо-геген, который и возродит монгольскую империю.

А там к Монголии, внешней, как ее называли, или Халхи, можно будет присоединить и Внутреннюю, что находится в составе Китая, и где монголов втрое больше. Потом можно будет подумать и о бурятах по обе стороны от Байкала. Себя Григорий Михайлович видел правой рукой Богдо-гегена, главным князем, а Унгерна главным военачальником.

Насчет собственных полководческих дарований Семенов несколько не заблуждался — сможет отлично командовать полком или быть хорошим командиром казачьей дивизии, но отнюдь не больше. Не метит он в фельдмаршалы, никак не метит. Не по Сеньке шапка — тут поговорка права.

План хорош, но было в нем одно уязвимое место, которое сводило на нет все. Монголия не могла быть базой для продолжения войны с большевиками, да и вообще любой войны, если она могла продлиться больше полугода. В ней полностью отсутствовало военное производство, впрочем, как любая промышленность — ремесленные мастерские не в счет. А при его скудности снаряжения в Чите, создать заблаговременные запасы невозможно. И японцы не помогут, раз они сделали ставку на Сибирское правительство. Какой хороший план, и все пошло прахом.

Семенов встал из-за стола, прошелся по кабинету. И тут словно осенило — а ведь Доржи-лама прав, он сам неправильно истолковал пророчество. И не Унгерн здесь, хотя репутация того у монголов страшенькая. Арчegov — вот он, в центре этого пророчества.

Все складывается, как куски головоломки. Воинственный донельзя, по чехам прошелся так, что мама, не горюй! Армию создает крепкую, и авторитет начал взлетать на недостижимую высоту. Сам граф Келлер добровольно стал его помощником. Красный еврейский интернационал, зловещая иноземная выдумка — чем не чуждые России люди с их бесовскими идеями, жаждущие окончательной гибели державы?! А Московское царство Романовых, чем не древняя династия, ведь триста лет с лишним ей — с Михаила началась, и вновь Михаил, как в том откровении святого.

Григорий Михайлович стал утирать обильно потекший пот. А ведь так может и быть — ведь Доржи-лама — бурят, а этот народ в составе России чуть ли не три века состоит. Тогда все верно, и он со своей ставкой на Монголию чуть фатально не ошибся. Тогда ему следует...

Атаман лихорадочно засуетился, стал перебирать бумаги и вскоре нашел нужный листок. В Чите, как во всех губернских городах империи, был поставлен уголовный сыск. Неделю назад контрразведчики отыскивали старого чиновника МВД, которому дали на экспертизу докладную записку ротмистра Арчегова, написанную в июле прошлого года (отыскалась в канцелярии генерала Богомольца). Также передали ему листок собственноручного письма генерал-адъютанта Арчегова, полученный атаманом после Рождества.

Старичок сделал весьма обстоятельную экспертизу, убедительно доказав, что эти бумаги написаны одним и тем же человеком. Возможность какой-либо подделки почерка полностью исключена. Чиновник сделал развернутый анализ, который атаман впопыхах прочитал лишь

мельком, уловив главное, что его больше интересовало.

Отыскав бумагу, Григорий Михайлович трижды прочитал текст самым внимательным образом. Атаман в полном смятении чувств подошел к заветному шкафчику, налил до краев стакан водки и жажнул от всей души.

— Значит, свой в чужом, — припомнил он слова пророчества. Нет, это не Унгерн, это Арчegov. Вернее, неизвестный в его теле, непонятно как попавший туда 24 декабря прошлого года, с уровнем знаний опытного офицера Генерального штаба. Вторая оценка чиновника докладной того же Арчегова, но июля 1919 года, гласила, что сей офицер имеет узкий кругозор с приземленным мышлением, обусловленный недостаточным образованием...

Владивосток

— Фарт, это настоящий фарт. Судьба смилостивилась надо мною. — Генрих Шульц шептал про себя, глядя на таявший за белым поясом льда большой город. Через белую пустыню шел широкий изломанный черный след с белыми пятнами — лед был еще тонок, и ледокол без труда крушил его, выводя на чистую воду крейсер «Орел» под вице-адмиральским флагом и два военных транспорта.

Вот уж эти русские, настолько любят чины. В рейхе, в той Германии, довоенной, над таким отрядцем поставили бы корветтен-капитана, и тот был бы доволен до глубины души, что дали покомандовать быстроходным пароходом и двумя грязными пузатыми лоханками. А вот для фрегатен-капитана такое назначение было бы равно ссылке, а потому следовало подавать сразу рапорт на отставку.

А у русских все наоборот — ставят на такую должность адмирала, и не кого-нибудь, а бывшего командующего флотом и верховного правителя. И еще радуются, что, наконец, снова выйдут в океан. А может, все дело в том, что в их флоте просто нет настоящих военных кораблей.

То, что видел Генрих Шульц, не производило впечатления — старая канонерка накренилась в порту, без хода и экипажа, полдесятка допотопных миноносцев, из которых в море могла выбраться лишь парочка, да дюжина различных гражданских посудин, вооруженных наспех пушками. Но зато названия громкие — вспомогательные крейсера «Орел» и «Лейтенант Дадымов», тральщики «Патрокл» и «Диомид» и прочие лоханки с не менее громкими именами. Весь их флот...

— Их флот, — усмехнулся Генрих и пошевелил губами, словно пожевал слово. — Нет, господин старшина, нынче это твой флот! Под этим синим крестом тебе в бой идти, если придется!

Сегодня утром, перед самым походом, капитан-лейтенант Миллер собрал на верхней палубе всех немцев — германцев и австрийцев. И объявил — они служат два месяца на «Орле», который идет в Европу. Там контракт будет закончен, и они вольны перебираться на голодающую родину. Предложенная офицером перспектива совершенно не вдохновила слушателей — на русском флоте они за эти недели порядочно отъелись, а в карманах зазвенели монетки, и не простые, а золотые.

А потому известие о том, что контракт может быть продлен с ними на пять лет, было встречено с напряженным молчанием, что у немцев заменяло привычный русский гул. Спокойным голосом Миллер изложил условия — и тут строй пошатнулся, немцы просто не поверили своим ушам.

Да как поверить — сибирское гражданство после службы, а кто оттянет полный срок в 15

лет, получит небольшую пенсию и возможность работать в казенных учреждениях для приварка. Кормежка и паек для семей, выплата жалованья и различных прибавок за выходы в море, службы на отдаленных базах, за старшинские чины и так далее. А потом офицер подытожил все надбавки и назвал общую сумму в русских рублях.

Генрих считал великолепно — в кайзермарине артиллеристов всегда набирают из тех, кто хорошо знает математику. Сумма была немедленно удвоена в мозгу, и месячный итог для него получился в 120 марок золотом. Так как Шульц не знал, что представляет из себя нынешняя рейхсмарка, то произвел новую операцию, переведя курс в соседнюю валюту, вражескую. Во франках вышло еще больше — ровно полторы сотни — о такой сумме до войны можно было только мечтать, да и то в горячечном бреде.

Моряк прикинул надбавки, и тут ему внезапно поплохело — поверить в две сотни золотых франков он просто не мог. Однако Миллер развеял опасения, сказав, что вышел указ правительства, а военный министр уже отдал соответствующий приказ, который будет для них немедленно доведен на немецком языке, для лучшего понимания.

Приказ был тут же озвучен, а немцев распустили на полчаса для обдумывания перспектив. Все это время они, круглых дураков среди них не нашлось, ходили кругами, боясь, что русские передумают в самый последний момент, как это у них зачастую и случается. Очень непредсказуемый народ, живут без орднунга.

Но нет, не передумали, сделали все честь по чести — общее построение, подъем флага, присяга кайзеру Михелю, ради которой на палубе разбили алтарь и привезли из города пастора и ксендза, для лютеран и католиков. Прибыл и русский батюшка — на чужбине несколько немцев перешли в православие. Принимали присягу и русские моряки, кто переходил из гражданского флота. Остальные матросы застыли ровными шеренгами, а с ними гардемарины, три десятка которых отправлялись в плавание, для практики...

«Эльза или Гретхен», — эти два имени сидели занозой в мозгу Шульца. Первая девчонка была подружкой младшей сестренки Лоттхен. Вторая, на год постарше, племянницей по линии мужа тетки Клары. Генрих общался с ними за полгода до войны — веснушчатые девчушки тогда его не интересовали, пигалицы, в куклы еще играли. То ли дело Марта, соседка, дочь зеленщика. Есть за что подержаться. Но война прошла немилосердно — его подружки за эти шесть лет стали замужними фрау, многие вдовами, у всех дети. А брать такую обузу на себя он не хотел. Времена тяжелые настали, своих бы киндер завести и воспитать.

Девчушки подросли, и из гадких утят превратились в белых лебедушек. Тут муттер права, когда требует у него сделать выбор. И Генрих улыбнулся — раньше мама считала, что Сибирь заснеженная — ледяная страна, где ее сынок сгинет в русском плену. Но два месяца тому назад каким-то чудом он получил письмо от мамы, где она слезно просила его разбогатеть и привести знаменитые меха соболей и золото, которое просто валяется в дремучей тайге под ногами. Бедная муттер, видно, в Германии совсем худо жить...

«Так кого взять в жены мне? Эльзу или Гретхен? У меня должна быть настоящая немецкая жена», — Генрих мучился с вопросом. Еще бы, его нужно решить за четыре месяца, такая невероятная спешка. Немцы обстоятельный народ, и от помолвки до свадьбы должен пройти год. А тут такое дело всего за тридцать суток повернуть от ухаживания — до брачного венца и клятвы перед алтарем.

Капитан-лейтенант Миллер предупредил — моряки смогут вывезти из Германии жену и детей за казенный счет, с собой на «Орле», когда крейсер пойдет в обратное плавание до Владивостока. Даже если женятся в отпуске — тогда у молодоженов будет свадебное путешествие с несением вахт. У этого офицера настоящий прусский юмор. А потому нужно подумать и решить заблаговременно, ибо месяц отпуска в рейхе пролетит в одно мгновение.

«Так Эльза или Гретхен?!» На этот вопрос немец пока не находил ответа, но времени подумать было с избытком...

Ачинск

— Павел Петрович, как в бригаде? Отдохнули хорошо? — Спокойный голос начальника штаба Главковерха Фомина вывел полковника Петрова из секундного замешательства, а как иначе назвать внезапно нахлынувшие мысли о далеком доме, о той прежней жизни.

— Бригада полностью готова, — отрапортовал комбриг, живо поднявшись со стула. А как иначе, если субординация является стержнем, на котором крепится любая армия. — Три тысячи штыков, пятьсот сабель, четыре орудия с тремя сотнями снарядов на ствол.

— Пулеметы освоили? Боеприпасов достаточно?

— Так точно, ваше превосходительство! Патроны тоже получили.

— Хорошо, Павел Петрович. — Фомин поднялся со стула, который противно заскрипел, и подошел к оттаявшему окну вагона. Эти дни его штабной поезд беспрерывно мотался между Красноярском и Ачинском, уголь уже не экономили, благо из Иркутска доставили целый эшелон. И еще пришлют, по мере надобности — железная дорога на восток полностью открыта для беспрерывного прохода составов.

— Ваша бригада передается в состав Сибирского корпуса графа Келлера, здесь присутствующего, — Фомин чуть склонил голову в сторону старого генерала. — И сменил в авангарде части третьего корпуса генерала Каппеля, которые в двух переходах от станции Тайга. Дорога на Томск фактически открыта. Вам предстоит освободить его от большевиков. А сибирские бригады займут проходы через Щегловскую тайгу.

— Какими силами располагает противник?

— Еще значительными, граф, — Фомин повернулся к Келлеру. — Перед вашим корпусом потрепанная 27-я дивизия красных, которую спешно усиливают мобилизованными пролетариями из Новониколаевска и Томска. С Алтайского направления перебрасывается 26-я дивизия, от Омска в Новониколаевск на днях подойдет 51-я дивизия Блюхера. Их лучший начдив, отмеченный уже тремя орденами Красного Знамени. Дивизии имеют большой некомплект, их спешно пополняют местными большевиками, рабочими и партизанами. Так что по десять тысяч человек в каждой имеется.

Келлер с Петровым переглянулись — у красных было вдвое больше сил, чем в частях корпуса. Это не пугало, нет — закаленные и испытанные солдаты могли опрокинуть и сильного противника, но численный перевес есть определенный фактор, который следует учитывать.

Фомин посмотрел через стекло на закамуфлированные туши столпившихся на станции бронепоездов. Десять единиц, включая четыре бывших польских и три русских плюс две бронированные батареи — чудовищная сила, способная проломить путь на запад. Но сейчас полностью бесполезная — дорога у Ижмарской будет расчищена от брошенных в эвакуации эшелонов только через три дня. Вообще-то рассчитывали на неделю, но Шмайсеру удалось сделать невозможное.

— Если не прорвать позиции красных сейчас, то придется медленно прогрызать оборону, господа, уже не одной, а трех дивизий. Мы должны занять Щегловские проходы до прибытия 26-й и 51-й дивизий. Тогда и обороняться или, напротив, продолжать атаковать станет намного предпочтительней. Что касается прибывших бронепоездов...

Фомин посмотрел еще раз на бронированные туши, на суетящихся возле них экипажи и невесело улыбнулся.

— Скорость движения наших бронепоездов прямо зависит от времени исправления железнодорожного полотна, — тихо произнес генерал-адъютант и мысленно пожалел, что нет танков. Он с радостью обменял бы свой любой бронепоезд на танк Т-28, а еще лучше все на все. А с дюжиной трехбашенных танков наступление приняло бы совсем другой характер. Вот только взять такие танки неоткуда и невозможно — до их создания еще 15 лет. Эхма, а так хорошо было бы — один стремительный удар. Но и «бэпэ» сгодятся...

— Господа! Я прошу вас сделать все возможное и невозможное — но вы должны открыть Щегловские проходы. Для нас это даст возможность наступать в будущем и определенные шансы на победу. Отдавать противнику инициативу нельзя! Если красные нас опередят, то... В обороне находясь, войну не выиграешь!

Чита

— Ну, Петр Васильевич?! Старая лиса, — Григорий Михайлович пробормотал угрозу, но сам понимал, что зубов у него, чтобы хорошо тяпнуть, уже нет. Сила растаяла за полмесяца, и так быстро, что он и не понял толком.

Сейчас Сибирское правительство нанесло добивающий удар, суть которого Семенов прекрасно понимал, еще бы! Оставлять самостоятельного атамана в Забайкалье для Иркутска было чревато, как прошлой весной для Омска. Но тогда Григория Михайловича поддержали японцы, а сейчас они же его и сдали. Мысль о сопротивлении, об игнорировании указа мелькнула на мгновение, но атаман ее отринул — ни к чему хорошему это привести не могло. Оставалось надеяться, что военный министр более взвешенно оценит его заслуги, чем правительство.

В доставленном час назад пакете, который вручил ему лично прибывший из Иркутска фельдъегерь, Вологодский написал сплошные любезности, сделав от имени правительства массу комплиментов. Самое главное было в конце — для сосредоточения всех военных функций в одних руках пост походного атамана упразднялся, а обязанности по этой должности возлагались на генерал-адъютанта Арчегова. В помощь военному министру формировалось управление по казачьим войскам. Вот и все, последний удар молотком по гвоздю, понятно, в какую крышку!

В конце письма Вологодский подсластил пиллюлю, предложив Григорию Михайловичу прибыть в Иркутск для получения высокой правительственной награды — ордена «За освобождение Сибири» первой степени. И дописал, что военный министр высоко ценит его заслуги и даст атаману достойное назначение в рядах Сибирской армии.

— Кто бы сомневался, — пробормотал Семенов. Вызов в Иркутск походил на ловушку, но не ехать было нельзя, чревато последствиями. Сослаться на болезнь можно, но что дадут эти две недели, пусть даже месяц?!

Григорий Михайлович бросил взгляд на второй пакет, оставленный на десерт. От военного министра он ожидал только пакостей, а потому не хотел сразу портить себе настроение, выбрав для начала депешу Вологодского. Но делать было нечего, и атаман, чувствуя в груди свинцовую тяжесть, взял нож, и взрезал толстую бумагу. Достал листок, исписанный знакомыми арчеговскими «кренделями», положил перед собой на стол и стал внимательно читать послание, выпучивая от удивления глаза.

— Ах ты, бестия! Ты что же — мысли читать умеешь?!!!

От изумления у Григория Михайловича в груди дыхание сперло, и атаман добрую минуту приходил в себя. Затем перечитал письмо еще раз, поднялся с кресла, подошел к шкафчику и

пил себе третий за этот день стакан водки. Зелье его почему-то не опьяняло, не действовало привычно, но давало небольшую разрядку.

С первых же строчек своего письма Арчegov взял быка за рога, и если откинуть словесную шелуху, то военный министр прямо указал, что пока он, атаман Семенов, находится у власти в Забайкалье, то умиротворение региона чревато разными сложностями. Хотя сам Григорий Михайлович, как человек простой натуры, широкого недовольства населения не вызывает. Эту песенку с перепевами атаман слышал не раз, в той же Чите на каждом углу судачили — «Семенов-то хорош, зато семеновщина невыносима».

Посему военный министр весьма благодарен ему за проделанную работу, восхищается и т. д., но пришел к мнению, что атаману нужен другой, более значимый фронт деятельности, где его дарования проявятся в полной мере. Это как понимать прикажете — утонченное издевательство или откровенное хамство? Ну и кто он после этого?!

На место военного губернатора Забайкалья назначен бывший главковерх генерал-майор Сахаров, уже лишившийся одной звездочки с погон. Его кандидатура атамана полностью устроила — тот пользовался репутацией яркого монархиста, был умен, но полководческими дарованиями не блистал. Хотя в Забайкалье они не требовались — война с партизанами носила больше политический характер. Но тут другое интересно — Арчegov интриган еще тот, кому хочешь фору даст. Ибо над Сахаровым поставлен командующим округом генерал Дитерихс, которого в свое время сместили с поста главнокомандующего по настоянию первого, который тут же и уселся на освободившееся место. Правда, ненадолго...

Ну а самому Григорию Михайловичу предлагается следующее — и Семенов прочитал свой собственный план, давно вынашиваемый в голове. Такого просто не могло быть, ибо атаман был отнюдь не болтлив и легковверен, иначе бы не захватил Забайкалье в позапрошлом году и тем паче не излагал свои затаенные мысли. У него тут же возникло стойкое ощущение, что Арчegov, корябая строчки, хихикал над собственным письмом.

Конно-азиатская дивизия барона Унгерна должна будет в июне вторгнуться в Монголию и выбить оттуда китайцев. Тем самым соседям указывалось, что нарушать предшествующие соглашения с Россией нельзя. Но в то же время не показать прямое участие русских частей в ургинском походе. А потому дивизию Унгерна переименовать в Монгольскую, снять сибирскую и российскую атрибутику — кокарды и погоны, а офицерам подать рапорта об исключении из службы. Но военный министр дальнейшего хода им не даст, так как они будут числиться в особом делопроизводстве при канцелярии.

Тем самым, в случае ярых протестов китайской стороны, которую могут поддержать дипломаты Антанты, сибирское правительство будет иметь возможность указать, что обвинения звучат не по адресу, все это дело самих монголов. А если русские служат ургинскому правительству, то даже премьер-министр Вологодский не сможет им этого запретить. Тем более что во Франции есть «Иностранный легион», а в Сибири «Маньчжурские» батальоны. Так что претензии не по адресу...

Григорий Михайлович на минуту возгордился собой — это ведь он первый придумал этот план, и если военный министр, умный и ушлый, предлагает почти такой же вариант, то, значит, не такой он сам и дурак, как окрестил себя днем. Но тут же насторожился, вчитываясь в письмо. Арчegov хоть и предлагал атаману организовать эту экспедицию и даже возглавить ее, но между строчек сквозило неприкрытое ехидство: «Ты будешь большим дураком, если согласишься. В Монголии вам с Унгерном вдвоем будет тесно, а что бывает с двумя скорпионами, которых помещают в одну банку?»

Мысль, конечно, прозвучала завуалированно, про скорпионов Григорий Михайлович сам додумал. И сразу загрустил — у Романа Федоровича под рукой лично преданная ему дивизия, у

него там ничего не будет, даже конвоя, — понятно, кто будет из них верховодить.

Атаман загрустил, отправляться в Монголию он сразу расхотел. Организовать дело Унгерну поможет, часть славы падет и на него. Но отправляться самому? Нет, увольте!

Вариант получить под командование любой кавалерийский или казачий полк с возможностью назначения на освободившуюся конную или казачью бригаду Григория Михайловича не привлек. Арчegov знает что предлагать, отправит подальше от Забайкалья, где у него сильная опора, на кудыкину гору, а генералы там живо в оборот возьмут.

Вскользь военный министр упомянул про формируемый лейб-гвардии сводный казачий полк, заметив, что командование над ним будет поручено кому-либо из «старых» гвардейцев. Григория Михайловича тут же скривило, будто разбавленного уксуса хватанул. Таких гвардейских полковников было только два, оба служили в сводно-казачьем раньше. Бывший военный министр Сычев, и бывший командир Иркутского казачьего полка Войлошников. Двое из ларца, одинаковы с лица — хрен редьки не слаще. Семенову совсем не улыбалось иметь в помощниках на полку второго, но еще хуже ситуация, когда сам попадет под начало Сычева. Тот генерал, к бабке не ходи, командовать гвардейской бригадой назначат.

Категорически отвергнув предложенные первыми три варианта дальнейшего «трудоустройства», внимание атамана привлек последний четвертый пункт. Тут следовало пораскинуть мозгами.

Правительство распространило военную службу на бурят по обе стороны Байкала. Значительную часть, треть инородцев, попросту поверстали в иркутские и забайкальские казаки. Оставшимся вне войскового устройства дали полную автономию, возможность сформировать три уланских полка — Ангарский в Прибайкалье, Удинский и Селенгинский за Байкалом. И дополнительно гвардейский уланский дивизион, который должны были в ближайшем будущем развернуть в полк с призывом сибирских татар и урянхов.

Права командира отдельной бригады, получение чина генерала, нахождение в родном Забайкалье, возможность комплектовать гвардию и тем самым получить доступ к императору Михаилу Александровичу — все это сразу заинтересовало атамана. Возможные сложности с бурятскими националистами, тем же Ринчино, его не пугали — как-нибудь найдут общие точки соприкосновения, ведь в жилах атамана тоже текла бурятская кровь.

«Что же это он так? Вроде в последнем нет подвоха?» — Атаман еще раз поразмыслил над предложенными вариантами. Отвечать нужно было немедленно, фельдъегерь уже ждал в приемной, поезд в Иркутск отходил через час.

«Ну что ж, буду бурятами командовать. Начну с того, чем в семнадцатом занимался». — Григорий Михайлович вспомнил, как тогда он, еще подъесаул, получил мандат от самого Керенского и отправился формировать в Забайкалье бурят-монгольский конный полк. Сейчас предстоит укомплектовать за полгода конную бригаду, что, конечно, намного сложнее. Но и он уже войсковой старшина, даже генералом побывал. Последнее предложение Арчegovа его устраивало полностью, и атаман решил его принять.

Но прежде чем сесть за написание ответов Вологодскому и военному министру, Григорий Михайлович тяжело поднялся из-за стола и пошел к заветному шкафчику, что манил его раскрытой створкой.

Даурия

Теперь Иржи Колер не сомневался, что он выберется из поганой Сибири, чтоб ей пусто было. «Братушки» здесь нашли «союзников» на свою голову. Имя им — грабители и предатели,

в самый тяжкий момент в спину нанесли удар ножом. Недаром генерал Сыровы говорит, что русским доверять никогда нельзя, они как волки, сколько ни корми, а берегись, в любую секунду на тебя и набросятся, в клочья рвать будут.

Иржи посмотрел в окошко и, уловив в нем свое отражение, скривился. Казачья шашка вкось прошла по лицу, стесав часть предплечья. А потом и лицу досталось — клинок отрубил кончик носа. И что теперь делать — Марта сразу губки скривит, за такого красавца замуж выходить категорически откажется. Хорошо, что живым остался, лампасник мог и насмерть зарубить.

Но выполз из лап смерти лихой капрал, хотя и ехал сейчас в лазарете. Вагон пусть и третьеклассный, но с туалетом и кухонькой. Сестры милосердия все русские, но многие замужем за чехами, очень внимательны и заботливы, и руки ласковые. Перевязку так делают, что боли почти нет, хоть бинты с кровью иной раз к ране присыхают.

Особенно старается миловидная девица Настена, младшая сестра жены надпоручника Глинки. Колер несколько раз заводил с ней разговоры, и она, вот чудо, охотно с ним беседовала. А сейчас Иржи подумал: ну ее, эту Марту, ему лучше на русской жениться, недаром о верности этих женщин столько рассказов ходят. Он бы так и сделал, но вот печаль — пока без сознания лежал, кто-то из своих же «братушек» поясok под исподним снял, и золото, что службой нелегкой добыто было, в руки мерзкого вора попало.

В один миг разорился Колер — теперь Марта его даже на порог не пустит, какая уж тут женитьба. Она кроны хорошо считать умеет, недаром ее толстяк отец пивную содержит. Отговорит ее, как пить дать, точно отговорит. Бедного зятя даже близко не подпустит.

А что его в Чехии ждет?! Рука плохо двигается, доктор уже предупредил, что так и будет, лечить на курортах придется. Так чтобы вылечить, деньги нужны, а в легионской кассе у него всего ничего, в поясе главное богатство зашито было. А пенсию маленькую назначат — инвалиды войны сейчас на каждом углу подачку слезно выпрашивают. Так и он будет дальше жить — с протянутой рукой...

Иржи, лежа на полке под колючим армейским одеялом, смотрел в окно на станционную жизнь. Хоть единственное развлечение осталось. Даурия его сильно удивила — русские держали ее в образцовом порядке. Но, может, все дело в этом безумном, что на монгольский халат нашил генеральские погоны. Утром одного офицера, как потом сказали сестры, заподозрив в пьянстве, прилюдно избил длинным посохом, в кровь, без жалости. Прямо под окнами чешских вагонов. Но, может, так и надо с ними, ведь без кнута они ничего не делают, великую русскую лень ничем не вылечишь.

Но чехов не трогал этот безумный генерал, немецкий барон к тому же. Может, приказ был, их военный министр Арчegov, что бронепоезд на глазах Иржи в Михалево захватил, шутить не любит, своих же пачками в Иркутске расстреливал и вешал на всех столбах гроздьями. Чехи такое зверство сразу «сибирским виноградом» окрестили.

Но и сам Иржи видел, что легионеры за эти дни совсем другими стали — безобразий не чинили, ходили, как говорят русские, тише воды, ниже травы, за все платили. И дисциплину разом вспомнили, кому ж хочется у первой попавшейся кирпичной стенки холодным лежать. Без оружия против бронепоездов не повоюешь, а полсотни винтовок на эшелон не бог весть какая защита. Да и те сейчас забирают, на станции в подводы укладывают, а иначе в сопредельный Китай не пропустят.

Иржи посмотрел в окно, опытным глазом определив позиции пулеметов в окнах краснокирпичной казармы. Да и пушку было видно, ее хищный ствол уставился на эшелон. И так везде, глаз не спускают с чешских эшелонов, только повода ждут. Мало того что ограбили, как тати зловерные, так еще убить желают! А ведь мы за них кровь лили!

Капрал тяжело вздохнул — ему, как и всем чехам, было очень жаль отобранного русскими имущества. Три четверти вагонов забрали, в оставшиеся эшелоны забили чехов как сельдей в бочку, в теплушках вместо четырех по двадцать легионеров теперь ехали, а много ли в такой тесноте другого добра вывезешь. Даже на крышу не приспособишь — на первой же станции русские отберут. Потому что не по договоренности!

Ничего, завтра эшелон будет уже на станции Маньжурия, это уже Китай, станет намного легче. А потом колеса постучат до самого Владивостока, там их ждет океанский пароход, который и увезет его в милую сердцу Моравию. Хорошо, что отец виноградник сохранил, будет там первое время работать. Да и поле у них большое, акров пять — всю семью кормило. Иржи — старший сын, и две младшие сестры, отец и мать. Ничего, с голоду не умрут!

— Ты чего грустишь, Иржи? Невесту вспоминаешь, что ждет тебя на родине?! — Настена заглянула в отсек, прижимая к груди стопку чистого белья. Если поезд стоял на станции больше суток, то комендант сразу договаривался с местными жителями о стирке, давая мыло, — и им приработок немалый, и грязь со вшами легионерам не грозит.

— Нет у меня невесты, — грустно отозвался Иржи. — Да и не будет, наверное. Я ж почти безрукий, а кому такой муж нужен?

— Рука для мужа не главное, есть и нужнее, — сестра зашла в отсек, положила белье и присела рядом, касаясь бедром его согнутой в колене ноги. Иржи будто током ударило, и он покраснел.

— Найдешь себе девушку, — Настена будто и не заметила, что вогнала капрала в краску. — Парень ты видный, полюбят еще.

— Кому я нужен?! И денег у меня уже нет. Сама знаешь, что поясок мой тю-тю сделал. — Иржи заскрипел зубами от горечи. — А без них на что семью содержать?! Разве женщины бедных любят?

— Дурак ты, Иржи. — Девушка положила на губы солдата свою теплую ладонь. — Ты хороший парень, и у тебя будет жена!

— Когда?! — усмехнулся капрал.

— Хоть завтра, ты мне только предложение сделай да батюшку найди для венчания, — Настена посмотрела ему прямо в глаза, и чех за секунду покрылся потом. Это не шутка, не утешение — с такими серьезными, пронзительными глазами делают самое настоящее предложение. Вот только роли поменялись — такое должен говорить мужчина, а не девушка.

— Ты это... Взаправду?!

— Я полюбила тебя, дурашка! — Настена наклонилась и поцеловала чеха, что от растерянности даже не пошевелился. Губы у нее были мягкие и пахли малиной.

— Я... Это... Согласный я! — только и прошептал Иржи. У него закружилась голова от счастья, ведь такие девушки редкость, за ее сестрой пан офицер как за каменной стеной. Она в семье голова, а муж только воюет. И в Чехии она верховодить будет — русские женщины для семьи созданы.

— Я поговорю с Вацлавом и сестрой немедленно. Я думаю, завтра в Маньжурии нам все устроят. А ты хорошо подумай, Иржи. Я не хочу быть игрушкой на одну ночь! Подумай, любимый! — Девушка наклонилась и так пылко поцеловала чеха, что того пробило до пяток. Иржи видел только ее, и у него в голове билась только одна мысль, лишь бы она сама не передумала, не сказала ему, что неудачно пошутила...

— Я думал, что у вас здесь положение намного хуже, есаул. — Арчegov внимательно посмотрел на стоявшего перед ним навытяжку офицера в казачьей форме. И улыбнулся еще раз, поощрительно.

— Вы полмесяца в осаде держались, честь вам и хвала! Канск — ключ к Красноярску, нельзя было позволить его захватить. Чехи вам помогали?

— Ваше высокопревосходительство, вверенный мне гарнизон достаточно сильный, потому нам и удалось отбросить от города партизан. Большую помощь оказали союзники — солдаты 3-й чешской дивизии полковника Прхалы. А сейчас в Канске стоят эшелоны первого югославянского полка. Чешские составы уже проследовали на Нижнеудинск.

— Видел я их там, тихих и услужливых. Борзота схлынула, а то пальцы веером, сопли пузырем — вы на кого батон крошите?!

Есаул Бычков в растерянности заморгал глазами — каждое слово генерала по отдельности было ему понятно, отношение военного министра к чехам тоже, но вот общий смысл неясен. Тем не менее офицер привычно собрался, внимательно слушая командующего.

— Какие силы вы оставляете здесь? Как идет погрузка в эшелоны? Какое оснащение и вооружение? — Вопросы посыпались градом, но начальник гарнизона не смутился и стал размеренно отвечать, «поедая» взглядом, как предписано уставом, военного министра.

— Из дружинников сформирован полнокровный батальон государственной стражи, который уже взял на себя охрану города, станции и железной дороги. Из добровольцев скомплектована егерская рота, у населения реквизированы лыжи. В казармах приводят в порядок дезертиров и разбежавшихся солдат, что были здесь гарнизоном. Согласно вашему приказу, они сведены в два батальона Канского полка. Начали прибывать охотники из местного населения, в селах уже читают обращение правительства.

— Много желающих?

— Пока набралось без малого сотня, ведь требуется свое обмундирование. В этом и сложность...

— Выдавайте со складов. Форму чехи вам передали?

— Так точно, ваше высокопревосходительство! Три тысячи комплектов.

— Вот и обмундируйте весь Канский полк, а заодно и стражников. Хотя нет, вам же предстоит совсем другая задача. Передадите все имущество новому начальнику гарнизона, а с полком двигайтесь на соединение с бригадой.

— Есть, ваше высокопревосходительство!

— Гарнизон у вас примет полковник Ромеров, прибывший из Ачинска. Вы его знаете?

— Так точно! Он воевал летом с партизанами.

— Тогда и карты в руки, раз с местными условиями знаком. Вы ему лучше растолкуйте, что к чему, господин войсковой старшина. И еще — правительство наградило вас орденом «За освобождение Сибири» второй степени. Я вручу вам его сегодня на построении полка. Потому немедленно представьте мне наградные листы на отличившихся офицеров, казаков и солдат. Ни один из них не должен остаться без достойного награждения. Вы меня поняли, господин войсковой старшина?!

— Так точно, ваше высокопревосходительство!

Арчegov усмехнулся — Бычков за секунду побагровел на морозе от счастья — и чин полковника, пусть и иначе названный, обратно получил, и орденом наградили. Причем достойным — боевой офицерской наградой Сибирского правительства, приравненной по статусу к святому Георгию 4-й степени. Зеленый крест с двузначным номером, ибо давали его крайне редко, полного взвода не насчитывалось. А с первой степенью полудюжины кавалеров не набиралось, даже пальцев на одной руке хватило бы, чтобы всех пересчитать, да еще про

запас мизинец и большой оставались.

Кивком попрощавшись с остолбеневшим от радости командиром полка, Константин Иванович отправился обратно, в свой вагон, где его ждал новый, только что назначенный военный губернатор Забайкальской области генерал-майор Сахаров, бывший главком, бывший генерал-лейтенант...

— А это что за чудо-юдо? — Арчegov поморгал, но мираж не исчез. На станции газавал самый настоящий броневи́к, причем настолько допотопный, что двухбашенный «Остин», с которого толкнул свою знаменитую речь Ленин, казался вершиной инженерной мысли. Обычный грузовичок, раза в полтора меньше ГАЗ-51, мотор и кабина которого обшиты броневыми листами. Справа от водителя высунулся в амбразуру «максим», еще один пулемет торчал в боковой стенке.

— Так, — задумчиво протянул Арчegov, — четыре амбразуры с круговым обстрелом, два пулемета. Почему «нос» острый? И как его называют?

— Броневи́к «Джефри», полноприводный, американской конструкции, ваше высокопревосходительство, — тут же бодро доложил поручик в замызганной куртке, и таким радостным голосом, что Константин сразу понял, что его скепсис офицер не склонен разделять.

— Блиндирован по системе капитана Поплавко. А «нос» острый для того, чтоб проволочные заграждения прорывать.

— Понятно. И откуда он взялся?

— Чехи у красных отбили да нам передали, как и другое вооружение.

— Танк знаете? — поинтересовался Арчegov у офицера.

— Никак нет, ваше высокопревосходительство! Не доводилось, хотя слышал о них многое.

— Скоро узнаете и рычаги подергаете, — загадочно улыбнулся генерал и многозначительно посмотрел на поручика. Тот оказался догадливым, в его глазах вспыхнул огонек любопытства, утолить которое ему не дали.

Генерал повернулся, быстро дошел до своего салона и, лихо подпрыгнув, оказался в тамбуре. Быстро скинул шинель и папаху на руки денщика, прошел по коридору до своего кабинета. Хотелось зайти к жене, приобнять, поиграть еще с Ваняткой, но дела обрушились Ниагарским водопадом.

Путь на Красноярск был свободен, партизаны практически остановили нападения, а потому можно было двигаться и ночью. В сопровождении бронепоезда, для вящей безопасности. Ночевка в Канске отменялась, и в оставшееся до отправления время необходимо было сделать массу полезного.

— Здравия желаю, ваше высокопревосходительство! — Невысокий, крепенький генерал, с короткими усиками, молодой, сорока вроде бы нет, встал по уставу, бросив руки по швам.

— И вам не хворать, Константин Вячеславович. — Генеральское рукопожатие было крепким. Арчegov сел за стол, предложив кресло напротив себя.

— Константин Вячеславович, у нас только полчаса, а потому давайте перейдем сразу к делу, — Арчegov достал из пачки папиросу, радушным жестом предложив генералу курить. Но Сахаров отказался — Константин уже понял, что по отношению к нему генералы и офицеры сделали железный вывод. С начальством курить не рекомендуется, особенно когда оно так к вам радушно — «клизма» все удовольствие испортит. Никто так ни разу и не закурил, кроме адмирала Колчака, но с тем связывали совсем другие отношения.

— Победа над партизанами в большей мере лежит в плоскости политических решений, а отнюдь не военных. Правительство рядом спешно принятых законов уже начало умиротворение населения. Надеюсь, что вы с ними знакомы, ведь именно вам предстоит внедрять их в жизнь.

— Я самым внимательным образом их изучил, Константин Иванович, — быстро ответил

Сахаров, почувствовав, что в голосе военного министра еле слышно звякнул металл.

— Тем лучше, а потому не буду останавливаться на этом. Ваша задача состоит в том, чтобы опереться на лояльные к нам слои населения, покончить в этом году с организованным партизанским движением. Используйте местные ресурсы, у вас будет самая широкая поддержка МВД, а потому создавайте и усиливайте военизированные формирования данного ведомства. Не стоит задействовать армию там, где может справиться полиция и стражники.

— Я полностью с вами согласен, Константин Иванович. Карательные акции разлагают наших солдат.

— К сожалению, у нас многие это понимают, но когда доходит до дела, то... В общем, как всегда. Для этих операций используйте маньчжурцев, вам ведь предстоит завершить формирование трех батальонов, начатое атаманом Семеновым. Но не увлекайтесь — их лучше использовать в качестве пушечного мяса на фронте. У нас слишком мало населения, чтобы мы жалели китайцев. Воевать лучше золотом, чем кровью.

Арчegov тщательно затушил окурок и медленно встал из-за стола. Чуть прошелся по салону — Сахаров молча сидел, в фигуре генерала чувствовалась напряженность. Его глаза, уставленные на военного министра, смотрели не мигая, внимательно, цепко.

— Константин Вячеславович! Дело в том, что до июня вы должны полностью подготовить стрелковую и казачьи бригады кадрового состава. И передать их сюда, в действующую армию. А потому занимайтесь ими, но в бой не бросайте. Рассчитывать можете на добровольцев и льготных казаков, да и то ограниченно — всех, кому больше тридцати лет, мы демобилизуем. Офицерскими кадрами вы будете обеспечены в полной мере, вооружением и снаряжением тоже. У вас целая бригада бронепоездов, пусть и «шпальных», но их десятков, — Арчegov задумался и, прекратив ходить, уселся за стол.

— Кроме того, надеюсь, что к лету атаман Семенов создаст боеспособные бурятские уланские полки. Две-три тысячи инородцев, имея казаков в качестве отделенных и взводных командиров, немалая сила. Тем более на них не действует большевистская пропаганда. Так что в ваших интересах оказать Григорию Михайловичу всю потребную помощь.

— Полковник Семенов все еще походный атаман казачьих войск? — осторожно спросил Сахаров.

— Нет, сегодня войсковой старшина Семенов, — Арчegov голосом выделил чин, и Сахаров виновато склонил голову, признавая свою ошибку.

— Сегодня он откажется от этой должности, потому что создано управление по казачьим войскам, а функции походного атамана передаются в ведение военного министра, то есть мне. Григорий Михайлович назначен командующим отдельной инородческой бригады, которую предстоит сформировать, как я говорил раньше. Я думаю, что он уже принял это решение...

Глава восьмая

Что же ты с нами сделала, Родина...

(21 января 1920 года)

Красноярск

Мимо вагонного окна медленно проплывали фермы железнодорожного моста, под которым протянулась ослепительно-белая лента ледового панциря. Широкий Енисей у Красноярска, намного больше и величавей, чем красавица Ангара в Иркутске.

Арчegov улыбнулся, тронув пальцем холодное стекло, и представил, что скоро он пройдет по городу, в котором был только проездом. И более известному там лишь по денежной купюре мелкого достоинства, пусть и со многими нулями. Да и то, совсем не того города, который он видел. Автомобильного моста и широченной плотины ГЭС, памятных по рисунку, еще нет, построят лет так через пятьдесят, зато можно будет воочию увидеть казачью церковь, вернее часовенку.

Додумались «демократы» до пользы великой. Изучать историю и географию России по денежным купюрам — Владивосток, Великий Новгород, Красноярск, Санкт-Петербург, Москва и Архангельск. Судя по инфляции, к ним вскоре присоединятся и другие не менее известные города, которых в России намного больше, что на всех мыслимых и немыслимых купюр не хватит. Кого, интересно, выберут на этот раз?

Арчegov усмехнулся — его прошлое, а здесь оно будущее, причем уже настолько размычатое, что в Сибири такого просто не может уже быть, постоянно давало знать о себе, притягивая мысли сбежавшего из него подполковника. Грядущее теперь неопределенно, и, возможно, Россия может стать совершенно иной. И, пролив кровь сейчас, можно уберечь страну от гораздо худших несчастий.

А им нет числа — коммунисты позаботились. Голод двадцатых, тотальное разрушение церквей, массовое бегство талантливых людей за границу, достаточно вспомнить того же Сикорского или «философский» пароход. А в тридцатые вообще сплошной ужас пошел — индустриализация важна, но не ценой коллективизации, когда полностью подорвали сельское хозяйство, да так, что спустя полвека не смогли восстановить.

Коммунизм решили к 1980 году построить, Хрущев клятвенно обещал (как позже Ельцин смело заявил про рельсы), хоть бы людей досыта накормили. В перестройку Горбачева бесконечные очереди и продукты по талонам, мясо и хлеб за бугром закупали. Хотя даже сейчас в Сибири не весь урожай обмолочен, а в войну нет голода. А что устроили в тридцатые? Голодомор нескольких миллионов человек, да еще столько же стали жертвами репрессий в страшные годы Большого Террора.

— Нет, такого будущего мне и даром не нужно, — пробормотал Ермаков и отошел от окна. Поезд уже проехал мост и вскоре должна быть остановка. Все, конечный пункт — приехали.

Военный министр только успел надеть шинель и нахлобучить папаху, как поезд дернулся, качнулся и застыл. За окном возвышалось здание вокзала, на свободном от людей перроне застыли ровные шеренги солдат и кучка каких-то военных.

— Никак решили мне торжественную встречу организовать, — пробормотал под нос Арчegov и машинально отметил, что выстроившиеся солдаты не принадлежат к Сибирской армии. Слишком разношерстно одеты, а на плечах погоны чуть ли не всех цветов радуги — от

малиновых до защитных. И ни у кого из них нет обязательных бело-зеленых угольных шевронов на рукавах.

Но делать было нечего, не отменять же мероприятие, как-никак он теперь ну просто большое начальство. Бросив взгляд на шашку, мирно висевшую на стене вагона, Константин чуть улыбнулся.

Острую нехватку данного колюще-рубящего оружия для формируемых инородческих конных полков он разрешил в первый же день своего министерского правления. Просто запретив во всех родах войск, за исключением кавалерии, носить шашки и сабли, включая и наградное оружие. И сам первый продемонстрировал исполнение — повесил свое георгиевское оружие на стенку, испытывая при этом немалое облегчение. Шашка являлась непривычной не только ему, она вызывала массу неудобств у пехотных и артиллерийских офицеров. Да и зачем носить лишнюю тяжесть, если коэффициент потерь в Мировую войну от холодного оружия был мизерным и измерялся десятными долями одного процента. И то, главным образом, не от пик и шашек, главного оружия кавалерии, а от штыков, ножей, булав, кастетов, саперных лопаток и прочего шанцевого инструмента, которые охотно применялись враждующими сторонами в окопной бойне.

Но у Константина Ивановича присутствовал этический момент — после искреннего разговора с женой он счел крайне недостойным делом носить награды настоящего Арчегова. А потому испытал немалое облегчение, оставив на груди только зеленый орденский крест, врученный ему Вологодским вместе с генеральскими погонами.

Пройдя по вагону, он мимолетно заглянул в купе Ванятки — жена держала сына на коленях, а малец с увлечением смотрел на шеренги солдат. Нина повернула голову, почувствовала его взгляд, и улыбнулась. Он только вздохнул — обрета, боялся потерять.

Спускаясь по ступенькам, Константин сжал нервы в кулак — группа военных быстро подходила к вагону, и первым шел генерал-лейтенант со знакомым до боли лицом. Ермаков узнал его сразу — на стене в кабинете над головой висел портрет царя Михаила. Для художников в Иркутске наступило время самой настоящей золотой лихорадки — заказы на изображения монарха многократно превышали их возможности, а за изготовление халтуры можно было иметь весьма неприятный разговор с офицерами ГПУ.

— Ну, здравствуйте, Константин Иванович! Рад вас видеть! Очень рад! Мы вам будем вечно обязаны за спасение Сибири!

Михаил Александрович сжал военного министра в объятиях, и тот почувствовал, как затрещали кости, хотя тело было сильным и тренированным. Арчегов на секунду опешил, такое нарочитое радушие показалось ему наигранным. И тут же почувствовал — царь не играл, лжи не было ни на капельку. Он действительно был благодарен ему. А это значило, что его величество знает, как сложились бы дела в Иркутске, не будь его в теле Арчегова. А вызнать будущее, имея двух «немцев», несложно, достаточно пары минут. Потому он им и «открылся» заранее, отправив пару телеграмм. И получил мощную поддержку, о которой и не мечтал.

— Позвольте представить вам моего начальника штаба, а теперь и вашего, Семена Федотовича Фомина. Надеюсь, вы сработаетесь?!

— Рад вас видеть, Константин Иванович! Мы действительно жаждали ваше высокопревосходительство!

Рукопожатием обменялись крепким. Видавший виды, сухощавый, постарше его самого, генерал с царским вензелем на погонах, понравился Константину с первого взгляда. И он тут же отметил — на немца тот не походил ни на капельку, как винтовка на грабли. И акцента совершенно не было, а руки отнюдь не генштабиста, больше слесаря, а скорее танкиста, что, наверное, ближе к истине, ведь в Фомине сразу чувствуется кадровый офицер.

— А это мой единственный флигель-адъютант, Андреас фон Шмайсер. Или Андрей Федорович. Прошу любить и жаловать!

— Здравия желаю, ваше высокопревосходительство!

Два взгляда схлестнулись стальными клинками и со звоном отлетели. Шмайсер действительно был немцем, аристократ хренов — это Ермаков понял за секунду — порода прямо лезла из тевтона. Но он не оружейник, не мастер — тут Константин мог спокойно дать голову на отсечение. Фамилия конструктора с двумя буквами «С», и приставки «фон» нет, это он знал точно.

Не оружейник немец, а вот убивец из него знатный. Манеры на секундочку показал волчьи — никто бы не заметил, но Ермакову хватило за глаза, сам из той же породы, как ни назови — диверсант, спецназовец, десантник. Но этот скорее «брандербужец» из абвера или из парашютистов Штудента. Но может, работал со знаменитым штурмбаннфюрером Отто Скорцени. Но скорее первое — аристократов в СС не держали, особенно после 20 июля 1944 года.

«Осталось только выяснить, как они сюда попали, ну и так, по частностям. Главное я понял», — Ермаков улыбнулся, и опять же его понял только немец, но фон Шмайсер уже не ощеривался, как матерый волкодав, здраво оценил своего противника и клыки спрятал.

«Он уже знает, что знаю я о том, что знает он, что знаю об этом я», — мудреная мысль, закрученная спиралью, пронеслась в голове, и Ермаков решил не откладывать дело в долгий ящик, а решить его сейчас, с утречка, на свежую голову. Да и троица, несмотря на вопиющую несхожесть, придерживалась, его точки зрения, нетерпеливо посматривая на вагон, и так, чтобы он это видел — «хозяин, запускай вовнутрь, дело есть».

Однако свое нетерпение Ермаков обуздал — как военный министр он сейчас должен был принять рапорт, обойти почетный караул, потом пропустить его мимо себя парадным маршем и лишь после заняться выяснением отношений. И вздохнув, он направился к строю...

— Здравствуйте, Нина Юрьевна! Спасибо вам за все! Ведь именно ваш муж спас Сибирь! В этом ваша прямая заслуга! — Михаил Александрович приложился к протянутой ладошке смущенной донельзя жены, за секунду ставшей маковой, как пион, от смеси гордости и почтения. Сын вцепился ей в юбку и смотрел на царя широко открытыми глазами.

— Здравствуйте, Иван Константинович, — Михаил Александрович присел на корточки перед ребенком. Тот, в понятном страхе и смущении, попытался спрятаться за мать, но был подхвачен крепкими руками. Но плачем не залился, ему даже понравилось, что незнакомый дядька его пестует.

«Вырастет, будет гордиться, что с ним нянчился сам император», — Ермаков смотрел на возню с ребенком с улыбкой, а сам внутри напрягся — троица гостей по всем правилам взяла жену в «оборот», весьма квалифицированно «прокачивая на косвенных». Жена с ними мило разговаривала, не понимая, что ее «качают» по-настоящему.

«Нет, каков лицедей», — восхищенно думал Ермаков, глядя, как ведет себя Шмайсер. Каждое слово, взгляд, улыбка и жест немца строго отвечали разговору, сама любезность и доброта. Двое других работали похуже, но выучка чувствовалась и недюжинный ум присутствовал. Но немец от них отличался резко — это был профи, хороший настоящий профи, прошедший лучшую «школу».

Диалогом стороны были полностью удовлетворены, особенно император. Когда он понял, что Нина не просто догадывается, а знает о второй сущности мужа, он резко свернул разговор.

— К моему глубокому сожалению, дорогая Нина Юрьевна, но ваш муж прибыл только на одни сутки в город, и я постараюсь, чтобы вы увидели Красноярск во всей красе. Сегодня в женской гимназии подготовлена встреча военному министру с супругой, там мы с вами будем

иметь больше времени для беседы, в которой я почувствовал себя на двадцать лет моложе. И завидую искренне вашему супругу.

Сказать яснее нельзя, а жену умом родители не обделили. Нина взяла Ванятку и, сославшись на неотложные дела, вышла из салона в любезно приоткрытую Шмайсером дверь. Ермаков только мысленно ухмылялся — за время разговора фамилия Арчegov не прозвучала ни одного раза.

А сейчас их ждала именно беседа, ибо за накрытым столом разговоры не ведут. Нина заблаговременно постаралась, чувствовалась ее рука. Легкая закуска, тарелки, салфетки — женщина хорошо уловила ту грань, когда застолье должно стать деловым. Из горячительного имелся только хороший французский коньяк, переданный ему в свое время капитаном первого ранга Фоминым, заполучившим такое богатство от американского полковника Морроу. Из тех же запасов был шоколад, сигары, лимоны, кофе и чай. Вполне достаточно для беседы в военное время, даже роскошно. А вот для застолья с императором скудно, если не сказать жестче.

— Я думаю, господа, настало время нам поговорить откровенно, — Михаил Александрович улыбнулся. — Пришельцы из времени все на месте, ждать, надеюсь, больше некого. А пока выпьем, по русскому обычаю, за встречу.

Рубиновая жидкость ласково прошла по горлу, а кислый ломтик лимона лучше подчеркнул цветочный букет крепкой влаги.

— Хорош коньячок, — только и сказал император, — давно такого не пил.

— Пришельцы во времени собрались, — усмехнулся Ермаков. — Включая и вас, ваше величество!

Кутулик

— Ваше превосходительство, к вам есаул Коршунов. — Молодой казак, бывший ординарцем у атамана, вырос на пороге.

— К чему докладывать, встал я уже, зови. — Генерал Оглоблин снял с крючка китель и накинул его на плечи — негоже перед офицером в несвежей рубахе стоять, даже утром.

— Здорово ночевали, Прокопий Петрович. — Борода и усы есаула были белыми от изморози, глаза покрасневшими от усталости, зато блестели задорно, как у молодого.

— Слава богу, — отозвался атаман и повелительно показал на лавку. — Садись чай пить, с дороги благо чудное. А за столом и расскажешь, как съездил.

Стол был накрыт хозяйкой щедро — старожилы жили неплохо. Вернее, уже казаки — сельский сход, покумекав и прикинув выгоду и неудобства, счел первых больше, а вторых несущественными. Потому оказачились селяне поголовно, хотя и станция была, и связь по магистрали с городом держалась.

— Согласились буряты на переход, всей думой своей степной решили единодушно, — Коршунов открыл краник самовара и налил себе чашку чая до половины. Затем забелил молоком и снова долил кипятка. Выбрал шаньгу побольше и вонзил в нее зубы — творожная начинка была подсахаренная, а потому вкусная, особенно с мороза.

— А куда им деваться?! — отозвался атаман и нацелился вилкой на кусок буженины. Наколел на зубья и отправил в рот, медленно пожевал — хороша.

— Или землей задарма поделиться, или все оставить как есть, только не ясачными стать, а казаками, людьми служилыми. Налоги не платить, шашку дома держать и урядникам полицейским не кланяться, — Оглоблин усмехнулся и потянулся за шаньгой.

— Ты мне скажи, Прокопий Петрович, почему мы оказачим здесь только нукутских и

аларских бурят, а не всех тех еще, кто за Ангарой живет?

— А потому Петр Федорович, что от сплошного оказачивания всех инородцев одно худо будет. Это, как лекарство — принять стакан отвара, что доктор прописал во благо, а если зараз единый ведро выпить?

— Копыта в сторону откинешь! — засмеялся есаул.

— Так и тут. У нас здесь одна Головинская станица, а полк формировать нужно. В отделе еще нижнеудинские и куйтунские казаки состоят, крестьян из казаков много. Если всех вместе сосчитать, и семи тысяч не наберется. Бурят больше двадцати тысяч, крестьян пятнадцать. Лет десять придется к единому знаменателю подводить, пока настоящими казаками не станут. Подселим к ним, конечно, всех илимских, киренских и верхоленских станичников, но то ж капля в море — их едва полтысячи наберется. Из других войск прибывших селить будем — два десятка семей оренбуржцев уже определили. А за Ангарой казаков единицы живут — всех отселим сюда. Незачем им там мыкаться. А бурят заангарских чуть ли не полста тысяч — пусть они своим законом живут и полк уланский выставляют.

— А крестьяне тамошние? — Коршунов удивленно выгнул бровь.

— А зачем они нам нужны? — безмятежно отозвался атаман. — Оказачить их невозможно, станиц наших там нет. Один вред голимый будет — они нам всех пластунов разложат. А с этих селян польза — перевалятся вместе с казаками, тот еще «паштет» будет.

Оглоблин дожевал шаньгу и принялся за заливное. Жевал молча, потом вытер рот и заговорил снова.

— Ты еще вот что учти — нам к лету два полка выставить нужно, а это восемь сотен, и батальон в три сотни, да гвардейскую сотню, в которую всех природных станичников определим. Ну, может, крестьян из казаков добавим. Что останется? Самая малость — только урядниками да вахмистрами ставить, и еще к уланам. Так-то! Кус слишком большой, не по нашему рту всех бурят казаками сделать. А вот треть можно — и государству польза будет великая. Инородцев станет меньше, а казаков, опоры державы, больше. Вон оно как, есаул. И ешь давай, дневать вряд ли придется, впрок наедайся.

Красноярск

— Вы хотели знать, государь, вот я и рассказал. Ничего хорошего, как вы поняли, Россию не ждет, — Ермаков решительно потушил папиросу о пустую тарелку, так как пепельница была забита окурками под завязку. На протяжении почти часового рассказа все четверо дымили, как маневровые паровозы, не переставая.

Да и настроение было соответствующее — Михаил Александрович прямо почернел лицом, желваки перекатывались под кожей. Фомин, наоборот, демонстрировал нарочитое спокойствие. Вот только пальцы стали дрожать с дымящейся папиросой, когда узнал, что сможет сотворить атомная бомба. А когда монолог Ермакова затронул «процветание» новой «демократической» России, генерал стал тихо шевелить губами, изрекая непарламентские выражения. А вот с лица Шмайсера не сходила странная улыбка — пальцы его рук постоянно сгибались и разжимались, будто немец кого-то несколько раз придушил самым вульгарным образом. Не нужно быть пророком, чтобы понять очевидное — правителям России, и коммунистам, и демократам пришлось бы в этих лапах очень худо...

— У меня к вам просьба, Константин Иванович, даже две.

— Я сделаю все, что вы скажете, государь...

— Мики, называйте меня в нашем тесном кругу так. И на «ты», делить нам нечего, а вот

сделать можем многое. Главное, от этого кошмара державу уберечь. И мы должны спасти Россию, господа, — Михаил Александрович обвел тяжелым взглядом друзей-собеседников и тяжело вздохнул.

— Надо их всех перестрелять, пока они без опаски ходят. Я тут списочек набросал давно, готов хоть сейчас приступить к ликвидации, — Шмайсер деловито улыбнулся и расстегнул карман френча.

— Не торопись, Андрей. Шлепнуть — это самое простое. Их надо переиграть, да так, чтобы в будущем ничего подобного не свершилось, — Фомин посмотрел на Ермакова и задумчиво проговорил:

— А ведь мы с тобой коллеги, оба академию Фрунзе закончили. Только я на полвека раньше. Перед финской. Слушай, ты все рассказал, но мне интересно, какая у тебя «вывеска»?

— Ты имеешь в виду «железки»? — Ермаков усмехнулся. — Не так и много. Две «Звездочки», медалей горсть, одна «БЗ». И все, больше при коммунистах я не получал.

— А при «демократах»? — поинтересовался Михаил Александрович.

— «За заслуги перед Отечеством» четвертой степени с мечами, орден «Мужества», ну и медальюшки.

— А статус какой? Названия мало о чем говорят.

— «Заслуги» содран целиком со святого Владимира, даже девиз на звезде точь-в-точь. Крест тоже красный, только в центре двуглавый орел. А вот орденская лента алая, Александровская. «Мужество» сделано ополченческим крестом на колодке, лента Анненская, только цвет темно-красный.

— «Клюква» на новый манер?

— Нет. Анну четвертой, насколько я помню, цепляют на оружие, чисто боевая награда. А этот орден скорее Анна третьей степени с мечами. Так ближе. Хотя и штатским дают, и милиции.

— Тогда без мечей положено. Ну да ладно. «За Сибирь» здесь получил, вижу. «Вывеска» у тебя изрядная, знатнее моей будет.

— А подробнее нельзя? А то я раскрылся, настала и ваша очередь.

— Можно и поподробнее, только коньяку выпьем, — Фомин взял бутылку и скромно плеснул на два пальца по бокалам. Пили немного, для расслабления, а не забвения. Искали истину, но не ту, которая в вине находится.

— В *той* жизни мне генерал Каппель «Егория» дал, адмирал Колчак уже третью степень пожаловал. На Тоболе от своих отстал, ранен был. И к красным угодил, пришлось служить. За войну с поляками «Знамя» получил из рук Тухачевского, «Звездочку» от Блюхера за КВЖД. Вторую от Ворошилова за финскую. И подполковника, на танковый полк поставили. Вот так и служил под чужой личиной, а они всю мою родню в лагерную пыль стерли, — Фомин скрипнул зубами от ненависти, хотя до пережитых им времен было еще далеко, да и состояться эти времена окаянные не могли. Хотя кто знает?!

— В сорок первом году сбежал, не захотел за коммуны воевать. Служил сержантом в РОНА на «Т-34», наводчиком. В последнем бою сжег три танка, и ушли мы все экипажем на болота. Там Поганкин Камень стоит...

Фомин замялся, подбирая слова. Взглянул на Шмайсера, а тот одобрительно кивнул.

— Мой род *хранителями* там был, век за веком, то капище языческое древнее. Так вот, кровь мы там мою пролили и...

— *Врата* отворились, и вы попали с сорок третьего в восемнадцатый, в Пермь, где спасли от смерти великого князя Михаила, которого должны были убить и сжечь в печи Мотовилихинского завода, — Ермаков говорил жестким голосом, заканчивая за Фомина.

— Ты знаешь про *врата*?

— Знал бы ты, сколько литературы и разных фильмов проглядел за год! Голова распухнет, такое творят. Думал, сказки, но видно в них...

— Намек, и добрым молодцам урок?!

— Оно так, я согласен. Тогда я за тебя продолжу, а ты поправь, если ошибусь где-то. В Перми вы местным чекистам бойню устроили, здание взорвали, а из ДШК пароходы перетопили на Каме. Потом участвовали в Ижевском восстании, сколотили лучшую дивизию. Пытались предостеречь Колчака, но он не внял вашей просьбе. Месяц назад меня удивили некоторые несовпадения истории — Келлера не убили в Киеве, Миллер эвакуировался на Мурман, и главное — император жив и здоров! Не удивляйся, КРО умеет работать и многих пермяков с ижевцами опросили. А я выводы сделал.

— Все верно, Костя, ты умеешь работать, — Фомин только улыбнулся.

— А ты у кого служил — Канарис, Штудент или Скорцени? — Ермаков посмотрел на Шмайсера, но тот улыбнулся в ответ.

— Ты удивишься, но на Берию! ОСНАЗ НКВД, старший лейтенант госбезопасности. Отмечен «Лениным» и «Звездочкой». А также обласкан Канарисом — Железными крестами обоих классов. Агент «на вырост», папашка в Коминтерне сейчас трудится, обер-лейтенант рейхсвера.

— А «фон» настоящий или «поставленный»?

— Обижаешь меня, самый что ни на есть доподлинный. Андреас Фридрих Вильгельм фон Путт унд Шмайсер. Последнее без кавычек. Мы с одним «с» завсегда жили. Приставлен к РОНА наблюдателем, со всеми судьбу разделил. Четверо нас было, да двое в Перми погибли. И Шмайссер настоящий. И Попович. Нас двое и осталось.

Ермаков усмехнулся — полгода назад он бы этих двоих придушил без сожаления, ибо они ассоциировались у него с предателями. Власовцы. А теперь многое изменилось в его душе, он осознал, что самыми страшными предателями и погубителями России были большевики, коммунисты. Ибо готовы были положить миллионы людей за свою безумную идею. Разорили страну, морили голодом, лгали, давили. И что получили в итоге?!

Константин раньше считал, что предателями становятся те, кто боится за свою шкуру. А как назвать этих? Орденами и шрамами усыпаны, коммунистов ненавидят смертно, особенно Фомин. И есть за что! А что ему было делать — идти в НКВД и заявить, что готов за советскую власть воевать?! Если сразу не шлепнут, то в штрафную роту отправят. Со Шмайсером проще — он немец, разведчик, и потому любая его личина понятна, Штирлиц тоже не плюшками баловался.

А страшным было то, что коммунисты любых своих врагов в предатели Родины автоматически записывали, но предавали ли те свою Родину?! А ведь сами коммуняки свои тридцать сребреников из рук тех же немцев получили и устроили кровавую бучу. И как назвать их после этого? А их последыши, что живо перекрасились и вершат судьбу России в далеком и потерянном будущем — их как назвать? Может, спасителями?! Тогда почему всех тех, кто с оружием в руках против большевиков поднялся, врагами и предателями считают до сих пор, и продолжают судить по советским законам, хотя сам СССР сгинул, а народы, его населявшие, ругаясь и отплевываясь, по национальным квартирам разъехались.

Империя, в основании которой лежит только ложь и циничное надругательство над собственным народом, обречена! Вопрос здесь только во времени. А нация, которая не только забыла, но и не желает знать свою историю, пусть страшную и горькую, обречена на вымирание, в пьянстве и моральном разложении. Таким людям легче всего подsunуть миф или сусальную сказочку, и лгать, лгать, лгать беспрерывно! Благо телевидением можно массовую

промывку мозгов сделать.

Фомин со Шмайсером словно понимали, что происходит в душе Ермакова, и молча курили, время от времени пригубливали коньяк.

— Да, Сеня, а ведь если я тебя Мойзесу месяц назад сдал бы, то мне бы сам товарищ Троцкий орден боевого Красного Знамени вручил.

Немец громко пошутил, но именно эти слова вывели Ермакова из размышлений, и он внимательно посмотрел на Фомина. Тот усмехнулся, возле уголков губ собрались горькие складки.

— Чекист в Перми черной магией занимался, шахту в некрополь превратил, сотню душ умертвил. «Враги народа», понятное дело, старые и малые. Но даже их смерть вторично использовал — с их помощью *врата* открыл.

— Понятно, — Ермаков жестко усмехнулся. — Они всегда к эзотерике тянулись, Шамбалу все искали. Рерих, Бокий и прочие.

— Этот открыл, а с той стороны мы! Тоже на мертвых, в болотине сгинувших. Вот так-то! А там мы Мойзеса за шкурку и взяли!

— А что ж не того?! Патрон пожалели?

— Я *слово* ему дал! Матросов его в штольную загнали, а там я свою руду отворил. Их и того... Перенесло окаянных душегубцев. А взамен медведя пещерного перекинуло, лапой с Мойзеса мигом скальп снял. Вот я и подумал, что чекист кончился.

— Мишка еще тот был, — встрял Шмайсер. — Под потолок, метра три, да тонна весом.

— Нечего себе! Не заливаешь?

— Наоборот, он убавил изрядно. Я из ППС два рожка в упор извел, да он из ППШ столько же — с трудом завалили, думал, все!

— Двести с лишним патронов извели?! — Тут Ермакова чуточку проняло. Каким должен быть зверь в размерах, чтобы в упор, автоматным огнем, кое-как его свалить. Монстр, голливудские страшилки в стороне нервно курят.

— Ага. Мойзес выжил, паскудник этакий. Ну, ничего, мы ему тут подарок приготовили, надеемся, что у него ум за разум зайдет. Должен клянуть. Понимаешь, он ведь от меня не отстанет, нужен я ему как *ключ*. Он теперь меня везде найти сможет, мы одной *нитью* связаны. Как тебе объяснить...

— Не надо. Учение Вернадского о ноосфере. Земля-то живая, и к ее информационному полю подключиться можно. Колдовство на этом и держится.

— Слова-то какие?! Не знал, — Фомин пожал плечами. — Широко шагнуло у вас образование. Но и только. А вот души, небось, поганее стали?!

— Вы даже не представляете насколько. У нас даже гей-парады разрешать стали, те самые, что на Западе всюю проводят!

— Гей-парады? — Троица собеседников разом недоуменно спросила.

— Это голубые, то есть педерасты, самые настоящие, а не только в переносном смысле. Собираются, губы красят, накладные сиськи, юбки. А с ними и сторонницы лесбийской любви. И идут по городу карнавалом, детишкам конфеты дарят и призывают присоединяться.

— Тьфу ты!

— Какая мерзость, прости меня, Господи!

— Ферфлюхте! Доннерветтер!!!

Ермаков с улыбкой посмотрел на искаженные брезгливостью лица и вытаращенные глаза. И решил добавить:

— А еще им разрешили за рубежом в однополые браки вступать, а кое-где даже венчают. У них там даже священниками женщины уже есть, скандал за скандалом — пасторы и ксендзы

детишек соблазняют на утехы плотские. К педерастии приохочивают!

— Какая мерзость! — Михаил Александрович отчаянно перекрестился, пытаясь отгородиться от страшных слов.

— Охренеть! — У Шмайсера затрясся подбородок, он даже немецкий забыл, а Фомин молча шептал губами, но не молитву, а отборную ругань.

— Да что вы удивляетесь?! После коммунистического дурмана такое душевное растрение живо пошло. Наркоманов везде полные дворы, кощеи, у которых смерть на кончике иглы. Да еще сексуальная революция грянула!

— Слова знакомые, но чувствую, что пострашнее гей-парадов будет?! — Михаил Александрович смотрел с такой болью, что Ермаков решил не живописать более происходящих в России изменений.

— Так точно! Содом и Гоморра воочию!

— Нет, Костя, то царство Антихристово там наступило! Бесовщина у вас творится. Они свое славословие отбросили про социализм, и царство его на земле, и свой настоящий лик показали. Тьфу ты, спаси и сохрани, Господи, от мерзости сей!

Все трое, включая Шмайсера, дружно перекрестились. Их примеру последовал и Ермаков, уже жалея, что окунулся в эту похабелю по макушку, и душа никогда не очистится от скверны. Не будет она такой, как у этих людей. Но может, все пройдет, схлынет, как наваждение. Ведь сейчас еще ничего не предрешиено, и маятник истории вдруг качнется в иную сторону...

Тайга

— И как ты меня нашел здесь, товарищ Бокий, — Мойзес насмешливо посмотрел на заиндевелого на морозе чекиста. Не простого — своего непосредственного начальника, ведавшего Особым сектором секретно-политического управления. Взлетел на карьерной лестнице после пермских событий, вхож к самому «Яцеку» — Феликсу Дзержинскому — без доклада.

— Мусульмане как говорят — если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе. Вот я и здесь, товарищ Мойзес, по вашу душу. Что скажешь хорошего? Какие новости? У вас тут, как слышу, война идет?!

Стекла в окнах дружно звякнули — отдаленные перекаты артиллерийского огня слышались все громче и громче.

— Смяли они нас, полностью раздавили дивизию. Все, товарищ Бокий, нужно уже уносить ноги, сюда подходят ижевцы. Надеюсь, что встреча с ними не входит в твои планы?!

— В наши планы, товарищ Мойзес, в наши. Как я понимаю, в прошлом году мы с тобой крепко ошиблись, когда предположили, что беляки укрепятся на юге. И создадут там свое государство.

— Мы не ошиблись, мы просто не предугадали всю правду. Они там закрепятся, и тут, как ты понимаешь, у них будет свой порядок. Вот так-то, товарищ Бокий. А как ты думаешь, почему они на юг не рванули, а именно сюда пошли, да еще своих рабочих прихватили?

— Ты считаешь? — быстро спросил Бокий, и тут же осекся, что-то сопоставив и сообразив. Затем тихо заговорил, удобнее усаживаясь на лавке и расстегнув крючки на полушубке.

— И что нам делать сейчас? Я, признаться, надеялся, что ты его настигнешь, а тут такое началось.

— Я думал, что мы сожжем пружину где-то на Байкале, и там она нас толкнет. К этому все шло, мы зарвались в безоглядном наступлении. Но случилось намного раньше, ты знаешь

почему. А от Иркутска еще идут японцы.

— Это плохо, очень плохо. Воевать с ними мы не в состоянии. Яцек каждый день телеграммы посылает, Троцкий скрывает масштабы произошедшей здесь катастрофы от СНК.

— Именно на это намекал тогда мне Фомин, я просто не смог его понять. Еще бы — он знает будущее, а я нет. И что нам теперь делать?

— Вот за этим я сюда и приехал. Из Харбина наш агент отправил странную телеграмму. Министр внутренних дел Сибири Яковлев попытался найти с нашими контакт, предложив нечто важное.

— Что же именно? — Мойзес не сдержал вспыхнувшего любопытства. А потому не смог, что знал — из стана победителей перебежчиков не бывает. Но тут такой ценный кадр, правда, стоит учитывать пребывание его на каторге в свое время, это вряд ли сделает этого эсера лояльным к реставрации монарха.

— Министру известно нечто, что могло бы быть, но что не свершилось благодаря человеку и з *иного* времени. И его имя тоже известно. Все изложено в дневнике Яковлева, надежно запрятанного. Вопрос лишь в цене сообщения, которую затребовал ренегат. Потому телеграмму не выбросили как бредовую, а направили мне.

— Еще что-нибудь было?

— Нет, больше ничего не известно.

— Так вы что, не стали сговариваться?! — возмущенно прошипел Мойзес. — Это не торговая лавка, товарищ Бокий. Нужно немедленно отправить распоряжение, не скупиться, этот каторжанин может дать нам ключ.

— Уже не даст, — тяжело вздохнул чекист, — какая-то группа эсеров совершила теракт на него за предательство партии. Прилюдно застрелили, а заодно ранили Вологодского и военного министра.

— Все бы им стрелять, придуркам, — Мойзес в сердцах выругался. — Не могли подождать, пока мы с ним контакт не наладим. Свой человек на посту министра ой как нужен.

— Контрики обрушили чудовищные репрессии. Эсеры объявлены вне закона, и мы вместе с ними. Весь Политцентр истреблен поголовно, а заодно они прошлись по нашему подполью. Точно не известно, но оно почти полностью уничтожено. Новый военный министр Арчегов расстреливает пачками. Особенно уголовников и партизан. И мятежным солдатам крепко досталось, одна децимация чего стоит.

— Это на них не похоже, — задумчиво проговорил Мойзес. — Перешли к ответному террору без всякого слюнтяйства? Боюсь, что нам тогда будет худо, они нам всех «попутчиков» передают, как хорь курей.

— Уже передавали, не знаем, кого послать за дневниками Яковлева. Но будем работать, что-нибудь придумаем.

— Хорошо...

Договорить Мойзес не успел, как дверь в комнату отворилась, и на пороге появился дежуривший чекист.

— С аванпостов привели краскома Рокоссовского из 30-й дивизии, бежавшего от белых. Говорит, что имеет важное послание к вам.

— От кого? — Оба собеседника спросили чуть ли не хором. Мойзес при этом чуть не вскочил с лавки.

— Говорит, что от «Ключа». Именно так, если я правильно понял.

На добрую минуту чекисты словно окаменели, с крайним изумлением глядя друг на друга. Первым опомнился Мойзес, обратившийся к дежурному внезапно охрипшим голосом.

— Давай его сюда. Это наш «друг» решил напрямую с нами поговорить. А то его цепной

пес от самого Ачинска за мной гонится, только догнать никак не может. Вот и решил теперь в переговоры вступить? Или покуражиться?

Красноярск

— Вы верно расшифровали аббревиатуру АКМ и РПК, но не могли знать фамилию Калашникова, — Ермаков засмеялся и бросил взгляд на взятый из Иркутска «дегтярь» с круглым диском — подарок ижевских рабочих.

— Пулемет хорош, но для своего времени, а оно уже идет. Создан ведь в двадцатые годы — допотопный, конструкция архаичная. Зато сейчас уже есть нечто другое, пока еще на бумаге и в деталях.

Константин Иванович улыбнулся, наклонился к портфелю и выложил на очищенный от посуды край стола несколько эскизов, и все тут же наклонились над ними, изучая схематичные чертежи оружия, которое скрывалось под названиями АКМ и РПК. Листки были оценены по достоинству, удивленным оханьем и почтительными взглядами — вот, мол, какой у нас замечательный военный министр, обо всем думает.

— Ижевские оружейники действительно мастера умелые, левши, прямо слово. Сборка ППС-43 уже налажена, правда, «автомат» укрылся под твоим именем. Не возражаешь?

Шмайсер не возражал, он продолжал смотреть на чертеж АКМ. А Ермаков выложил на стол в дополнение чертеж единого пулемета под ленточное питание — полная компиляция надежного ПКМ.

— Пока пару штук сделали под японский патрон «Намбу». В феврале по десятку в день, ну а с марта три десятка. С лета полсотни, но, может, штук шестьдесят в день. С японцами по отливкам и стволам договоренность имеется. Поставки с марта пойдут. Сделать больше невозможно, и материалов нехватка, да и не нужен «шмайсер» по большому счету.

— Как не нужен? — с сомнением покачал головой Фомин.

— Я имел в виду в больших количествах, — поправился Ермаков. — Пехоту им вооружать нельзя, патрон очень слабый. Соответственно, применение тоже ограничено, и там, где дальность стрельбы маленькая — тайга, короче. Ну, еще жилые строения. А вот эта штурмовая винтовка рассчитана на японский патрон, он слабее нашего, а потому автоматика будет без усиления, а вес оружия почти такой же, как у «арисаки».

— У нас додумались до промежуточного патрона, даже сделали, — немец усмехнулся. — Но я представить не мог, что сможет сгодиться японский патрон. Только чертежи имеются?

— Мастера уже принялись за дело со всем рвением, благо в мастерских места достаточно. Небольшие сложности пока вызывает ударно-спусковой механизм, но рано или поздно его изготовят как надо. У них ведь работа существенно облегчена. Есть два способа — или создавать оружие с чистого листа, или просто скопировать образец. Здесь третий вариант, посередине — готового изделия не имеется, зато есть подробные чертежи и эскизы, и мои объяснения, на которых я язык намозолил.

— Где будете делать? В каком количестве? Когда? — Михаила Александровича интересовал в первую очередь чисто практический момент.

— К лету изготовим и испытаем как винтовку, так и ручной пулемет. Со станковым чуть затянем, но к августу первый образец будет. Планируем начать сборку уже осенью на Ново-Ижевском оружейном заводе, на станции Батарейной. Отвели под него целый комплекс каменных зданий, чешские вагоны под временное жилье. Со временем целый городок вырастет, уже больше тысячи человек, на двести теплушек поселок. Сейчас там уже начали

подготовительные работы, а также ремонт оборудования и станков эвакуированного с Мотовилихи артиллерийского завода.

Константин посмотрел еще раз на одиноко стоявший у стола ДП и непроизвольно улыбнулся, представив, что будет через год, когда армия перевооружится новыми автоматами и пулеметами.

— Конечно, изготовление за год еще десяти тысяч новых единиц Сибирь просто не потянет, ну, может, если в сто раз уменьшить. А вот любая индустриальная держава такой заказ выполнит не поморщившись. Но легче вдвое большее число уже изготовленных пулеметов купить за те же самые деньги. Но скупой платит дважды, а зависит в военной сфере от одних иностранных поставок означает, что в войну придется платить не вдвое, а втрое от цены, если не дороже. Россия на своей шкуре испытала такой подход в недавнем противостоянии с Германией.

— А что решил председатель правительства?

— Вологодский с Михайловым разом побелели и закричали, когда я им выложил листок с подсчетами. И возопили во весь голос!

— А ты как их переубедил?

— С самой любезной улыбкой сообщил, что целый ряд сложных деталей придется заказывать за границей, а дома изготавливать более простые и производить окончательную сборку оружия. Причем заказы на детали следует размещать сразу в САСШ и Японии, поступив по принципу не складывать яйца в одну корзину. И чтобы держать в неведении союзников, которые могут превратиться и во врагов. Политика ведь дело грязное — зачем искушать?! А если захотят свое выпускать, то пусть покупают лицензию. Хотя насчет японцев сие не получится — в это время узкоглазые соседи себя не утруждали подобным порядком, предпочитая воровать идеи и образцы, и изготавливать в массовом порядке копии, давая им иероглифами другие имена.

— Решился этот вопрос, значит, — Фомин радостно оскалился, прикидывая, как резко взгрустнется красным под огнем такого числа стволов.

— Настоящими государственниками оказались наши члены правительства, не зажмотились, — Ермаков победно улыбался. — Через девять месяцев можно ожидать ежедневного поступления трех десятков новых автоматов и ручных пулеметов, и пяток ПКМ. Это в дополнение к ППС.

— Хорошее дитяtko рождается, роту за день перевооружить. Патронов лишь бы хватило...

— Хватит. Мы сейчас умными стали, рыбу больше не покупаем. Удочки нужнее. Мастерские оборудуем для переоснащения патронов, а потому гильзы собирать придется. Экономить нужно, а то у Михайлова золотой запас не бездонный колодец.

— Мне бы автоматики все забрать, а то у егерей пулеметов мало. А у меня ППС только два десятка. Ты же сам сказал, что обычной пехоте они не подходят, — Шмайсер в одно мгновение превратился в просителя, даже голос стал заискивающим. Все собравшиеся за столом, посмотрев на такую метаморфозу, дружно прыснули.

— Ты их пока по ротам поштучно распредели, пусть обучаются, — Ермаков с улыбкой выдал цеу и потянулся за папиросой. — А к марту три сотни получишь и патронов досыта. Вот и вооружишь своих гвардейцев.

— Пораньше бы, — заканючил немец, но, поняв, что номер не пройдет, тут же вернул себе нормальный облик и задал насквозь деловой вопрос.

— Докуда наступать будем?

— Щегловские проходы запрем, и то благо. Но лучше взять Новониколаевск. За полтора месяца нужно управиться, а там перемирие заключать.

— Ты в своем уме, Костя? С упырями переговоры вести?

— И поведу! Нам передышка нужна, тыл в порядок привести, партизан унять. И к новой войне подготовиться. И главное — если перемирие заключить, то все реформы, о которых я говорил, можно связать с твоим именем, Мики. Тогда все путем будет, за тобой народ пойдет.

За столом воцарилось гнетущее молчание — предложение Ермакова ошарашило, показалось категорически неприемлемым. И первым свое сомнение высказал Фомин.

— Ты не все сказал, Костя. Темнишь?

— Нет. Тут сложнее. Видите ли, но если красные откажутся от перемирия с Сибирью, то они будут выглядеть агрессорами. И тогда на нашей стороне выступит Япония. Мы сейчас внушаем «союзникам» и нашему населению мысль, что Сибирь воевать не желает за российские порядки, а хочет быть независимой державой. В этом наше спасение. Или вы считаете, что с пятью миллионами и кустарным производством мы сможем долго противостоять красным без иностранной помощи? А мы ее не получим, если не научимся лгать и изворачиваться. Все должны поверить в нашу полную «самостийность», и ты в первую очередь, Мики. Иначе наш театр прогорит и захлопнется крышкой.

— Так дело в этом? А я чуть не поверил, что вы с Вологодским всерьез мутите, — облегченно протянул Михаил Александрович, распрямившись в кресле, будто с плеч упала тяжелая ноша.

— И хотел меры предпринять, — усмехнулся Ермаков, — вместе с Келлером. Только не отпирайся, это легко просчитывается. А потому делать нельзя, дурость на пользу не пойдет. Все ваши корпуса после Оби и заключения перемирия будут распущены, ибо наши «союзники» потребуют удаления несибирских войск. И мы это сделаем, а иначе какая вера у них будет в нашу независимость?

— И куда армию денем? — В голосе Фомина лязгнул металл.

— Как куда? — делано изумился Ермаков. — Каждой бригаде дадим определенный район, устроим там семьи, раненых, больных, увечных. Тех, у кого нужные специальности — инженеры, техники, квалифицированные рабочие, — устроим на работу, нам промышленность развивать нужно. А всех остальных сразу же вошьем в сибирскую дивизию, что с данной губернии комплектоваться будет. Они станут костяком и быстро приведут наших крестьян в должный вид и образ мышления!

— А-а-а! — дружно потянула пермская троица, вытаращив глаза.

— Вот так надо делать, а вы кустарничаете. И «союзники» довольны будут, и у нас сразу четыре мощные дивизии появятся, по довоенным штатам, в 20 тысяч. А то наплодили корпусов и дивизий, на целых три армии генералов-дармоедов. Так вы за новую Сибирскую армию?!

— Я в тебе не ошибся, граф Келлер прав, у военного министра государственный ум. — Михаил Александрович засиял, как новый пятак.

— Нашли дурака! Мне эта власть нужна как корове седло! Я бы лучше своими бронепоездами командовал.

— А вот и нет! Почему как умный и честный человек, так от власти шарахается?! А как подлец и дурак, то в нее лезет?!

— Тебя, Мики, учили править нормальной страной. Никто не предполагал, что держава съедет с катушек. Ты и растерялся. А тут политиком надо быть — подлым и циничным, если потребуется. И ты обязан таким стать, на тебе держава и люди. И твой долг все исправить, дать нормальную жизнь. А мы тебе помощники. Знаешь главный девиз? «Не можешь — научим, не хочешь — заставим!» Последнее к тебе не относится, а потому не надейся отсидеться за нашими спинами, работать будешь за троих. Шучу, шучу...

— За пятерых, Мики, — угрюмо добавил Фомин. — Это твой долг!

— Я понимаю, господа! И спасибо! На вас надеюсь, на помощь вашу, на то, что от ошибок убережете! Господи! Но почему же таких людей не было у моего несчастного брата!

Маньчжурия

Иржи был счастлив — за эти двадцать часов его жизнь сделала крутой поворот, и он привезет в милую Чехию из далекой холодной Сибири красавицу жену. Любимую...

Его свояк Вацлав быстро закрутил дело с женитьбой — по прибытии на станцию надпоручник нашел священника и договорился о венчании. Возникли сложности — Настена была православной и отказывалась менять веру. Но золото решило сомнения, и их через час повенчали. Свадьбы как таковой не было — все присутствовавшие выпили по бокалу вина и разошлись, какая тут гулянка, война ведь, а в Приморье партизаны зашевелились.

В вагоне им с женой отвели отдельный отсек, повесили занавеску — получилась уютная комнатуха, первый его дом за эти долгие пять лет. И здесь будет их первая ночь, и, может, Настена понесет от него ребенка. Это было бы здорово. А потом будет долгое плавание, оно станет их свадебным путешествием, по всему миру. Полгода еще пройдет, пока они до Чехии доберутся, через все моря и страны.

Он вернется не бедным, с семьей, спасибо Вацлаву и Настене. Утром к Иржи пришел офицер, будущий родственник, и на ухо стал шептать такие слова, что Колер был готов хоть голышом побежать на венчание. Оказывается, Сибирское правительство щедро и сполна рассчиталось за отобранные у чехов эшелоны с добром. Очень щедро — каждому legionеру будет выплачено по сто долларов русским золотом. Увечным вдвое больше и на жену полсотни. И на детей столько же, пусть даже ребенок в животе у матери.

Иржи заерзал на мягком тюфячке — он жаждал познать жену и надеялся, что до отплытия из России она забеременеет. Детей ведь все равно придется заводить, но лучше это сделать раньше, несколько сотен крон для их семьи лишними не будут. А рука, как правильно вчера женушка заметила, в этом деле не очень и нужна. «Главное» у него цело и в полном порядке.

Занавеска отдернулась, и в отсек вошла Настена, осторожно, стараясь не шуметь, ибо в соседних купе раненые и больные уже спали — ночь охватила своим темным покрывалом китайскую станцию.

— Ты ждешь меня, муж мой? — Теплые девичьи губы впились, Иржи задохнулся от поцелуя и вспыхнул летним костром. Его рука принялась мять тугое девичье тело, а нутро от этих прикосновений распалялось все больше.

— Потерпи чуток, дай косу расплести, ведь в последний раз такую носила, — ласковый шепот жены унял дрожащего от возбуждения мужчину, и он остановил немудреную ласку.

Чех дальше просто спокойно лежал, и на место вождения потихоньку пришла нежность — чувство, которое он знал только в детстве, ласкаясь к матери, маме. Иржи смотрел, как жена скинула одеяние и в длинной ночной рубашке присела к нему на топчан.

Девичьи пальчики проворно расплетали длинную толстую и тяжелую косу, и сердце солдата стало разрываться от умиления. Он только шептал про себя: «Это моя жена, моя награда за все страдания, за все эти годы».

...Настена глотала текущие по щекам слезы, на душе было горестно и страшно. Этот парень, изуродованный ее соотечественниками, сейчас станет ее мужем. Она будет уважать его, а может, и полюбит. Бабушка недаром говорила, что стерпится — слюбится. Он станет ее мужчиной, первым мужчиной. И она сделает все, чтобы он забыл об ужасах в этой стране, из которой она сама давно готова бежать куда угодно, лишь бы далеко. И рожать детей, пестовать

их, растить. Их общих детей...

И отринуть, забыть как кошмарный сон, те пьяные похотливые рожи, тот вонючий козлий запах отроду не мытых тел, то тупое безжалостное самодовольство похотливых самцов. Когда ее с сестрой, с другими гимназистками, «социализировали» во благо революции и две недели насиловали, рыгая на юные тела. Революция же ведь дело общее, а потому и бабы должны быть общие — так им вещал комиссар, и первым терзал девушек, почти девчушек. Они погибли бы, если бы чехи опоздали. Но «братушки» пришли вовремя и подняли на свои граненые штыки всю эту сволочь, хамов, возомнивших себя вершителями судеб.

Вацлав Глинка подобрал их с сестрой, истерзанных и полубезумных. Устроил сестрами милосердия, долго и бережно ухаживал за Ольгой и только через полгода сделал ей предложение, презрев те гнусности, что были в прошлом. Так и сказал ей — ты-то в чем виновата?! Это они — сволочи!

А у Иржи глаза ребенка, и даже если он когда-либо узнает, что с ней сотворили, то поймет, не осудит. И хотя она женщина, но он-то для нее первый, и она для него станет всем...

— Любый мой, милый. — Девушка отчаянно бросилась в объятия солдата. — У нас будет все хорошо, все. У нас будут дети. Уедем отсюда, и все забудется. Милый мой, любимый!

...Иржи лежал на топчане, бережно прижимая к себе рукой жену. Любимую жену, что тихо спала на его плече, чмокая пухлыми девичьими губами. А память услужливо показывала ее прокушенную губу, и он снова слышал Настин тяжкий стон, искаженное от сладостной боли лицо. Капрал чувствовал, что он у нее первый, но было еще какое-то смутное подозрение — не такой он и дурак, чтобы девственницу от женщины не отличить.

И тут его пробил холодный пот, за секунду он покрылся мурашками — капрал вспомнил тот забытый русский городок, в который ворвались чехи полтора года тому назад, летом восемнадцатого. И страшные картины предстали перед ними — большевики обобществили всех женщин и девушек, и несколько недель в городе творилась настоящая оргия. Он вспомнил, где видел первый раз Настену — истерзанную, с обезумевшим взглядом.

Тогда Иржи мимолетно пожалел ее и забыл. В руках была винтовка, а впереди война. Но сейчас капрал вспомнил...

— Спи спокойно, радость моя, — чех еле слышно прошептал, прикоснувшись губами к душистым и чистым волосам жены, дурманившим голову словно свежескошенным сеном. — Я у тебя первый, я знаю. Спасибо, любовь моя! А то был сон, страшный кошмарный сон. И он забудется! У нас впереди вся жизнь...

Тайга

— Что ты собираешься делать? — Бокий пристально посмотрел на Мойзеса, который продолжал вертеть в руках белую коробочку с кровавым пятном на откидной крышке.

— Он слишком много знает, этот молодой поляк. Лучше оформить его по первой категории!

— Можно и оформить, товарищ Бокий. Но нам это зачем? Таки незачем. Какой прок от устранения? А на будущее товарищ Рокоссовский может послужить неплохим мостиком к нашему «ключу», раз тот с ним охотно на контакт пошел. А насчет его знания... Да что он знает! У него у самого рыло в пуху. Мы ему в любой момент обвинение можем предъявить — а где ваши два эскадрона, краском? И почему белогвардейский генерал вам не только жизнь оставил, но и отпустил?!

— Ты не верти, скажи прямо!

— Возьмешь его к нам, оформи оперативным сотрудником. Ему деваться некуда, иначе расстреляем. Вот так-то! Меня другое беспокоит, — Мойзес открыл коробочку и пододвинул ее к Бокию. И тут же сказал звенящим от раздражения голосом:

— Что он этим хочет сказать?! Что?!!!

— Не горячись, Лев. Давай сядем и помозгуем, как в тот первый раз, когда ты год назад в пермской больнице лежал.

— Давай подумаем, пара часов у нас есть, сани готовы. А там сваливаем, чую, что цепной пес сорвался и к полуночи на станции будет. Дай папиросу!

— Ты же некурящий?!

— Закуришь тут... От таких подарков!

Бокий достал кожаный портсигар, бережно вытянул оттуда папиросу. С куревом совсем худо — красноармейцам изредка давали махорку, краскомам почаще. О табаке все давно забыли... Кроме ответработников партии и чекистов — спекулянтам ведь до ужаса жить хочется, потому исправно снабжали хорошими папиросами дореволюционного производства, зарубежным трубочным табаком и длинными сигаретками, иногда настоящими сигарами в цветных обертках — интервенты свои войска снабжали прилично, и множество ходового товара осело на черном рынке. А со спекулянтами у советской власти разговор короткий — вставай к стенке, гадюка! А если ты человек умный, то сразу поймешь, что к чему, и сам прибежишь куда надо!

— Это орден, иначе быть не может, — первым высказал свое мнение Бокий. — Золотой, эмаль хорошая, в центре барельеф «старика». Кажется, из платины, серебро светлее будет. Дорогая штучка. Номер трехзначный, ого! Сверху красное знамя с соответствующей надписью. Зачем? И так понятно, что наш Ильич в центре. Думаю, что этот орден носит его имя.

— Согласен. Добавлю, что это высшая награда еще не появившегося СССР. Иначе быть не может!

— У «Знамени» счет уже за тысячи пошел, а тут пять сотен. Резонно!

— И сей орден не Фомина, а его цепного пса, что укрылся под именем Шмайсера. Тогда его Путтом звали, а он зачем-то имя своего дружка взял, что пермскую губчека взорвал.

— Для страха, наверное. Или память решил так сохранить, тевтон ведь, что у них в умах творится? Сентиментальные до жестокости.

— Злопамятен, гад! И настырен! Молод еще, но опытен, вояка матерый. А потому, Глеб, скажу прямо — это его орден! Нюхом чую!

— Ты что?! С ума сошел! Кто наградил эту контру таким орденом?!

— Да не награждали его, Глеб! С убитого он снял и хранил у себя еще с той жизни! Он же покуражиться любит! Потому и нам прислал, да еще с намеком — вас тоже такое ждет!

— И на коробочке кровь оставил...

— Это еще один намек, Глеб. Подумай, какое государство сейчас такие цвета имеет? — Лицо Мойзеса, и без того страшное, исказила гримаса ярости.

— Япония, твою мать! — Бокий посерел лицом, а голос дал петуха.

— Их батальоны напали совместно с белыми в Иркутске. Японцы натыкали свои гарнизоны по всему Дальнему Востоку. И теперь они уже здесь — завтра-послезавтра их солдаты уже пойдут в бой. Это нам намек — ваш будущий СССР захлопнется крышкой, как эта коробочка. И кто это сделает, яснее некуда!

Это не Фомин, это та молодая сволочь, что впилась в мой след. Куражится, гад, победу предвкушает!

— Эх, ты, — Бокий пустил матерную руладу, а потом закурил — пальцы дрожали, папироса мелькала огоньком из стороны в сторону.

— А это нам напоследок! — Мойзес извлек из коробочки несколько монет, с минуту их разглядывал. Бокий даже привстал с лавки, чтобы посмотреть, но тут лицо товарища исказилось таким бешенством, что начальник ОС СПУ отшатнулся.

— Сволочь! Еще и глумится над нами, гаденыш! — по столу покатился желтый кругляшок с двумя поменьше, светлыми. Бокий быстро прихлопнул ладонью, остановив монеты, и подгреб их к себе. Затем взял одну, что была самой большой, и принялся ее рассматривать. Молчал с минуту, а затем рассмотрел монетки поменьше, и его лицо покрылось багровыми пятнами.

И было от чего побагроветь — первая монета оказалась размером и весом в привычный золотой десятирублевый империал. На гурте шла привычная надпись — «1 золотник 78,24 доли чистого золота». Зато реверс и аверс монеты были совершенно другими. На лицевой стороне по кругу шла надпись — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», а в центре был герб РСФСР. А на оборотной стороне был изображен крестьянин, сеющий хлеб, выбит номинал — «один червонец» и год — 1923-й.

Другие монеты оказались двадцатикопеечными, выпуска 1924 и 1932 годов. Герб был чуточку изменен, с буквами СССР на первой монете и надписью «Союз Советских Социалистических Республик» на второй. Вот только монеты отличались между собой, как небо и земля. Первая была серебряной, в точности как царская, только герб иной. А на обороте второй отчеканен рабочий с молотком возле щита или наковальни, на которой был выбит номинал — «20 коп.». Вот только вместо серебра какой-то железный сплав.

— Мерзавец, — согласился Бокий и усмехнулся. — Занятные монетки. Зато теперь ясно, что СССР у нас будет через четыре года, и основатель выбит на ордене. А раз монеты можно чеканить в мирное время, то понятно, что война окончится не позднее 1923 года.

— И свои деньги мы будем чеканить на основе царских! Полностью подобных тем, что ходили при Николае. Какой из этого можно сделать вывод?

— А тот, что мы с ними вынуждены торговать. Они наши соседи, с порченной монетой много не наторгуешь.

— А не пройдет и десяти лет, как мы положим зубы на полку. — Мойзес взял пальцами монету 1932 года. — С таким «серебром» не отправишься за покупками. Или я не прав, товарищ Бокий?

— Прав! Но главное, что мы у власти удержались...

— Тогда да! — перебил Мойзес. — А сейчас?! Они же знают ход войны! И будут воевать до конца. Или ты считаешь, что мы здесь удержим японцев? А если они отберут у нас Омск, ты представляешь, что начнется?!

— Мы получим крестьянские мятежи и казачьи восстания. Они здесь сплошь монархисты, в какой дом ни войдешь, везде портреты царствующего дома увидишь!

— Сил у них маловато, но наступление окрыляет. У нас сейчас сил еще меньше, но за Уралом есть несколько дивизий, сможем перебросить. Но время, время! Месяца два пройдет!

— Они это понимают, а потому, я думаю, идти для них дальше — безумие. Запрут Щегловские проходы, и мы начнем биться лбом в стенку, как баран в новые ворота. А они отсидаются, соберутся с силами и начнут по-новому.

— Нет, товарищ Бокий. Поддержка японцев будет, а потому они пойдут до Урала. Мы потеряем всю Сибирь! Много у нас золота и серебра? Не потому-то монетки из дряни чеканить стали, — Мойзес швырнул кругляшок на стол, тот жалобно звякнул и покатился. А чекист задумался.

— А ведь этот гад без согласия Фомина такой номер бы не выкинул. — Неожиданно Бокию пронзил горящий мыслью взгляд. — Генерал патриот, державник, как бы им самим под японцев не лечь. И коробочка не зря приложена. А ведь это же...

— Предложение нам, — выдохнул Бокий, осененный догадкой. — Мы же признали всякую там Литву, Финляндию и Эстонию, ведь за ними Антанта стоит. Признаем и Сибирь, если тут японцы оружием начали лязгать.

— А он нам и намекает — будете долго воевать, останетесь без Сибири, отсюда же ведь все российское золото и серебро, и до двадцать третьего года мучиться будете. Все ж равно с капиталистами торговать станете, сдохнете ведь, на кровь посмотрите.

— Похоже, ты прав, — задумчиво вздохнул Бокий. — Но как мы убедимся, что докопались до истины...

На станции загремело, стекла задрожали, а одно разлетелось. В комнату хлынули клубы морозного белого воздуха. Дверь чуть ли не слетела с петель, в комнату ворвались дежурившие чекисты.

— Егеря прорвались почти к станции, товарищ Мойзес. С батальон, не меньше. С ними идут японцы, примерно две роты. Бешено атакуют, с гаубиц начали бить. Снаряды чуть ли не в три пуда рвутся.

— А вот тебе и ответ, Глеб. Или ты думаешь, что все случайно? Нет, это он намекает — если не договоримся по-хорошему, то я под японцев лягу, зато они вас пинками вышибут!

— Надо срочно телеграфировать Янеку, он должен быть в курсе...

— И это передать куда надо, — Мойзес проворно сгреб со стола монеты и орден, уложив все в коробочку. — А отправлять придется с Новониколаевска, и то, я думаю, мы там надолго не задержимся.

— Не про то говоришь, товарищ Мойзес. Нам сейчас отсюда рвать когти нужно, а то твой знакомый бешеный пес в клочья порвет. Поехали, Лев, нас давно сани ждут!

Красноярск

Бутылка коньяка была давно выпита, а новой так и не появилось. Денщики быстро прибрали посуду, и теперь «императорский квартет» чаевничал у горячего самовара. Стол был накрыт фарфоровыми чашками, стеклянными вазочками и расписными блюдами — Ермаков только покачал головой, узрев на столе знакомое варенье из разных ягод. Наверняка Алевтина Михалева постаралась, снабдила свою подружку разными домашними вкусностями. То-то у Ивана рубашка малиной была заляпана.

Константин почти отдыхал — все вопросы и проблемы были отрегулированы, необходимые решения приняты. Как он и рассчитывал, совместно работать с царем и двумя «пришельцами» оказалось сплошным удовольствием — мало того что они единомышленники, он никогда не думал, что может сдружиться с людьми за столь короткое время. Но вообще-то на войне так и бывает — пройдут иной раз сутки, а с человеком спаяешься на десятилетия...

— Костик, ты мне обещал ответить честно на вопрос!

— Обещал, значит, отвечу, Мики! — Ермаков поставил чашку с чаем на блюде и потянулся за печеньем. Хорошая сдоба, домашняя, в дороге долго хранится. Да и сын любит кусочки таскать.

— Что должно было случиться с моей семьей, если я был бы убит в Мотовилихе?! — Вопрос прозвучал с лязгом затвора, и Константин содрогнулся. Он уже знал, что произошло в это время, но как ответить правду, после которой Михаил Александрович начнет корить себя всю жизнь.

— Ты дал мне слово! — Глаза царя жгли угольями, и Ермаков вздохнул, решив положиться на судьбу.

— После твоей смерти, Мики, жену отпустили в Англию, к сыну. Через десять лет Георгий Михайлович разбился в автокатастрофе, но он никогда не предъявлял своих прав на престол. Жениться он не успел. Ваша жена со временем истратила все, продала ваши ордена и замок в Англии, дожила до глубокой старости и умерла всеми забытая, в нищете. Ваши родственники полностью сторонились ее и сына.

На последних словах Михаил Александрович побледнел, и чуть дрожащими пальцами достал папиросу из коробки. Шмайсер торопливо зажег спичку, дал прикурить венценосному другу. На добрые пять минут воцарилось молчание, которое нарушил тихий голос Фомина:

— Почему большевики ее отпустили? Ведь никого из Романовых, кто попал к ним в лапы, в живых не оставили.

Шмайсер лишь недоуменно пожал плечами, а Михаил побледнел еще больше, хотя казалось, что это невозможно.

— Костя, ты знаешь почему?

Ермаков пожал плечами, но внутри напрягся — сам вид царя, его бледность, пронзили догадкой — а ведь в той статье, что прочитал за месяц до своего исхода сюда, по всей видимости, написали близко к истине.

— Ты говори, не молчи, чего уж, — прозвучал глухой голос Михаила Александровича. — Говори, я хочу, чтобы ты стал моим другом, а потому между нами не должно быть недосказанного.

— Дело в том, что большевики отпустили вашу жену с сыном лишь после того, как в их руках оказались доказательства того, что ни при каких условиях они не смогут претендовать на престол. А иначе бы их просто убили. Ведь так, Михаил Александрович? Эти доказательства имелись?

Царь вздрогнул и утвердительно мотнул головой. Затем сделал характерный жест: «Ты не останавливайся, продолжай».

— Ваша жена написала некое письмо Гучкову, в котором обращалась к нему как к любовнику. И предлагала посмотреть фотографию сына, дабы тот убедился, кто есть настоящий отец. Ведь так, Мики?!

— Так, Костя, — неожиданно отозвался Михаил. — Мне дали прочитать это письмо...

— Как раз после отречения Николая, — перебил Ермаков, всем нутром понимая, что царь будет благодарен, если все расскажет он. Есть вещи, которые обманутому мужу тяжело вспоминать, а чтобы излагать словами...

— Они вас грамотно обкладывали все эти долгие годы. Алексей болен гемофилией, ты, вступив в морганатический брак, потерял право на престол. Революция не была внезапной, ее долго готовили, в том числе и люди из вашего окружения с братом. И нанесли тебе страшный удар — вот потому-то ты не стал императором. Так ведь?

— Да, мне было тогда очень тяжело.

— Ты испугался, что если это станет всем известно, то ты, как монарх, будешь ославлен, еще бы не понимать позора не только мужа и отца, но и императора. Чудовищный стыд, и ты решил его избежать. В тебе победил человек, и ты забыл, что отвечаешь за целую страну, державу. Тогда еще можно было выправить ситуацию, но ты растерялся и не знал как. А эти сволочи ударили тебе в спину. Потом ты простил жену...

— Да, я простил жену, — глухо отозвался Михаил.

— Потому что любил ее. И эта любовь погубила империю! — безжалостно закончил Ермаков. И неожиданно спросил: — Мики, а подумывал ты в Перми, чтобы где-нибудь укрыться, спрятаться. Ведь у тебя было где?

— Да. Мои туземцы меня бы не выдали. Я думал спрятаться или в Кабарде, или у текинцев.

В песках Туркмении меня бы не нашли.

Странно, но царь стал прежним. Будто тот чудовищный стыд, что давил его все эти годы, растаял без следа. Он с благодарностью в глазах посмотрел на Ермакова, даже чуть кивнул.

— Дело в том, что твои убийцы оставили тела и сбежали. А когда вернулись, то Джонсон лежал на земле, а тебя не было. А потому есть большие разночтения в дальнейшем — то тела прикопали, то сожгли в Мотовилихе. Убийцы сами запутались, когда пытались себя выгородить. Но так как ты не давал о себе знать, то в Кремле дружно решили, что тебя нет в живых. Поверили твоим палачам — ведь кто-то из них лгал, но ведь кто-то говорил правду. Так, по крайней мере, и решили.

— А со мной что? — Голос прозвучал растерянно.

— Есть серьезные соображения, что ты укрылся у туркмен. И каким-то образом дал о себе знать барону Унгерну и атаману Семенову. Но время было упущено, они еле удерживали Забайкалье. Эта парочка отнюдь не легковверные люди, их посланцы добрались до тебя и получили твое согласие. Ведь в двадцать первом году Унгерн захватил Монголию и повел казаков на Забайкалье твоим именем. Но тогда силы были неравны, и он потерпел поражение.

А большевики со временем пронюхали правду, но прошли годы.

— И что же? — Фомин со Шмайсером спросили одновременно, опередив Михаила — тому было тоже интересно.

— Только недавно нашли фотографии, на них подписи. Отдали экспертам, а заодно и твой собственноручный манифест. А те дали заключение...

— Какое?!!! — все трое возопили в один голос.

— Писал один и тот же человек. Так что поздравляю — ты дожил до шестидесяти второго года, женился на туркменке, завел двух дочерей и сына. И был счастлив, судя по снимкам.

— Мы сейчас на карачках, большой кровью, выползаем из этого кошмара, Мики, — неожиданно взорвался Фомин. — Нам нужна преемственность власти. Наследник нужен! Это твой долг! Ты понял?!

— Хорошо, я все понял, — покорно отозвался Михаил, с опаской глядя на друга. И тут же еще двое придвинулись ближе.

— Силком оженим, и супружеский долг выполнять будешь исправно, — с шуточной угрозой пообещал Шмайсер.

— А я свечу держать буду, жена простит, — быстро проговорил Ермаков, — дело-то государственной важности.

Четверо друзей переглянулись, дружно фыркнули и разом взорвались озорным, жизнерадостным смехом...

Москва

(4 марта 1920 года)

— Лев Давыдович, положение архисложное! Мы на волосок от большой войны с Японией! А этого надо избежать! Воевать с таким врагом мы не в состоянии! Нельзя играть судьбой революции!

Ленин быстро прошелся по кабинету, мягкий ковер глушил шаркающие шаги. Затем снова уселся за стол, зачем-то выключил настольную лампу под зеленым абажуром и потом снова включил. По стене заскользили тени, будто в склепе.

Вождь мировой революции заметно нервничал, пальцы постоянно двигались, иногда сжимаясь, будто человек пытался за что-то уцепиться. На широком лбу медленно ползли капельки пота.

— Ничего не поделаешь, Владимир Ильич. — Троцкий загадочно поблескивал стеклами пенсне, его узкая черная борода придавала ему мефистофельский вид. А может, так и было, ведь не зря многие, и друзья, и враги, называли этого человека злым гением, а то и демоном революции. Именно он выпестовал трехмиллионный по числу, чрезвычайно громоздкий, но эффективно действующий военный механизм Советской Республики.

— Царские генералы тоже знают свое дело, и стоило нам ослабить хватку, как тут же они нанесли ответный удар! И у нас нет сил, чтобы остановить их наступление на Омск.

— Город сдавать нельзя, Лев Давыдович! Ни в коем случае! Мы тогда не сможем объяснить нашим товарищам причины этой чудовищной катастрофы. И это после триумфального освобождения Сибири от Урала до Енисея?! Политический эффект от сдачи Омска, этой столицы колчаковщины, будет иметь крайне негативные последствия для советов во всем мире. Да, да, и даже хуже, намного хуже, Лев Давыдович. Это все играет на руку воспрянувшему монархизму.

Ленин снова вскочил из-за стола, подошел к Троцкому и впился ему в глаза взглядом. На секунду Льву Давыдовичу показалось, что председатель СНК смотрит как-то искательно, чуть ли не по-собачьи.

— А нет ли возможности провести дополнительную мобилизацию рабочих и сибирских партизан? И хорошо надавить на беляков? Хорошенько?! Это было бы очень здорово!

— Мы уже мобилизовали всех, кого можно, выгребли подчистую! Коту под хвост пошли наши усилия! Подошедшие из Иркутска войска Сибирского правительства с японцами перемалывают наши резервы гораздо быстрее, чем мы их формируем. Пройдет три-четыре дня, и все — они войдут в Омск. Держать их нечем — 5-я армия фактически уничтожена, восточный фронт рухнул. Это поражение, Владимир Ильич!

Троцкий помимо воли тоже разгорячился. И было от чего волноваться — деникинцы яростно упирались на Дону и Маныче, четвертую неделю отражая непрерывные атаки красноармейцев. Воспрянула духом казачья на Кубани, Тереке и Дону, теперь не разбегаются по своим хатам, а снова собрались, дерутся просто озверело. И причина этого возросшего сопротивления заключается в Сибири! Вдохновились успехами контрреволюции и воскрешением своего недобитого императора.

Председатель РВС республики мысленно выругался — теперь приходится пожинать плоды

той чудовищной ошибки пермских чекистов. Лучше бы царя Николая из рук выпустили, тот давно стал политическим трупом, и под его знаменами не собралась бы такая сильная армия.

— Надо выиграть время, Владимир Ильич. — Троцкий сдержал эмоциональный порыв, за эти часы он лихорадочно перебрал десятки вариантов и выбрал этот, как ему показалось, единственно верный.

— Ну, заключим мы это трехмесячное перемирие, кто же будет в выигрыше? Давайте посмотрим на события с военной точки зрения, я уже проконсультировался со знающими специалистами. Удержав за собой Омск, мы до июня сможем перебросить несколько дивизий и хоть как-то наладить работу Транссиба. Белые владеют огромной территорией, но у них мизерное население в шесть, ну семь миллионов человек, значительная часть которых однозначно против царизма.

Троцкий заодно блеснул стекляшками своего пенсне, хитро улыбнулся, тряхнув клинообразной бородкой. А Ленин усмехнулся — сравнение с бесом или козлом, что одно и то же, приводимое в карикатурах белогвардейских газет, било не в бровь, а в глаз. И тут его озарило, как бывало раньше, когда он лихорадочно искал выход из затруднительной ситуации.

— Это означает, что партизаны там еще сыграют свою роль, и принесут нам пользу. А вот белые увеличить свою армию не смогут ни при каких обстоятельствах!

Ленин по-хозяйски перебил собеседника, почесал пальцем переносицу и заговорил напористо, с молодым задором:

— А ведь «союзникам» не нужна победа Михаила, даже японцам! И этот демарш посла Като к нам с требованием немедленного заключения перемирия и принятия «союзнического» посредничества, есть ясный знак! А это архиважно, батенька!

Ленин возбужденно забегал по комнате, радостно потирая руки. Втайне Владимир Ильич был благодарен Троцкому за сдержанность — когда «генералиссимус» Советской республики начинал сыпать военными терминами, номерами дивизий, директивами или расстеленным на столе кошмаром карты с разноцветными стрелками и кружками, то вождь сразу терялся, чем Лев Давыдович всегда пользовался, доказывая свою незаменимость.

И сейчас он с тщательно замаскированным ехидным цинизмом смотрел за оживленно ходящим «Стариком», машинально отмечая, что тот изрядно сдал за последний год. А это хорошо, ибо он сам на роль вождя мировой революции подходит гораздо больше. Но не сейчас — контратака белых в Сибири ушатом ледяной воды смыла царящую в Кремле эйфорию от победного осенне-зимнего наступления Красной армии.

Троцкий поневоле примерял прошлогоднюю ситуацию в Венгрии, где советская власть пала под ударами внешней и внутренней контрреволюции. Недаром там утвердился диктатором адмирал Хорти, что объявил себя регентом, а страну королевством, ожидающим своего монарха. Как бы такой беды не вышло и в России. Ожилились гады, еще самодержавия потребуют!

— Вот только как бы нам настоять, чтобы перемирие не соблюдалось на юге? Вы сможете немедленно опрокинуть деникинцев в море и там их перетопить как худых котят?

— К сожалению, этого сделать пока нельзя, Владимир Ильич. Казаки отчаянно обороняются на Маныче — кавкорпус Буденного понес большие потери и отброшен. Деникинцы отбили Ростов, и сами перешли в наступление, с боем теснят наши части. Тылы отстали, железная дорога еле работает, и то с большими перебоями. Требуется определенное время, чтобы совершить перегруппировку войск, наладить снабжение. Примерно две, а то и три недели.

— Вы учитываете грядущую распутицу, Лев Давыдович? Ведь она остановила наших бойцов в прошлом году, как раз почти на этих самых позициях?! Там будет грязь непролазная!

— Повторения не будет, Владимир Ильич! Сама история не любит таких повторений! —

твердо сказал Троцкий, хотя в душе испытывал большие сомнения. Летом Деникин перешел в наступление, и его войска дошли до Тулы. Как бы и сейчас такого опять не вышло. Отсилятся за грязью непроходимых дорог, а потом рванутся вперед, и уже до самой Москвы. А из Сибири пойдет еще одна армия, и если беляки соединятся...

— Но ведь сразу после того, как мы заключим с белыми перемирие, англичане требуют принять их условие созыва конференции на Принцевых островах, для обсуждения будущего России, — на последних словах голос Троцкого зазвучал весьма ехидно.

— Нам нужно удержаться у власти любой ценой! Мы пережили похабный мир в Бресте, переживем и это перемирие, и британское посредничество, — Ленин горячо говорил, не обращая внимания на собеседника, который заметно морщился — Троцкому напоминание о мире с немцами в Бресте два года назад сильно не понравилось. Ведь именно он тогда здорово подгадил Ильичу, сорвав переговоры своим лозунгом: «Ни мира, ни войны, а армию распускаем». Сильно навредил, еле у власти удержались.

— Мы воспользуемся межимпериалистическими противоречиями, и им станет не до нас. Англичане и американцы не дадут японцам заграбастать Сибирь, а потому те к лету начнут убирать свое воинство, с которым пока мы воевать не в силах. И как только японцы уберутся, тогда и нанесем удар. Да, вот еще — необходимо объявить о создании Сибирской советской республики, и тогда мы сможем спокойно отпереться от всех обвинений по поводу нарушения перемирия.

Троцкий восхищенно посмотрел на Ленина — что и говорить, но «Старик» гениальный политик и великолепно чувствует конъюнктуру момента.

— «Союзники» передерутся между собой за богатства юга, а белые станут там разменной монетой. Пусть порежут шкуру неубитого медведя и окончательно разлаются между собой. Тогда им будет не до помощи. А в мае мы сосредоточим против Деникина миллионную армию и скинем его с казаками в море. Повод для этого всегда найдется. А грузинские меньшевики и азербайджанские мусаватисты нам в этом только помогут, они сами с большой радостью ударят в спину Деникину.

— А потом...

— А потом мы установим и у них советскую власть, — Ленин просто заткнул Троцкого, не дав тому высказать правильную догадку. Вождь интеллектуально подавлял своих соратников, для того зачастую прибегая к открытым оскорблениям. Того же Льва Давыдовича он иной раз именовал «иудушкой» или «политической проституткой». Но тот совсем не обижался — ленинские формулировки дышали завистливой экспрессией к более молодым соратникам, что напоминали больше шакалов. Потому что иной раз, за спиной, без всякой почтительности, громко называли в отместку злоязычного Ильича «старой сволочью».

— А что делать с Мурманом? — осторожно спросил Троцкий, с затаенной радостью глядя на оживленного вождя — тот просто блистал мыслью.

— Тоже соблюдаем там перемирие, Лев Давыдович, очень строго. Предупредите товарищей! А где там сейчас беляки фронт держат?

— У Медвежьей горы. Железная дорога до Петрозаводска разрушена, перебросить войска мы не в состоянии. С востока, от Онеги, наступать вообще невозможно — дорог нет, везде непроходимая тайга с болотами. А на Белом море у нас совсем нет пароходов — они, что не вывели с собой на Мурман, перетопили да взорвали на Двине.

— Это просто замечательно, батенька! Если на переговорах беляки упрутся, то мы бросим им кость, которой они подавятся. Отведем войска за Свирь и очистим Карелию. Пусть владеют над чухонскими болотами, а заодно и восстановят железную дорогу на Мурман.

— Это как понимать, Владимир Ильич? — Троцкий опешил от ленинского предложения.

Делать уступки, когда вынуждают, это одно, большевикам тут не привыкать, «Старик» недаром говорит, что настоящий коммунист обязан съесть дерьмо, если нужно. Но просто так отдать? В голове не укладывалось. И тут его мысли прервал злобный смех вождя.

— Удивлены, батенька?! А зря! Финляндия давно зарится на Карелию, сейму хочется расширить пределы «державы». А нам тогда зачем мешать — пусть нападают на Миллера, благо их территории, после нашего отхода, соприкоснутся. В этой войне они полностью обессилят друг друга, и тогда придет Красная армия и советизирует их опереточные «образования». Вот так-то, Лев Давыдович. Так что подумайте, как нам быстро отвести войска.

— Это замечательно, Владимир Ильич, я не нахожу слов...

— Не находите? И зря, батенька, вам придется их найти. Немедленно телеграфируйте Сиббюро и лично Эйхе, что ведет переговоры с генералом Арчевым. Пусть подписывают перемирие на условиях сложившейся на этот час линии фронта. Мы даже готовы отдать юг Карелии до Свири, Петрозаводск взамен отказа от Омска, — Ленин опять забежал по кабинету, зачем-то отдернул штору и с минуту пытался разглядеть покрытые ночной темнотой стены Кремля. Что он там увидел, непонятно, но Ленин повеселел. Затем снова зашагал по ковру, подойдя к Троцкому.

— Наш латыш может дать монархистам какие угодно гарантии, что ему только на ум взбредет. Пусть говорит, что мы уважаем право народов на самоопределение. Пусть у них будет этот, как его — «царь Сибирский». Но никак не император — такое упоминание для нас уже опасно. Слова ничего не значат, как и уступки — все равно мы их будем соблюдать постольку поскольку. Так! А какое время они нам отвели для положительного ответа — трое суток? Ведь так, Лев Давыдович?!

— Уже двое, Владимир Ильич, — Троцкий заулыбался. — Но я прикажу за эти 50 часов всемерно усилить наступление, где только возможно. И отодвинуть будущую границу в нашу пользу. Но только там где это выгодно для будущего наступления. И наоборот — кое-где придется очень быстро отводить войска, гм, ха, гм...

— Вы правильно понимаете политику, батенька, очень правильно. А за два месяца много воды утечет, так что это нам даже на пользу. Они перемирия хотят?! Ну что ж — они его получают!

Новониколаевск

(7 марта 1920 года)

— Армия на пределе сил, она полностью обескровлена. — Военный министр Арчев говорил спокойно, однако голос сделался настолько скрипучим, что всем сидящим за большим столом для совещаний стало ясно — командующий еще сглаживает обстановку.

За эти месяцы министры Сибирского правительства уже хорошо узнали манеры и интонации голоса молодого коллеги, а потому переглянулись с озабоченным видом.

Лишь государь Михаил Александрович, сидевший с другой стороны стола, рядом с генералами Фоминым и графом Келлером, сохраняли пресловутое олимпийское спокойствие — просто военные намного лучше знали обстановку. Да, армия обессилена, но красным еще хуже, намного хуже — у них фактически не осталось регулярных частей. Рабочие и партизанские отряды, брошенные в контратаки на наступающие бронепоезда и «маньчжурские» батальоны, понесли чудовищные потери.

— Нам нужно время на приведение войск в нормальное состояние, провести необходимые реформы и перевооружить армию, сформировать нормальные кадровые дивизии, в конце концов. Потому передышка настоятельно необходима...

— Я полностью согласен с вами, Константин Иванович, — Вологодский выступил первым в поддержку командующего, хотя это было обычно против его правил, премьер-министр, по обыкновению, дожидался, пока свои мнения не изложат все члены правительства. И лишь потом, с учетом всего изложенного, высказывался окончательно, подводя итоговую черту.

— Мы наступаем чудом, и если бы не имели открытой поддержки японцев, то ситуация стала бы просто катастрофичной. Но вот условия заключенного перемирия, на мой взгляд, несколько жестковаты.

— У меня не было выхода, Петр Васильевич. Омск нам ничего не давал, кроме лишних потерь и головной боли. Да, красные не признали наших притязаний на верховную власть в обновленной России, как его величество Михаила Александровича в качестве императора, — Арчegov коротко поклонился в сторону «царя Сибирского».

— Но против монархической Сибири они не имеют ничего против. — Тут генерал ухмыльнулся, лицо исказилось торжествующей гримасой.

— Лишь бы мы действительно являлись независимыми. Эйхе с кислой рожей заявил мне, что ленинское правительство всегда выступало за право наций на самоопределение. Деваться им некуда, господа, но у них есть пространство для политического маневра, и вы знаете почему.

Министры переглянулись и засопели. Последние недели политический нажим со стороны «союзников» резко усилился. Им хотелось видеть новые, не большевистские государственные образования отнюдь не монархическими, а «демократическими». А потому Вологодскому пришлось изрядно полавировать, сглаживая острые углы.

От объявления Российского имперского содружества временно отказались, дожидаясь более удобного момента. Хотя правительство генерала Миллера на севере полностью признало законным и легитимным воцарение в Сибири Михаила Александровича. Даже отыскало в полном императорском титуле необходимые места для обозначения его монархической власти на Коле и в Карелии. Сам Арчegov даже усмехнулся, когда узнал об этой новости. И наедине с Вологодским бросил очень загадочную для последнего фразу, явно цитируя кого-то неизвестного премьеру: «Я, я, Кемска волость».

Генерал Деникин допустил губительные для дела проволочки на юге. В Сибири стала известной его фраза о том, что если он объявит о признании монарха, то от него уйдет добрая половина армии, а если выскажется в пользу республики, уйдет другая половина. Потому он будет молчать, дожидаясь созыва хоть какого-нибудь народного представительства, которое будет разрешать этот сложный вопрос.

Однако все уже прекрасно осознавали, что политика «непредрешенничества» завела белое движение в тупик и поставила на грань катастрофы. А потому следовало искать новые способы и методы...

— Большевики не соблюдают никакие соглашения, когда им выгодно. — Новый глава МВД Пепеляев блеснул стеклами очков. Еще молодой, не достигший и сорокалетнего рубежа, он рьяно взялся за дело, подхватив бразды управления у погибшего под пулями террористов Яковлева. Вот только ратовал он нынче не за насаждение земств, как прежде, в свою бытность при Колчаке, которые стали рассадником эсеровщины, а совсем наоборот.

— Они нарушат это перемирие, как только перебросят под Омск резервы, — граф Келлер, которого заставили остановить войска практически у самых ворот бывшей столицы Сибири, был по-военному прямолинеен.

— Конечно, нарушат. Я знал это, когда подписывал с ними соглашение, — покладисто

согласился Арчegov.

— И даже раньше срока, уже в мае, как только подсохнут дороги. А на юге красные начнут наступать в апреле. Они попробуют нанести по армии Деникина мощный удар всеми силами и скинуть ее с северо-кавказского плацдарма в Черное море. А заодно попытаются взять штурмом крымские перешейки. Момент для них будет удобный — сибирская армия в условиях нашего весеннего бездорожья не сможет вмешаться. Здесь совсем не юг и в апреле еще лежит снег.

Арчegov остановился, пристально посмотрел на Вологодского — тот понимающе прикрыл глаза. Теперь можно было говорить о главном, ибо сейчас, на этом совещании, решалась дальнейшая судьба не только Сибири, но и будущего Российской державы.

— Это перемирие дает нам хорошую возможность выиграть время для подготовки решительного наступления. Потому оставили за красными Омск, чтобы они остановили наступление на юге. Большевики согласились охотно, им тоже есть что терять. Распутица на юге вступила в силу, и Красной армии тоже требуется время, чтобы подтянуть отставшие тылы, доукомплектовать войска, наладить коммуникации, совершить перегруппировку частей. Это как в шахматах — мы не стали брать пешку, чтобы выиграть темп, и тем самым победить в партии.

— До победы еще далеко, ох как далеко, — отозвался министр финансов Михайлов, и стал беззвучно шевелить губами, что-то подсчитывая про себя.

— Намного ближе, чем Ленину со своей камарильей. Они сейчас считают, что нас обманули, но все обстоит совсем иначе. Нам просто надо использовать время намного лучше, чем врагу. И ресурсы для этого мы имеем.

На последних словах генерала все присутствующие дружно посмотрели на Михайлова, словно ожгли взглядами.

Тот закричал, открыл толстую тетрадь, посмотрел на длинные колонки цифр. И лишь затем заговорил, тщательно подбирая слова, прекрасно понимая, что настала теперь его очередь.

— Мы пустили в оборот до полумиллиарда рублей переданных из САСШ денежных знаков. И до двухсот миллионов золотом. Это включает в себя и те суммы, что отправлены генералу Деникину. Обмен старых денег, «романовских» и сибирских, производится в полном объеме. И будет закончен к концу месяца. Кроме того, начато погашение старых долговых обязательств Сибирского правительства, направлено облигаций на сумму до пятидесяти миллионов рублей на поддержку крестьянства, особенно новоселов.

— Иван Андрианович, нас больше всего интересуют ассигнования, которые мы сможем сделать на военные приготовления, — мягко прервал молодого министра Вологодский и откашлялся.

— Мною удовлетворены все заявки Константина Ивановича на закупку вооружения и снаряжения. Передано до тридцати миллионов рублей одним только золотом. Кроме того, уплачено чехам за переданные винтовки, пушки, боеприпасы и прочее 17 миллионов золотых рублей. Обычные ассигнования составили еще двадцать миллионов рублей. А на развитие военного производства еще требуется дополнительно выделить...

— Иван Андрианович, — не менее мягко, чем Вологодский, неожиданно заговорил Арчegov. — Суммы впечатляют, но мы их с вами уже обговорили. Вы учитывайте, что два-три месяца нам предстоит воевать только с партизанами, и расход боеприпасов будет значительно меньшим. А потому прошу эту статью расходов не урезать, а направить на накопление запаса снарядов и патронов. На полгода войны нам должно хватить — как раз до осенней распутицы, когда сделаем очередную передышку. Нужно дополнительно до десяти миллионов рублей на обустройство войск, на жилищное обеспечение офицерских семей.

— И еще одно, — громко произнес граф Келлер. — Нам не хватает разменной монеты,

серебряной и медной. Ведь самая мелкая купюра в один рубль, а это вызывает массу неудобств, особенно при расчете с обывателями золотыми монетами. Нельзя ли что-либо сделать?

— Чеканка медной монеты с сибирским гербом уже начата, и в течение двух месяцев надобности армии будут удовлетворены. В первую очередь. А за полгода мы насытим и внутренний рынок. Что касается серебряной монеты, то ее чеканка, Федор Артурович, незначительна, и то, главным образом, биллонной монеты с пониженным содержанием серебра, которого у нас, к моему великому сожалению, катастрофически не хватает.

— Алтайские рудники мы контролируем, а потому добыча этого металла к лету возрастет, как и золота, — вмешался доселе молчавший министр экономики Серебрянников.

— А по займам с чего платить?!

— Господа, — вмешался Вологодский, обрывая начавшийся разгораться спор между министрами. — Эти проблемы мы будем решать потом, сегодня совещание только по военным вопросам, а потому здесь присутствуют генералы. Мне интересно знать и их мнение, а также оценку ситуации.

— Да, да...

— Конечно, прошу простить.

Министры переглянулись и под укоризненным взглядом Вологодского сразу остыли. Взоры штатских господ одновременно скрестились на Келлере, под командованием которого войска добились блестящих побед, добравшись до Омска. И сделали этот поход гораздо быстрее от Красноярска, чем в обратном направлении, когда белые оставили город на Иртыше, и в безостановочном отступлении докатились до Енисея.

— Мне приказано расформировать все не сибирские части. И я выполняю это решение правительства, которое вынужденно пошло на этот шаг под давлением обстоятельств и заключенного с красными перемирия. Просто уфимские, ижевские и другие бригады будут влиты в новые сибирские дивизии и станут их костяком.

— Разрешите мне дополнить, Федор Артурович, ибо этот вопрос находится и в моей компетенции, — вмешался Арчegov. Келлер тут же чуть наклонил голову в согласии.

— Конечно, ваше высокопревосходительство. — Старый граф ни на йоту не отходил при публичных встречах с военным министром должных правил субординации и чинопочитания.

— Сейчас ведется комплектование сразу четырех дивизий, согласно мобилизационным возможностям. Есть такое правило — на один миллион населения одна дивизия до 20 тысяч человек, с учетом учебных подразделений. Енисейская, Томская и Алтайская губернии выставляют по стрелковой дивизии, Иркутская и Забайкальская только одну на двоих. По две отдельные стрелковые бригады в Приморье и Семиречье. Пятая сибирская дивизия пока сводная, из уроженцев Западной Сибири. При освобождении данного региона, мы немедленно проведем мобилизацию, и на ее основе развернем сразу четыре дивизии, доведя общее количество до восьми. На это потребуется от трех до шести месяцев. Но зато армия удвоится.

— Серьезная сила, — негромко сказал Вологодский и торжествующе посмотрел на министров.

— Мы сможем выставить еще две полнокровные казачьи дивизии, одну регулярной кавалерии, отдельные полки и батальоны. Механизмы запущены, сроки известны, средства получены — нам осталось только работать, господа.

— В сильной армии наша опора, — Михайлов закричал, как старик, он понял, что придется серьезно раскошелиться. Но вначале посмотрел на председателя правительства — и Вологодский после секундного размышления наклонил голову, выражая свое согласие.

— Правительство решило выделить дополнительные ассигнования в размере 20 миллионов рублей на развитие Ново-Ижевского оружейного завода в Иркутске, и еще столько же для

дополнительной закупки вооружения в Японии и САСШ, — Михайлов помедлил и посмотрел на Михаила Александровича. И заговорил снова, выдавливая из себя слова.

— А также требуемые суммы на формирование гвардейских частей, ваше величество. Я прошу вас, государь, отдать распоряжение о разнарядке необходимых средств.

— Благодарю вас, Петр Васильевич и Иван Андрианович. Я выделил два миллиона из своих собственных средств, а это сильно ограничило мои возможности. — Император благодарно склонил голову.

Ермаков мысленно усмехнулся — Вологодский категорически не хотел появления несибирских частей, а потому охотно принял требование красных о роспуске отступивших от Волги и Урала дивизий. Тем более что на этом настаивали американцы, англичане и японцы, всерьез полагавшие создание независимого Сибирского государства. Да и он сам приложил к этому руку, вводя «союзников» в еще большее заблуждение.

Но бывшие колчаковцы и каппелевцы прямо-таки требовали воссоздания общероссийской силы, хотя бы в виде гвардии. Вологодский, после долгих колебаний, дал свое «добро», но оговорил, что средств выделять не будут на те подразделения, что не имеют наименования «сибирских». Такая мелочность была свойственна премьеру, который цепко держался за свое видение полностью автономной Сибири в составе будущей Российской имперской федерации. Потребовалось время, чтобы сломить упрямство пожилого председателя правительства.

— Все в наших руках, господа, — Арчegov решил проявить инициативу и взять дальнейший диалог под собственный контроль. — Теперь нам надо конкретно решить, что нам требуется для победы в грядущей войне с большевиками, которая, как мы все понимаем, неизбежна...

Екатеринодар

(9 марта 1920 года)

— Александр Васильевич, признаюсь вам честно, последние дни меня одолевают чудовищные сомнения.

Генерал Деникин выглядел гораздо старше своих лет. Его сильно старила седина и небольшая бородка. А ведь главнокомандующий вооруженными силами на юге России был достаточно бодр и энергичен и моложе адмирала. Его имя стало легендарным в русской армии в годы войны с германцами, где каждый офицер мечтал служить в знаменитой «железной» стрелковой бригаде под его командованием.

Именно он поднял выпавшее из рук погибшего генерала Лавра Корнилова знамя «белой идеи» и пронес его через кровавую бойню гражданской войны вот уже два полных года. И символично, что они встретились в Екатеринодаре, где пал, сраженный снарядом, зачинатель белого движения.

— Я не знал, что и думать, когда получил телеграмму его величества о том, что в Омске начались переговоры с большевиками. И скажу откровенно — здесь сочли правительство Вологодского чуть ли не предателями интересов России. Мне удалось кое-как пресечь подобные разговоры среди генералитета. Поймите меня правильно, Сибирь ведь не знала, что такое красный террор и комиссародержавие. Для нас мир с большевиками категорически не приемлем! И даже сейчас, несмотря на настоятельные просьбы императора и правительства Вологодского.

— Я так же думал, но один генерал сумел меня не только разубедить, но и заново вдохнул в

меня жизнь, — адмирал Колчак сидел в кресле, на его черном флотском мундире, в сиянии золотых погон, гневно топорщили крылья черные двуглавые орлы. За полуторамесячное плавание лицо Александра Васильевича загорело чуть ли не до черноты, лишь верх лба был белым, там где его закрывал козырек фуражки. Адмирал помолодел, будто разом скинул десяток лет — так на него подействовал океанский ветер и соленые брызги, и поход превратился чуть ли не в оздоровительный круиз с медовым месяцем.

— Еще два месяца назад я сам готов был пустить себе пулю в сердце, а не отступить от принципов, среди которых главный — единая и неделимая Россия. И не меньше вашего был готов предложить не мир, а меч, и войну до конца. — Адмирал горделиво приподнял подбородок и жестко посмотрел на генерала. Затем усмехнулся.

— Но сейчас я начал думать совершенно иначе, надеюсь, что вам не придет в голову считать меня отступником и погубителем нашей милой Родины. Но, воленс-ноленс, я сейчас считаю, что для борьбы с большевизмом хороши любые меры. А обман противника есть военная хитрость, которой нужно гордиться, а не воротить нос. Мы не институтки Смольного, а прошагали все ступени службы, Антон Иванович. Перемирие позволит нам взять передышку и лучше подготовиться к продолжению войны с большевиками.

— Ну и слава Богу, а то я испугался, что Михаил Александрович совершает страшную ошибку заставив меня принять условия временного прекращения огня. Слово-то какое интересное подобрано! И кем?!

— Военный министр Сибирского правительства, поверьте мне на слово, Антон Иванович, ничего не сделает просто так, пока не просчитает ситуацию и не выберет оптимальный вариант ее разрешения.

— Вы имеете в виду генерала Арчегова. — В голосе командующего ВСЮР слышалась неприкрытая ирония.

— Да, именно генерал-адъютанта Константина Ивановича Арчегова, без которого, говорю вам откровенно, в Сибири рухнуло бы все, а Красная армия уже была бы за Байкалом. Я до последнего моего вздоха буду ему благодарен за все, что он сделал, и за то, что еще только совершит.

— Ничего не понимаю. Я разговаривал с офицерами, что в германскую войну служили с ним в одном полку, и никто из них даже не отметил какие-то особенные дарования у ротмистра Арчегова. Храбр, может, отчаянно храбрый офицер, но отнюдь не полководец, — Деникин был удивлен и даже не пытался это скрывать. Он только покачал головой.

— И меня удивляет странная метаморфоза, когда за два месяца ротмистр совершает головокружительный карьерный прыжок, не перескакивая, а перелетая через чины. Из рядового командира дивизиона, а не начальника дивизии отнюдь, не имея за плечами академии генерального штаба, становится в одночасье генерал-адъютантом его величества, командующим армией и военным министром Сибирского правительства.

— Антон Иванович, мне самому это было удивительно до тех дней, пока я не стал общаться с ним, видеть, как он принимает решения, что делает, какие цели ставит. Во Владивостоке я получил перед самым отплытием письмо от графа Келлера, который откровенно пишет, что ставит Арчегова как военного министра гораздо выше Милютина, а как полководца намного талантливей Ромейко-Гурко. Но ведь они стали фельдмаршалами в зрелом возрасте. И как вы мне прикажете понимать такой демонстративный намек?

Голос Колчака зазвучал громко, подобно флотским колоколам — любое злословие в адрес Арчегова он стал принимать на свой личный счет, и в его голосе сразу же лязгал металл, с тем же грохотом, с каким на кораблях задраивают броневые двери, готовясь к бою.

— Мне интересно, почему вы доверяете пустым словам каких-то сослуживцев Арчегова

больше, чем мнению и наилучшим отзывам его величества, генералов Дитерихса, Лохвицкого и других не менее заслуженных офицеров. Председателя правительства Вологодского, графа Келлера и моему собственному мнению. — Голос Колчака завибрировал от сдерживаемого гнева, а у Деникина удивленно выгнулись брови.

— За генерала Арчегова говорят его дела. Блестящая победа над чехами под Иркутском, победоносное наступление от Красноярска до Омска с разгромом и истреблением 5-й армии красных. А ведь пройдено расстояние намного большее, чем от Ростова до Москвы. И это при том, что проделана колоссальная работа, и отступавшая ранее наша армия сейчас совершенно преобразилась. Поэтому не стоит вам принимать во внимание мнение каких-то офицеров, пусть и храбрых — они просто не знают, что в Сибири совершенно *иной* Арчегов, и не ротмистр, а не менее заслуженный генерал, чем мы с вами, ваше превосходительство!

— Александр Васильевич, я совсем не то имел в виду, — Деникин понял, что несколько перегнул, и отступил. Он говорил от незнания, по аналогии с теми молодыми генералами ВСЮР, которые два года назад были лишь капитанами. Но вибрирующий голос адмирала ошарашил Антона Ивановича, и он внутри напрягся — может быть, действительно говорят правду о сибирских событиях и роли этого генерала в них?!

В то же время ему послышался завуалированный упрек в словах Колчака — войска были у Тулы, но отошли к Дону, а в Сибири, отступив от Омска до Красноярска, практически вернули все утраченное за два месяца. Не на это ли намекал адмирал, говоря об Арчегове? Так что это за ротмистр такой, которого генерал Лохвицкий в своем письме к Деникину, полученном им вчера, осмелился сравнить с самим «белым генералом», знаменитым Скобелевым.

— Сейчас красные остановились и даже отвели свои войска. Почти не стреляют. — Генерал заговорил спокойно, он первый раз видел вспышку Колчака, о которой раньше только слышал. А потому старался сгладить разговор и ушел от острой темы.

В конце концов, молодость единственный недостаток у военного министра, и со временем совершенно пройдет. И если этот Арчегов действительно таков, как о нем говорят, то, Антон Иванович решил это про себя, он ему охотно подчинится. Устраивать склоку, как Врангель, что постоянно интригует против него, не станет. Дело освобождения России намного важнее собственных амбиций.

— Поэтому используйте передышку, чтобы привести армию в порядок. Вооружить и снабдить, средства я доставил на «Орле» — этого хватит на первые полгода. По крайней мере, так думают в Сибири.

— Вы привезли сюда часть золотого запаса империи?! — Голос Деникина заметно дрогнул. Хроническое безденежье на фоне чрезвычайно многочисленного обращения всевозможных денежных знаков — «донских», керенок, «романовских» и всяких прочих, включая те купюры, которые беспрерывно печатал казначейский станок ВСЮР, совершенно подорвали экономику. Деньги стремительно дешевели, доверие к ним упало, и их место занимал самый натуральный обмен.

— Да. На семьдесят миллионов золотом, и вдвое больше новыми купюрами, изготовленными в Северной Америке. Со мной прибыли чиновники Минфина, а на транспорте подойдут купленные в Японии станки для чеканки медной и серебряной монет.

Деникин облегченно вздохнул — теперь он был втайне благодарен Арчегову за перемирие. Он не поступился своей клятвой не вступать с красными в переговоры, за него это сделали император и молодой генерал. Так что совесть чиста — он подчинился приказу. А теперь, имея средства, можно расплатиться за поставки, оздоровить финансы, привести армию в порядок. Вопрос только в том, сколько будет дней того самого перемирия.

— Я думаю, у нас есть пять-шесть недель, максимум семь. Как только подсохнут дороги,

красные перейдут в наступление большими силами. Так считает военный министр, телеграмму от него получил вчера, радио из Константинополя. Я разделяю его точку зрения. Большевикам важно разгромить вашу армию в эти сроки, ведь Сибирь далека, и начинать там воевать в апреле невозможно, — Колчак словно прочитал мысли генерала и чуть улыбнулся краешками тонких губ.

— Что касается поставок оружия и других значимых материалов, то мы уже заказали и оплатили САСШ поставку сотни аэропланов, нескольких десятков танков и броневигов, обмундирования, большого количества снарядов и патронов. Боеприпасы делались по старым русским заказам, а потому нам подойдут. Прошу вас не тратить средства на винтовки, пулеметы и орудия — в течение месяца будет собрано и отправлено сюда все вооружение сибирской армии. Вам будет передано и вооружение трех чехословацких и польской дивизий. Причем завтра-послезавтра подойдут два первых транспорта, а чуть позже еще три. Затем еще — все зависит от фрахта.

— На сколько можно рассчитывать, Александр Васильевич?

— До апреля вы получите вооружение двух чешских дивизий и взятое у наших войск в Приморье. Примерно с сотню пушек и гаубиц, полтысячи пулеметов, тысяч 30–35 винтовок. В мае-июне будет перевезено столько же. У меня к вам имеется послание Арчегова и письмо Вологодского, а также необходимые документы. А вы говорили, что вас...

Колчак недоговорил, но генерал правильно понял упрек — обвинение в предательстве совершенно напрасное и оскорбительное.

— Я немедленно отправлю благодарственную телеграмму Вологодскому и военному министру. И у меня вопрос — отдавая нам свое вооружение, в Сибири уже получили замену этому?

— Идут поставки из Японии «арисак» и патронов, к уже состоящим в наличии. Армия будет иметь один калибр патронов в две с половиной линии. До ста тысяч винтовок и карабинов, несколько сотен станковых пулеметов. В Иркутске ижевские оружейники развернули производство легкого пулемета, названного автоматом, с поставкой из Японии стволов и некоторых нужных деталей. В телеграмме военного министра, полученной мною вчера, указывается ежедневное изготовление свыше тридцати штук.

— Этого достаточно, к лету будет изготовлено до тысячи, — Деникин быстро прикинул возможности и тяжело вздохнул. — Лишь бы патронов хватило. И как там такое удалось?! Завидую до глубины души.

— Япония поставляет полевые и горные пушки, гаубицы. Снаряды и патроны, но кое-что уже делается и в Сибири. Из Америки поступят аэропланы, танки, снаряжение. Сибирской армии будет чем воевать с красными летом. И надеюсь, она дойдет до Урала.

— И я надеюсь на это! Тем более что и нам теперь есть чем воевать. И средства имеются. И резервы — по настоянию Арчегова, а он мне раза три телеграммы отправлял с этой просьбой, полностью перевезена Уральская армия и тысяч двадцать беженцев. Мы потеряли несколько кораблей — красные пытались сорвать эвакуацию из Гурьева и Александровска.

— Извините, Антон Иванович, но вы затронули вопрос, по которому я сюда и прибыл. Волею и приказом его величества Михаила Александровича, меня назначили командующим Черноморским флотом, а также флотилией на Каспии. А потому, прошу ваше высокопревосходительство отдать соответствующие распоряжение о моем вступлении в должность...